

Библиотека Николаевского
Университета.

БОНИ.
(Професоръ физіології въ Нанси).

ГИПНОТИЗМЪ.

(«Le somnambulisme provoqué. Recherches physiologiques
et psychologiques» par Beaulis).

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ФІЗІОЛОГІЧЕСКІЯ И ПСИХОЛОГІЧЕСКІЯ.

Переводъ со втораго французскаго изданія

П. В. Мокіевскаго.

(Съ предисловіемъ и добавленіями переводчика).

ВТОРОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна одинъ рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія П. И. Шмидта; Галерная ул., д. № 6.
1889.

Цѣнность жизни

изслѣдованіе П. В. МОКІЕВСКАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

Содержание:

Гл. I. Предварительныя замѣчанія и постановка вопроса.

Гл. II. Современныя ученія о цѣнности жизни.

(Содержаніе гл. II: § 1. Два слова о XVIII вѣкѣ.—§ 2. Леопарди.—§ 3. Шопенгауэръ.—§ 4. Фрауенштедтъ.—§ 5. Юліусъ Банзенъ.—§ 6. Эдуардъ Гартманъ.—§ 7. Таубертъ.—§ 8. Дюрингъ.—§ 9. Селли.

Гл. III. Балансъ жизни.

(Содержаніе гл. III: § 1. Психологія чувствованій.—§ 2. Критика шопенгауэрскаго ученія о цѣнности жизни.—§ 3. Критика гартмановскаго ученія о цѣнности жизни.—§ 4. Критика ученія Селли о постоянныхъ источникахъ удовольствій.—§ 5. Раціональная схема жизни.—§ 6. Цѣнность жизни на современной стадіи человѣческаго развитія).

Гл. IV. Заключеніе.

К. Вирнбаумъ (профессоръ химіи въ Карлсруэ). Простѣйшие методы для распознаванія поддѣлки важнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ. Перев. съ 3-мъ нѣмецкаго изданія П. Мокіевскаго. Ц. 20 к.

Е. Каро. Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ.—Леопарди.—Шопенгауэръ.—Гартманъ.—Переводъ съ франц. П. В. Мокіевскаго. Съ приложеніемъ «Бесѣды о пессимизмѣ» въ берлинскомъ философскомъ общ. Перев. съ нѣм. Никандра Молчановскаго. Ц. 1 р.

Предисловіе переводчика ко второму изданію.

Предлагая читателямъ второе изданіе русскаго перевода книги Бони, я считаю небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ о гипнотизмѣ, о которомъ русской публикѣ приходилось читать самые разнообразные отзывы.

Какъ все новое, гипнотизмъ вызвалъ противорѣчивыя сужденія и породилъ недоразумѣнія. Одни увидали въ гипнотизмѣ какую-то панацею, средство для исцѣленія чуть не всѣхъ золъ нравственныхъ и физическихъ; другіе не только отказывались признать за гипнотизмомъ какое бы то ни было полезное значеніе, но даже не видѣли въ немъ ничего, кроме зла: нервнаго разстройства гипнотизуемыхъ и возможности преступлений со стороны гипнотизаторовъ.

Что касается недоразумѣній со стороны публики и писателей, то мы должны замѣтить, что гипнотизмъ часто смѣшивали съ явленіями совершенно другаго рода. Какъ это ни странно, но намъ, напримѣръ, нерѣдко приходилось наблюдать, что гипнотизмъ смѣшивали со спиритизмомъ! Подъ вліяніемъ подобнаго смѣшанія понятій, противники гипнотизма высказывали не разъ довольно странныя обвиненія противъ него. Мы не особенно удивляемся, когда слышимъ, напримѣръ, что мадридскій архіепископъ въ пастырскомъ посланіи своемъ противъ гипнотизма¹⁾ смѣшиваетъ ученыхъ, занимающихся гипнотизмомъ, съ тѣми суевѣрными людьми, которые пытаются, при посредствѣ разныхъ мистическихъ приемовъ, узнать будущее; не удивляемся потому, что почтенныій прелатъ, очевидно, забрался здѣсь не въ свою область.

Но мы не можемъ не выразить своего удивленія, когда оказывается, что и такая компетентная особа, какъ г-жа Манассеина, впадаетъ въ аналогичное заблужденіе. „Придавая сновидѣніямъ, говоритъ г-жа Манассеина²⁾, предсказательное значеніе, люди рассматривали ихъ за внушенія злыхъ и добрыхъ духовъ, и мысль эта, возведенная въ болѣе или менѣе стройную систему, должна была, конечно, оставить

¹⁾ См. Revue de l'hypnotisme. 3-е ann e, № 4 „La lettre pastorale de Mgr l' v que de Madrid sur l'hypnotisme“.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, Сентябрь. Сонъ, какъ третья жизнъ человѣка. М. М. Манассеиной. Стр. 95.

известные, более или менѣе стойкіе слѣды въ нервно-мозговой системѣ человѣка, и вотъ, въ концѣ просвѣщенаго XIX столѣтія эта мысль, переданная намъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ въ скрытомъ состояніи, вдругъ оживаетъ, за-владѣваетъ вниманіемъ просвѣщеннѣйшихъ ученыхъ нашего столѣтія, гордыхъ своими фактическими знаніями, своими естественно-научными способами изслѣдованія, и въ результаѣ, благодаря атавизму, получается изъ-подъ пера этихъ ученыхъ удивительная литература, доказывающая, что путемъ внушенія во время гипноза можно излечивать всевозможныя болѣзни, хотя бы, напр., умопомѣшательство, доказывающая, что путемъ внушеній можно заставить человѣка сдѣлать ужаснѣйшее преступленіе, и наоборотъ—можно лѣчивааго ученика сдѣлать прилежнымъ, преступныя наклонности превратить въ добродѣтельныя и т. д.“.

Не касаясь нѣкоторыхъ другихъ сторонъ этого мнѣнія Г-жи Манассеиной, я замѣчу только, что она, обозначивши два совершенно различныя явленія однимъ терминомъ „внушеніе“, считаетъ себя въ правѣ, благодаря этому, отожествить гипнотическое внушеніе и пророчество сновидѣнія и установить между ними преемственную связь.

Разсмотримъ поближе оба эти явленія.

Во второй пѣснѣ Иліады мы читаемъ, что Зевесь посыпаетъ Агамемнону „божественный Сонъ“, который сообщаетъ царю, что Троѣ уже болѣе не покровительствуетъ никто изъ боговъ и что, поэтому, Агамемнонъ можетъ ее взять на другой же день. Агамемнонъ вѣритъ этому сну и ополчаетъ свои дружины. Почему онъ таѣтъ поступаетъ? Только потому, что онъ, какъ и всякий Ахеецъ, знаетъ, что „и сны отъ Зевеса бываютъ“ (Иліада, I, 63). Слѣдовательно, во-первыхъ, Агамемнонъ *твѣрдо помнитъ*, что совсѣмъ штурмовать Трою *былъ ему данъ постороннею личностью*, во-вторыхъ, онъ вѣритъ, что этою постороннею личностью былъ самъ Зевесь. Для него важно было узнать волю Зевеса, а какимъ образомъ, это—вопросъ второстепенный. Всякий, читавшій Иліаду, знаетъ, что боги гораздо чаще возвѣщали героямъ свою волю на яву, чѣмъ во снѣ, и герои одинаково слушали ихъ приказанія, лишь только узнавали, чѣмъ это приказанія. Конечно, не одни боги пользовались такимъ довѣріемъ. Спящему могъ явиться кто-либо изъ его предковъ, его друзей и сообщить *какія-нибудь полезныя для него свѣдѣнія*; человѣкъ, получившій подобный свѣдѣнія, вѣритъ, что тѣ, которые ихъ сообщили, знаютъ болѣе его, знаютъ будущее и изъ благорасположенія къ нему даютъ ему соответствующія

III

наставлениі. Если бы ему явился во снѣ его злѣйшій врагъ и далъ бы какой-нибудь совѣтъ, то, конечно, онъ не исполнилъ бы его. Не даромъ и Сонъ, посланный Зевесомъ, желая заслужить довѣріе Агамемнона:

„Сталь надъ главой онъ царевой, Нелееву сыну подобный“, „Нестору, болѣе всѣхъ Агамемнономъ читому старцу“; (Ил., II, 20).

Конечно, сновидѣніямъ вѣрять и тогда, когда нѣтъ пророчествующаго лица, когда просто видятъ будущія события, но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ всего выше-сказанного. Вѣрящій въ пророческое значеніе сновидѣнія основываеть, сознательно или безсознательно, свое вѣрованіе на одномъ изъ двухъ предположеній: или онъ думаетъ, что сновидѣніе посыпается какимъ-нибудь высшимъ существомъ, причемъ нѣтъ надобности, чтобы это существо являлось ему лично, или посыпало своего вѣстника; или же онъ полагаетъ, что душа во время тѣлеснаго сна обладаетъ „свойствомъ“ ясновидѣнія.

Но какова бы ни была конечная метафизическая теорія пророческаго сновидѣнія (у громаднаго большинства людей никакой ясно формулированной теоріи и не существуетъ), очевидно, что люди вѣрящіе снамъ, во-первыхъ, полагаютъ, что имъ удалось заглянуть въ будущее, во-вторыхъ, знаютъ, что для получения этихъ высшихъ свѣдѣній имъ пришлось прибѣгнуть къ посторонней помощи: божеству, умершему предку, или хотя бы особому „свойству“ души, которое должно, конечно, рассматриваться, какъ нѣчто чуждое нашему тѣлесному я, дѣятельность котораго ограничена ощущеніями и представленими. Что же общаго между этими людьми и тѣми, которые, по словамъ г-жи Манассеиной, полагаютъ, „что путемъ внушеній можно заставить человѣка сдѣлать ужаснѣшее преступленіе.“?! — Ровно ничего.

Гипнотизаторъ усыпляетъ своего субъекта и говорить ему: „Послѣ пробужденія вы почувствуете ненависть къ NN; вы захотите его убить; вы возьмете вотъ этотъ ножъ и убьете его.“ Послѣ пробужденія загипнотизованный исполняетъ приказаніе гипнотизатора. Но почему? Только потому, что онъ вдругъ почувствуетъ ненависть къ NN и желаніе убить его. Прежде всего, очевидно, что здѣсь ни о какомъ знаніи будущаго не можетъ быть и рѣчи; загипнотизованный просто захочетъ убить NN, а не узнаетъ черезъ пророчество, что ему удастся убить этого человѣка. Затѣмъ, насколько при пророческомъ сновидѣніи очевидно вмѣшательство какого-то посторонняго, вѣнчшаго фактора, настолько же очевиденъ

чисто субъективный характеръ внушенного желания; загипнотизованный и не подозрѣваетъ, что желание ему *снушиено* постороннимъ лицомъ, онъ просто чувствуетъ ненависть къ NN, подобную той ненависти, какую испытывалъ онъ къ другимъ лицамъ безъ всякаго внушенія; мало того, если онъ и удивится своей внезапно возгорѣвшей ненависти, то онъ навѣрно придумаетъ какой-нибудь небывалый фантазію, прибѣгнетъ къ какому-нибудь фантастическому объясненію, и т. п., но только не догадается, что ненависть ему *снушиена*.

Вотъ на какомъ смѣшніи понятій основаны обвиненія противъ гипнотизма, высказываемыя даже такими компетентными лицами, какъ г-жа Манассеина!

Однако, нельзя не признать, что есть люди, возлагающіе чрезмѣрныя надежды на гипнотизмъ. Но развѣ ученые, занимающіеся гипнотизмомъ, въ этомъ виноваты? Конечно, они такъ же не отвѣтственны за увлечение гипнотизмомъ, какъ ученые изслѣдователи законовъ механики не отвѣтственны за людей, до сихъ поръ еще ищущихъ *регретум mobile*.

Но противники гипнотизма не ограничиваются указаниемъ случаевъ чрезмѣрного увлечения гипнотизмомъ. Они идутъ гораздо дальше. Одни совершенно отрицаютъ гипнотизмъ, даже какъ явленіе; по мнѣнію этихъ людей, все дѣло сводится къ притворству со стороны гипнотизуемыхъ и легко-вѣрью гипнотизаторовъ. Еще недавно такой взглядъ раздѣлялся большинствомъ людей, касавшихся этого вопроса, но теперь онъ почти всѣми оставленъ; въ настоящее время противники гипнотизма указываютъ только на вреднѣ послѣдствія гипнотизации и отрицаютъ терапевтическое значеніе гипнотического внушенія.

Насколько они правы? Насколько ихъ обвиненія доказаны? Разсмотримъ значение гипнотизма. Прежде всего, гипнотизмъ, какъ явленіе, стоить теперь вѣдь всякаго сомнѣнія; теперь невозможно уже сводить все дѣло къ притворству и легко-вѣрью, но необходимо признать, что гипнотическое состояніе представляетъ сумму своеобразныхъ нервно-психическихъ явлений, которые имѣютъ право занять особенную главу какъ въ физиологии нервной системы, такъ и въ психологіи. Но этого мало; оказывается, что организмъ загипнотизованного приобрѣтаетъ такую пластичность, благодаря которой, гипнотическое внушение можетъ вызвать въ немъ разнообразные физиологические и психологические процессы. Благодаря этому, гипнотизмъ приобрѣтаетъ значеніе: 1) какъ методъ психологического изслѣдованія, 2) какъ терапевтический приемъ.

Значеніе гіпнотизму, якъ психологіческаго метода, очевидно. Якъ гіпнотизаторъ можеть по произволу возбуджатъ тѣ или іные психіческіе процессы, то онъ, по справедливому замѣчанію Бони, можеть производить духовную вивісекцію, и гіпнотизмъ можеть сослужить психології службу аналогичную той, которую вивисекція сослужила фізіології.

Но тѣ же искусственно вызванные психологические процессы, а также и искусственно вызванные фізіологические процессы могутъ пріобрѣсти терапевтическое значеніе. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся со слѣдующимъ своеобразнымъ возраженіемъ. Намъ говорятьъ, что процессы, вызванные гіпнотическимъ внушеніемъ, порождаются однимъ „воображеніемъ“ загипнотизованного, и, сдѣлавши подобное замѣчаніе, полагаютъ, будто дѣйствительно привели серьезный доводъ противъ терапевтическаго значенія гіпнотизму. *Воображеніе*— вотъ опять словечко, которое пугаетъ противниковъ гіпнотизма, забывающихъ справедливое замѣчаніе Deslon'a: „если лѣченіе при содѣйствіи воображенія окажется наилучшимъ, то почему-бы намъ не прибѣгнуть къ подобному лѣченію“. Намъ приходилось встрѣчать подобного рода своеобразны разсужденія у писателей, отрицающихъ терапевтическое значеніе гіпнотизму. Сначала говорилось много о могущественномъ значеніи воображенія. Примѣровъ этого могущества можно набрать множество. Начиная съ извѣстнаго случая французскихъ королей быаго времени, которые исцѣляли своихъ вѣрноподданныхъ, и кончая случаями разныхъ пріобрѣвшихъ славу знахарей, мы всюду увидимъ, что больные исцѣлялись только благодаря своей вѣрѣ въ того, къ помоши котого они прибѣгали. Приведши достаточное число подобнаго рода примѣровъ, авторъ переходитъ къ доказательству того положенія, что при гіпнотическомъ внушеніи все дѣло сводится къ вліянію воображенія. И изъ всего этого авторъ дѣлаетъ неожиданное заключеніе, что люди, придающіе гіпнотизму терапевтическое значеніе, заблуждаются. Но мы считаемъ себя въ правѣ вывести совершенно обратное заключеніе. Разъ что огромное значеніе „воображенія“ доказано, и стало извѣстно, что гіпнотическое внушеніе вліяетъ черезъ это самое „воображеніе“, то терапевтическое значеніе гіпнотизма дѣлается очевиднымъ. Французскіе короли съ ихъ цѣлебными свойствами были, да прошли, и не всякий человѣкъ имѣть на примѣтѣ знахаря, авторитету которого онъ слѣпо вѣритъ, тогда какъ гіпнотизмъ даетъ намъ вѣрный пріемъ, благодаря которому, каждый врачъ можетъ овладѣть „воображеніемъ“ болѣнаго съ гораздо большею силой, чѣмъ какой-бы то ни

было цѣлитель. Собственно говоря, абсолютные противники гипнотизма, т. е. тѣ, которые отрицаютъ его, даже какъ явленіе, гораздо послѣдовательнѣе болѣе умѣренныхъ противниковъ его, которые признаютъ реальность гипнотическихъ явленій, но считаютъ себя въ правѣ докладически рѣшать вопросъ о терапевтическомъ значеніи гипнотизма.

Но, можетъ быть, эти внушенія покупаются дорогою цѣною. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего со слѣдующимъ сентиментальнымъ возраженіемъ: „Тотъ, кто получаетъ внушеніе, лишается собственной воли, дѣлается въ извѣстномъ отношеніи какъ бы автоматомъ“. Но, руководясь такими соображеніями, придается осудить всѣхъ психиатровъ, которые тоже лишаютъ своихъ пациентовъ „собственной воли“. Затѣмъ, намъ говорятъ: „Сознаніе есть высшій даръ человѣка, а гипнозъ понижаетъ это сознаніе“. Но какъ, спрошу я, понижаетъ онъ это сознаніе: навсегда или временно? Если мнѣ отвѣтятъ: навсегда, я скажу: это совершенно бездоказательное обвиненіе, вы не можете привести въ свою защиту ни одного факта. Если же мнѣ отвѣтятъ, что сознаніе понижается только на время, то я предложу имъ осудить ради послѣдовательности усыпляющія и болеутоляющія средства, употребляемыя современою медициною; конечно, тогда придется осудить и хлороформъ, который лишаетъ человѣка его высшаго дара: сознанія .. того, какъ у него отрѣзываютъ, напримѣръ, ногу.

Что касается разныхъ нервныхъ разстройствъ, будто-бы являющихся послѣствиемъ гипнотизаціи, то, не отрицаю возможности подобныхъ явленій, я замѣчу только слѣдующее. Подобные случаи, впрочемъ весьма рѣдкіе, можно рассматривать скорѣе какъ неполное излѣченіе или, лучше сказать, перемѣну формы проявленія болѣзни. Обыкновенно дѣло сводится къ слѣдующему: больной сначала чувствуетъ значительное облегченіе отъ гипнотического лѣченія, а затѣмъ болѣзнь возвращается и иногда въ другой формѣ. Но развѣ ничего подобнаго не случается и при другихъ способахъ лѣченія нервныхъ и истерическихъ больныхъ?

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ основномъ явленіи гипнотизма: о внушеніи. Вопросъ о гипнотизмѣ не выйдетъ изъ фазы эмпирическихъ обобщеній, не получитъ научной стройности, пока не будетъ создана теорія внушенія. Но, прежде всего, нужно замѣтить, что тотъ, кто признаетъ возможность внушенія (а таково большинство противниковъ гипнотизма), тѣмъ самымъ признаетъ *влияніе* этого внушенія на организмъ, а каково будетъ это вліяніе, можетъ ли

оно быть полезнымъ, или оно всегда вредно — на это нельзя отвѣтить съ научною точностью *ни отрицательно, ни положительно*, пока не будетъ создана теорія внушенія. Слѣдовательно, отсутствіе подобной теоріи является одинаковымъ неудобствомъ, какъ для защитниковъ, такъ и для противниковъ гипнотизма. Приходится обращаться къ чисто эмпирическимъ даннымъ и обобщеніямъ (что, замѣчу мимоходомъ, не даетъ еще права относиться пренебрежительно къ гипнотизму, ибо таково состояніе всей современной медицины), а эти данные и обобщенія говорятъ за гипнотическое внушеніе. Многіе достойные уваженія врачи сообщали о неоднократномъ успѣшномъ примѣненіи внушенія при различныхъ болѣзняхъ; затѣмъ мы можемъ привести и нѣкоторыяaprіорныя соображенія, говорящія въ пользу внушенія. Въ самомъ дѣлѣ, если внушеніе можетъ вызывать и подавлять психические и нѣкоторые физиологические процессы, то не является ли *весьма вероятнымъ*, что это возбужденіе и подавленіе процессовъ можно такъ скомбинировать, что получатся известные желательные результаты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вполнѣ очевидно. Напримѣръ, если человѣкъ страдаетъ отъ *воспоминанія* о какомъ нибудь событии, то развѣ искусственно внущенное забвеніе этого события не дастъ ему покоя³⁾? На это могутъ возразить, какъ я уже говорилъ выше, будто самъ процессъ гипнотического внушенія есть процессъ патологический. Но пока вѣтъ теоріи внушенія, подобное обвиненіе остается *бездоказательнымъ*; мало того, оно имѣеть противъ себя весь авторитетъ эмпирическихъ наблюденій, которыя говорятъ, что гипнотизовать можно долго и часто, не вызывая никакихъ разстройствъ. Если соплются на то, что способностью подчиняться внушению загипнотизованные напоминаютъ нѣкоторыхъ нервно-больныхъ, то на это можно возразить, что способностью въ внушенію люди обладаютъ и во время обыкновенного, нормального сна, какъ это показалъ Мори.

И такъ, мы имѣемъ основаніе считать мнѣніе о вредѣ гип-

³⁾ Дельбефъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (см. „Origine des effets curatifs instantanés de l'hypnotisme sur les maladies chroniques“. „Revue de l'hypnotisme“. 3-е апнѣе, № 3): Боль причиняетъ раздраженіе; поэтому боль, являющаяся вслѣдствіе какого нибудь болѣзненнаго процесса, сама усиливаетъ этотъ процессъ, а слѣдовательно, избавивъ человѣка отъ болевыхъ ощущеній, мы, тѣмъ самымъ, ослабимъ болѣзненный процессъ. Справедливость этого разсужденія была подтверждена опытомъ. Дельбефъ производилъ ожоги на двухъ симметрическихъ мѣстахъ (напр., на обояхъ плечахъ) тѣла у одного и того же человѣка; затѣмъ онъ внушалъ этому субъекту, что онъ не будетъ чувствовать боли отъ одного изъ ожоговъ. И именно этотъ *нечувствуемый* субъектомъ ожогъ *заживалъ гораздо легче*, чѣмъ другой, вызывавшій боль.

нотического внушения бездоказательнымъ и довѣрять эмпирическимъ даннымъ, говорящимъ въ пользу цѣлебнаго значенія внушенія. Но не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ послѣшникъ обобщеній, не слѣдуетъ преувеличивать могущество внушенія. Пока мы можемъ только настаивать на роли внушенія при различныхъ функциональныхъ разстройствахъ, хотя такие факты, какъ образованіе пузыря, подобного пузырю отъ мушки, вызванного однимъ только внушеніемъ, и дозволяютъ надѣяться на болѣе широкое примѣненіе внушенія.

Но еще болѣе слѣдуетъ остерегаться превращать гипнотизмъ въ забаву, давать публичныя театральныя представленія гипнотизма. Изъ того обстоятельства, что гипнотическая явленія бывають весьма «занимателны» и «любопытны», еще не слѣдуетъ, что нужно перенести ихъ на сцену. Къ этому нужно еще прибавить, что людей, одаренныхъ особенною способностью гипнотизовать, нѣть и быть не можетъ. Если способъ усыпленія пассами еще оставляетъ возможность сомнѣнія относительно этого, то, за то, никакого сомнѣнія не оставляетъ другой, весьма распространенный и могущественный способъ гипнотизаціи: способъ фиксаціи. Какъ известно, онъ заключается въ слѣдующемъ: гипнотизуемаго заставляютъ пристально смотрѣть на какой либо (по большей части блестящей) предметъ, и гипнотическое состояніе наступаетъ довольно быстро. Очевидно, въ данномъ случаѣ индивидуальность гипнотизатора не играетъ никакой роли. Если же мы видимъ, что некоторые профессиональные гипнотизаторы какъ будто обладаютъ большею, сравнительно съ другими людьми, способностью усыплять своихъ субъектовъ, то это можно объяснить обаяніемъ, которымъ они пользуются въ глазахъ публики, и чисто техническою ловкостью, приобрѣтенною ими долговременною практикою.

Собственно говоря, не будетъ чрезмѣрною строгостью, если мы скажемъ, что гипнотизмомъ имѣютъ право заниматься только врачи и психологи. Нѣкоторые юристы не безъ успѣха занимались вопросомъ о гипнотизмѣ; но очевидно, что здѣсь они сходили съ чисто юридической почвы и входили въ область судебной медицины и судебной психологии, т. е., въ область тѣхъ наукъ, для занятія которыми требуются солидныя медицинскія и психологическія свѣдѣнія и достаточно самыхъ элементарныхъ свѣдѣній юридическихъ. Гипнотизмъ породилъ только одинъ чисто юридический вопросъ, это — вопросъ о правѣ гипнотизовать подсудимаго для получения отъ него показаній. Но для рѣшенія этого вопроса нѣть надобности заниматься гипнотизмомъ.

Зато съ другой стороны, мнѣніе, будто публику совсѣмъ не слѣдуетъ знакомить съ гипнотизмомъ, такъ какъ могущество вліяніемъ внушенія можно воспользоваться съ преступною цѣлью, подобное мнѣніе вдвойной ошибочно, какъ потому, что нѣтъ никакой возможности держать гипнотическую явленія въ такой тайнѣ, чтобы о нихъ не могъ узнать человѣкъ, ищущій средство для совершенія преступленія, такъ и потому, что широкое распространеніе свѣдѣній о гипнотическихъ явленіяхъ споспѣшствуетъ тому, что люди, противъ которыхъ будутъ обращены злыя намѣренія, не будутъ такъ легковѣрны и такъ беззащитны, какъ беззащитны и легковѣрны тѣ, кто и не подозрѣваетъ обѣ опасности.

П. М.

P. S. Вотъ любопытныя „Положенія“, которыми д-ръ Токарскій резюмируетъ свою брошюру „Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія“:

- 1) При оцѣнкѣ вліянія гипнотического сна и внушеній необходимо принять во вниманіе вліяніе гипнотизированія, т. е. способа вызыванія сна и примѣненія внушеній.
- 2) Вредное вліяніе гипнотизированія можетъ обнаружиться въ зависимости отъ отношенія субъекта къ усыплению; причемъ
- 3) страхъ передъ гипнотизированіемъ, особенно соединенный съ опредѣленнымъ представлениемъ объ ожидаемыхъ послѣдствіяхъ, играетъ важную роль.
- 4) Неправильное отношение усыпляющаго также можетъ дать нежелательные осложненія, при этомъ
- 5) рѣзкость воздействиія можетъ усилить душевное волненіе подвергающагося усыплению и тѣмъ еще болѣе способствовать появленію осложненій.
- 6) Усыпление противъ воли, даже производимое безъ особенной рѣзкости, также можетъ вести къ вреднымъ послѣдствіямъ.
- 7) Чрезмѣрное напряженіе глазныхъ мышцъ при продолжительной фиксациіи производить головную боль и иногда обусловливаетъ наступленіе припадковъ.
- 8) Примѣненіе внушеній всегда требуетъ осторожности и въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ ограничиваться только вліяніемъ гипнотического сна.
- 9) Внушенія должны исходить изъ одной идеи и быть исполними при существующихъ условіяхъ жизни гипнотизируемаго.
- 10) Частные внушенія, имѣющія цѣлью устраненіе симп-

томовъ, должны присоединяться къ общимъ внушеніямъ вы-
здоровленія.

11) Неисполненіе этихъ требованій обусловливаетъ за-
мѣну однихъ пришадковъ другими, развитіе произвольнаго
сомнамбулизма, нарушеніе душевнаго равновѣсія вообще.

12) Всѣ внушенія, сохраненіе вліянія которыхъ нежела-
тельно, должны быть отмѣнены, что имѣеть преимуществен-
ное значеніе для опытовъ.

13) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ неоднократнаго усып-
ленія развивается стремленіе къ самогипнотизированію.

14) Для устраненія чего, при соотвѣтствующихъ указа-
ніяхъ, слѣдуетъ внушать запрещеніе засыпать произвольно.

15) Громадное большинство случаевъ вреднаго вліянія
гипнотизированія обусловливается несоблюдениемъ указанныхъ
требованій.

16) Слѣдуетъ допустить, что у нѣкоторыхъ лицъ съ чрез-
мѣрною возбудимостью нервныхъ элементовъ и большою нерв-
ной слабостью, при нарушеніи равновѣсія психической сферы,
даже при осторожномъ гипнотизированіи возможно появле-
ніе нежелательныхъ осложненій, причина которыхъ неиз-
вѣстна. Къ сожалѣнію, въ описаніяхъ такихъ случаевъ, очень
не многочисленныхъ, не всегда указываются способы гипно-
тизированія.

17) Нѣкоторыя формы гипнотического сна сами по себѣ
представляютъ нежелательныя явленія. Таковы случаи раз-
витія самостоятельнаго бреда и самостоятельныхъ галлюци-
націй. Существование такого сна у субъекта, при отсутствіи
внушаемости, служить противопоказаніемъ къ повторенію
усыпленія.

18) Вліяніе подражанія вообще, сложность психического
процесса во время гипнотического сна и чрезвычайная вос-
приимчивость субъекта къ виѣшнимъ вліяніямъ, равно какъ
 злоупотребленія со стороны невѣжественныхъ и злонамѣрен-
ныхъ лицъ, служать достаточнымъ основаніемъ запрещенія
 публичныхъ сеансовъ гипнотизированія, которое существуетъ
 въ Германіи, Австріи, Италии, Даніи, Бельгіи и Швейцаріи.

19) Упомянутыя запрещенія не имѣютъ отношенія къ
вопросу о медицинскомъ примѣненіи гипноза и научномъ
его изслѣдованіи.

20) Желательно, чтобы при описаніи неблагопріятныхъ
 осложненій при гипнотизированіи дѣлались указанія на психи-
ческое состояніе подвергающихся усыпленію лицъ, какъ
 до гипнотизированія, такъ и на происшедшія перемѣны въ
 этомъ отношеніи".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Физиологическое изслѣдование гипнотизма.

Въ послѣдніе годы вопросъ о гипнотизмѣ вошелъ въ новую фазу, благодаря работамъ Шарко, Ш. Ришѣ, Дюмон-палье и др., особенно же, благодаря изслѣдованіямъ д-ра Льебо, которыхъ послужили исходнымъ пунктомъ для работъ профессоровъ Бернгейма и Льежуа о гипнотическомъ внушеніи.

До сихъ поръ, каждый разъ, когда этотъ вопросъ поднимался, онъ на короткое время дѣлался моднымъ, но, затѣмъ, скоро забывался, вслѣдствіе равнодушія публики и, особенно, вслѣдствіе презрительного молчанія или даже открытой враждебности медицинскаго міра¹⁾.

Не случится ли того же и теперь? Считаю возможнымъ сказать, что нѣтъ.

Дѣйствительность гипнотическихъ явлений признается теперь большимъ количествомъ врачей и можетъ быть легко показана всемъ, которые захотятъ изслѣдовать эти явленія безъ предвзятой идеи и безъ предразсудка школы. Гипнотизмъ есть только совокупность нервныхъ явлений, которая должна быть изучаема на томъ же основаніи и въ томъ же научномъ духѣ, какъ и всякий другой физиологической вопросъ, напр., вопросъ о локализаціи въ мозгу.

Характеръ этихъ явлений, почти входящихъ въ область чудеснаго, не долженъ, какъ мнѣ кажется, останавливать серьезнаго ученаго; скорѣе онъ долженъ побудить его позна-

¹⁾ См. полную исторію этого вопроса: Cullere „Magnétisme et Hypnotisme, exposé des phénomènes observés pendant le sommeil nerveux provoqué, au point de vue clinique, psychologique, thérapeutique et médico-legal, avec un résumé historique du magnétisme animal“. Paris 1885.

комиться съ этими явленіями поближе, чтобы найти имъ объясненіе.

Наука не должна имѣть ни страха, ни почтенія; напротивъ, все чудесное ее манитъ, все таинственное ее привлекаетъ не потому, чтобы она находила удовольствіе въ неопределенномъ и темномъ, какъ это дѣлаютъ профаны, но потому, что она стремится разорвать таинственные покровы и внести всюду свѣтъ.

Вопросъ о гипнотизмѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ глубокаго и добросовѣстнаго изученія, что въ этихъ странныхъ и, повидимому, необъяснимыхъ явленіяхъ лежитъ зародышъ цѣлой глубокой революціи въ области физіологии и психологии мозга.

Одну сторону вопроса, сторону психологическую, я разсмотрю ниже.

Здѣсь же я желалъ бы изслѣдоватъ сторону физіологическую, или, скорѣе, изучить, въ цѣломъ рядъ изслѣдованій, нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ сравнительной физіологии сомнамбулы и нормального индивида въ его обыденныхъ условіяхъ естественнаго бодрствованія и естественнаго сна, т. е. заняться обширнымъ предметомъ, обнимающимъ, въ сущности, всю физіологію. Этотъ трудъ не представляетъ, однако, чего либо цѣльного; это только отрывки, разъединенные камни, могущіе когда нибудь послужить для построенія зданія, для котораго въ настоящее время мы можемъ только собирать материалъ.

Изслѣдованія подобнаго рода представляютъ довольно большія затрудненія.

Прежде всего, нужно найти людей, способныхъ быть загипнотизованными.

Подобные субъекты вовсе не такъ рѣдки, какъ это обыкновенно думаютъ. Здѣсь я долженъ опровергнуть одинъ предразсудокъ, существующій не только среди публики, но и среди многихъ врачей, а именно, будто сомнамбулизмъ можно вызвать почти только у однѣхъ истерическихъ особъ. Въ сущности, ничего подобнаго не существуетъ. Искусственный сомнамбулизмъ весьма легко вызывается у многихъ людей вовсе не страдающихъ истеріей, у дѣтей, стариковъ, людей всякоаго тѣлосложенія и всякаго темперамента.

Довольно часто даже, истерія, нервозность являются неблагопріятными условіями для вызыванія сомнамбулизма, вѣроятно, вслѣдствіе сопровождающей ихъ подвижности ума, которая мѣшаетъ гипнотизируемому субъекту сосредоточить съ достаточнou силой свое вниманіе на одной идеѣ, на идеѣ

ГИПНОТИЗМЪ

сна; наоборотъ, крестьяне, солдаты, атлетически сложенные рабочие, люди не привыкшіе давать волю своему воображению, у которыхъ мысль легко *кристаллизуется* (если мнѣ позволять такъ выразиться), часто весьма легко впадаютъ въ сомнамбулизмъ и иногда даже во время первого же сеанса.

Людей, способныхъ впасть въ сомнамбулизмъ, также гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно думають. Чтобы читатели могли составить себѣ объ этомъ ясное понятіе, я приведу сейчасъ статистическія данные, которыхъ д-ръ Льбо имѣлъ любезность составить для меня. Эти данные обнимаютъ цѣлый годъ: отъ августа 1884 до июля 1885 г. Здѣсь, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, указано число лицъ, явившихся къ нему за медицинскимъ совѣтомъ, и эти лица распределены по степени вліянія, которое имѣла на нихъ гипнотизація. Въ виду этого, я упомяну о пяти степеняхъ, принятыхъ д-ромъ Льбо.

Первая степень: сонливость. Отяжелѣніе, притупленность.

Вторая степень: легкій сонъ. Субъектъ еще слышитъ все, что говорится вокругъ него.

Третья степень: глубокій сонъ. Субъектъ не можетъ болѣе припомнить, что онъ дѣлалъ, слышалъ или говорилъ во время сна, но онъ находится еще въ сношеніи со всѣми присутствующими людьми, какъ и со своимъ усыпителемъ.

Четвертая степень: очень глубокій сонъ. Уединеніе субъекта полное, онъ находится въ сношеніи только съ тѣмъ, кто его усыпалъ.

Пятая степень: сомнамбулизмъ.

	Сомнамбу- лизмъ.	Очень глу- бокій сонъ.	Глубокій сонъ.	Легкій сонъ.	(Сонливость.	Не подда- ющіеся вліянію гипноза.	Общая сумма.
Августъ 1884 г.	16	13	28	15	13	4	89
Сент.	6	3	34	18	10	11	82
Октябрь	11	6	22	11	5	8	63
Ноябрь	8	5	14	9	4	2	42
Декабрь	10	3	11	5	3	4	36
Январь 1885 г.	3	2	8	9	2	0	24
Февраль	5	3	18	10	5	3	44
Мартъ	9	1	29	16	8	3	66
Апрель	15	6	24	14	7	2	68
Май	25	7	27	12	4	7	82
Июнь	22	10	32	9	7	8	88
Июль	11	3	24	15	8	8	69
Общая сумма . . .	141	62	271	143	76	60	753

Такимъ образомъ, на 100 душъ, подвергавшихся гипнозу, приходится случаевъ:

Сомнамбулизма	18,7
Очень глубокаго сна	8,2
Глубокаго сна	35,9
Легкаго сна.	18,9
Сонливости	10,0
Безъ всякаго вліянія.	7,9

Статистика 1880 г., опубликованная въ трудахъ проф. Бернайма ¹⁾, даетъ слѣдующіе, нѣсколько отличающіеся результаты:

Сомнамбулизмъ	162	т. е.	15,9%
Очень глубокій сонъ	232	"	22,8%
Глубокій сонъ	460	"	45,3%
Легкій сонъ	100	"	9,8%
Сонливость	33	"	3,2%
Безъ всякаго вліянія.	27	"	2,6%

Итого . . . 1,014

Сравнивая обѣ эти таблицы, мы увидимъ, что наибольшая разница приходится на очень глубокій сонъ.

Это происходитъ оттого, что въ нашей таблицѣ д-ръ Льебо помѣстилъ подъ рубрикой очень глубокаго сна только тѣхъ, которые были совершенно *уединены* и находились въ сношении только съ тѣмъ, кто ихъ усыпалъ, тогда какъ въ таблицѣ 1880 г. онъ помѣстилъ подъ этую рубрикой всѣхъ тѣхъ, которые послѣ пробужденія забывали все, что происходило втеченіе ихъ сна.

Что касается пропорціи сомнамбуль (а это наасъ больше всего интересуетъ), то она почти одинакова въ обѣихъ таблицахъ и можно вообще признать 15—18 процентовъ среди людей, взятыхъ безъ всякаго выбора, за величину нормальную, за среднее число, очень близкое къ дѣйствительности.

Мнѣ показалось интереснымъ узнать, какъ распредѣляются эти различныя степени по возрастамъ и поламъ, и д-ръ Льебо имѣлъ любезность доставить мнѣ дополнительныя свѣдѣнія по этимъ двумъ пунктамъ, свѣдѣнія, которыя я помѣщаю здѣсь тѣмъ охотнѣе, что они могутъ исправить многія ошибочные воззрѣнія на этотъ вопросъ.

¹⁾ Bernheim. De la Suggestion dans l'etat hypnotique, p. 7.

Вотъ сначала таблица съ указаніемъ половъ:

	муж- чинъ	жен- щина	всего	процентное отношение	муж- чинъ	жен- щина
Сомнамбулизмъ . . .	54	91	145	18,8	19,4	
Очень глубокій сонъ .	21	34	55	7,3	7,2	
Глубокій сонъ . . .	108	163	271	37,6	34,8	
Легкій сонъ . . .	52	99	151	18,1	21,1	
Сонливость . . .	21	50	71	7,3	10,6	
Безъ всякаго вліянія .	31	31	62	10,8	6,6	
Итого . . .	287	468	755			

Эта таблица обнаруживаетъ фактъ высокой важности, а именно, что пропорціи почти одинаковы какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, и въ частности, противно общепринятому мнѣнію, эта пропорція почти тождественна для сомнамбулизма: 18,8% для мужчинъ и 19,4% для женщинъ¹⁾.

Очевидно, нельзя предположить, что всѣ эти мужчины были истеричны, иначе придется поддерживать нелѣпое положеніе, будто среди мужчинъ цѣлыхъ 18% страдаютъ истеріей и, сверхъ того, какъ увидимъ ниже, эта истерія среди мужчинъ существовала бы во всѣхъ возрастахъ.

Распределеніе субъектовъ по возрастамъ не менѣе интересно, чымъ и распределеніе ихъ по поламъ.

По моей просьбѣ, д-ръ Льбо имѣлъ любезность составить таблицу, которую я сейчасъ представлю. Я счелъ нужнымъ принять семилѣтніе периоды, подраздѣленіе, которое показалось мнѣ наиболѣе соотвѣтствующимъ физиологическимъ измѣненіямъ развитія индивида. Эта таблица не содержитъ всѣхъ субъектовъ, приведенныхъ въ таблицѣ половъ, потому что относительно нѣкоторыхъ субъектовъ забыли отмѣтить ихъ возрастъ.

ВОЗРАСТЪ:

	Сомнамбу- лизмъ.	Очень глу- бокій сонъ.	Глубокій сонъ.	Легкій сонъ.	Сонливость.	Безъ влі- янія.	Всего.
до 7 лѣтъ . . .	6	1	3	2	1	0	23
отъ 7 до 14 лѣтъ .	36	5	15	9	0	0	65

¹⁾ Несогласія между общую таблицей и таблицей съ указаніемъ половъ легко объясняются. Существуютъ нѣкоторые субъекты, которые достигаютъ болѣе высокой степени сна только послѣ известного числа сеансовъ; такимъ образомъ, они сначала могутъ быть записаны подъ рубрикой очень глубокаго сна, а затѣмъ быть перенесены подъ рубрику сомнамбулизма. Сверхъ того, два субъекта, не поддавшихся вовсе вліянію гипноза, были забыты въ общей таблицѣ. Въ концѣ концовъ, эти несогласія незначительны и ни въ чёмъ не измѣняютъ результатовъ.

отъ 14 до 21 года .	22	5	39	5	7	9	87
„ 21 „ 28 лѣтъ	13	5	36	18	17	9	98
„ 28 „ 35 „	19	5	29	15	11	5	84
„ 35 „ 42 „	9	10	30	24	5	7	85
„ 42 „ 49 „	23	5	31	24	10	13	106
„ 49 „ 56 „	5	10	24	19	7	3	68
„ 56 „ 63 „	5	6	26	13	9	10	69
выше 63 „	7	5	23	12	4	8	59
Итого . . .	145	57	256	151	71	62	744

Чтобы лучше прослѣдить измѣненія, зависящія отъ возраста, мы даемъ ниже ту же таблицу въ не сколько иной формѣ: мы вычисляемъ для каждого возраста процентное отношеніе, таъ, напримѣръ, мы вычисляемъ, сколько приходится случаевъ сомнамбулизма, очень глубокаго сна и т. п. на каждую сотню дѣтей отъ 1 года до 7 лѣтъ; такое же вычисление дѣлаемъ мы и для каждого другого возраста.

ВОЗРАСТЬ:	Сомнамбу- лизмъ.	Очень глубокий сонъ.	Глубокий сонъ.	Легкий сонъ.	Соотвѣтств.		Безъ при- нія.
					Сомнамбу-	Легкій сонъ.	
до 7 лѣтъ . . .	26,5	4,3	13,0	52,1	4,3	0,0	0,0
отъ 7 до 14 лѣтъ	55,3	7,6	23,0	13,8	0,0	0,0	
„ 14 „ 21 года	25,2	5,7	44,8	5,7	8,0	10,3	
„ 21 „ 28 лѣтъ	13,2	5,1	36,7	18,3	17,3	9,1	
„ 28 „ 35 „	22,6	5,9	34,5	17,8	13,0	5,9	
„ 35 „ 42 „	10,5	11,7	35,2	28,2	5,8	8,2	
„ 42 „ 49 „	21,6	4,7	29,2	22,6	9,4	12,2	
„ 49 „ 56 „	7,3	14,7	35,2	27,9	10,2	4,4	
„ 56 „ 63 „	7,2	8,6	37,6	18,8	13,0	14,4	
выше 63 „	11,8	8,4	38,9	20,3	6,7	13,5	

Что прежде всего поражаетъ въ этой таблицѣ, это большая пропорція сомнамбуль въ дѣтствѣ и въ молодости (26,5 проц. въ возрастѣ отъ 1 года до 7 лѣтъ, и 55,3 проц. въ возрастѣ отъ 7 лѣтъ до 14 л.). легко замѣтить также, что въ оба периода жизни всѣ субъекты безъ исключенія болѣе или менѣе подпадаютъ вліянію гипноза. Здѣсь обнаруживается очень важное явленіе, важное особенно въ томъ случаѣ, если, какъ я думаю, гипнотическому внушенію суждено когда-нибудь играть полезную роль въ воспитаніи ребенка. Но я не желаю останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ,

который лежитъ въ моей задачи, и ограничусь здѣсь простымъ упоминаніемъ факта.

Въ старости, наоборотъ, замѣтно пониженіе числа сомнамбуль, которое все-таки остается довольно значительнымъ (отъ 7 проц. до 11 проц.), если принять въ соображеніе физиологическая условія мозговой дѣятельности въ этотъ періодъ жизни.

Изъ приведенной таблицы видно, что число людей, способныхъ дойти до сомнамбулизма, довольно значительно, такъ что если бы можно было имѣть всѣхъ ихъ въ своемъ расположениі, то ихъ было бы даже слишкомъ много.

Къ сожалѣнію, нельзя пользоваться всѣми этими субъектами.

Физиологическая изысканія требуютъ довольно значительного времени, и многіе субъекты, работники и работницы, живущіе своимъ трудомъ, не могутъ удѣлить части своего времени, если только болѣзнь не принудитъ ихъ къ невольному перерыву занятій.

Напротивъ, люди другихъ классовъ часто отказываются подвергаться опытамъ, почти всегда скучнымъ и иногда непріятнымъ.

Съ другой стороны, значительное число людей, приходившихъ за совѣтомъ къ д-ру Льебо, не живутъ въ Нансі, и иногда приходятъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей.

Наконецъ, втеченіе всего времени, когда продолжаются практическія работы въ физиологической лабораторії, мнѣ было невозможно отдаваться этимъ опытамъ, вслѣдствіе присутствія моихъ учениковъ; ибо спокойствіе и тишина суть необходимыя условія успѣха, и развлеченіе, неизбѣжное при подобной обстановкѣ, извращало бы результаты.

Я начну эти физиологические этюды нѣкоторыми фактами, которые, какъ мнѣ кажется, неоспоримо доказываютъ реальность сомнамбулическихъ явлений. Эти факты были уже опубликованы въ общихъ чертахъ, но мнѣ кажется полезнымъ возвратиться къ нимъ здѣсь, изучить ихъ въ подробности, разсмотрѣть условія ихъ появленія и вывести изъ нихъ заключенія.

Но, прежде всего, я приведу списокъ субъектовъ, которыхъ я главнымъ образомъ наблюдалъ, и опишу въ нѣсколькохъ словахъ характеръ сомнамбулическаго состоянія, въ которомъ они находились, и затѣмъ я изучу пріемы, которые я употреблялъ, чтобы вызвать у нихъ сонъ и пробужденіе, причемъ я специально остановлюсь на нѣкоторыхъ пунктахъ.

1. Общая характеристика сомнамбулического состояния.

Начну съ того, что дамъ списокъ главныхъ субъектовъ, которыхъ я наблюдалъ, причемъ сообщу нѣсколько краткихъ замѣчаній о каждомъ изъ нихъ.

1) M-eur D.—39 лѣтъ. Здоровъ. Естественный сомнамбулизмъ.

2) Victorine L.—12 $\frac{1}{2}$ лѣтъ. Пляска св. Витта, излѣченная гипнотизмомъ.

3) Stéphanie G.—14 лѣтъ. Тяжелая истерія, излѣченная гипнотизмомъ.

4) M-eur H.—23 лѣтъ. Бугорчатка легкихъ.

5) M-me V.—58 лѣтъ. Начало катараракты.

6) Delphine P.—10 лѣтъ. Специфическая нагноенія.

7) M-me M.—31 года. Здорова.

8) M-lle V.—Около 30 лѣтъ. Здорова.

9) M-me K.—34 года. Бронхитъ.

10) Eliza F.—37 лѣтъ. Истеро-эпилепсія. Излѣченіе гипнотизмомъ.

11) Louise D.—19 лѣтъ. Истерическая пляска св. Витта. Излѣченіе гипнотизмомъ.

12) Marie A.—21 года. Лимфатична. Невральгія лица.

13) Mathilde C.—23 лѣтъ. Истерія.

14) M-lle A. E.—19 лѣтъ. Анемія.

15) M-me H. A.—23 лѣтъ. Фистулы вслѣдствіе абсцеса лимфатическихъ железъ.

16) M-lle Hu—21 года. Здорова.

17) M-me L. X.—Около 30 лѣтъ. Анемія; нагноеніе на шей; fissura ani.

18) M-lle L.—22 лѣтъ. Артритъ праваго запястно-лучеваго сочлененія.

19) M-eur N.—36 лѣтъ. Гемиплегія, вѣроятно, специфического происхожденія.

Прежде, чѣмъ идти дальше, я въ нѣсколькихъ словахъ сдѣлаю общую характеристику сомнамбулического состоянія, которое я наблюдалъ у субъектовъ, списокъ которыхъ я только что представилъ.

У этихъ субъектовъ гипнотический сонъ можетъ быть вызванъ при помощи различныхъ приемовъ; лишь только субъектъ усыпленъ, онъ находится въ состояніи сомнамбулизма; его члены сохраняютъ положеніе, данное имъ гипнотизаторомъ, и если этотъ гипнотизаторъ сообщить имъ движение оно автоматически продолжается.

Если только сонъ достаточно глубокъ, субъектъ находится въ сношениі только со своимъ гипнотизаторомъ; только его онъ слышитъ и только ему отвѣчаетъ. Онъ пассивно повинуется своему гипнотизатору, и только ему одному; отъ него онъ можетъ получить внушенія (галлюцинаціи или дѣйствія), которые реализуются послѣ пробужденія.

Втеченіе своего сна загипнотизованный отлично помнить все, что случилось, какъ во время его бодрствованія, такъ и во время предыдущихъ его сомнамбулическихъ сновъ; послѣ пробужденія онъ совершенно забываетъ все, что произошло во время его сна.

Эти основныя черты искусственно вызванного сна были наблюдаемы мною у всѣхъ моихъ субъектовъ; въ этомъ отношеніи среди всѣхъ ихъ существовало полное сходство; единственное различіе, которое наблюдалось, было различіе въ степени: большая или меньшая глубина сна, и большая или меньшая интенсивность сомнамбулическаго состоянія.

По этому поводу я долженъ замѣтить, что я не нашелъ никакого дѣйствительного различія въ сомнамбулизмѣ людей истерическихъ и не истерическихъ.

Я не могъ найти, какъ же, какъ и мои товарищи въ Нанси, среди моихъ субъектовъ тѣхъ трехъ состояній, которыя были найдены Шарко и его учениками у истеро-эпилептическихъ субъектовъ Сальпетриера. Я не желаю входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, ни пытаться объяснить противорѣчіе, существующее между этими фактами и тѣми, которые мы ежедневно наблюдаемъ. Это вопросъ, который нужно впослѣдствіи изслѣдовывать, но относительно котораго до сихъ поръ я могъ бы представить только недостаточныхъ данныхъ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь авторъ касается одного изъ главныхъ пунктовъ разногласія между "школой Нанси" и "школой Сальпетриера". Послѣдняя школа признаетъ существование трехъ гипнотическихъ состояній: летаргіи, каталепсіи и сомнамбулизма. Состоянія эти наблюдаются только у истеро-эпилептическихъ субъектовъ, которые одни, по учению школы, способны представить гипнотическія явленія въ полномъ своемъ развитіи. Каждое изъ этихъ трехъ состояній можетъ появляться первымъ и, по волѣ гипнотизатора, при посредствѣ извѣстныхъ манипуляцій, переходить въ какое-либо другое состояніе. Вотъ какъ Шарко описалъ эти три классические состоянія: 1) *Каталепсія*. Она можетъ: а) явиться какъ первичное состояніе вслѣдствіе различныхъ гипнотизующихъ приемовъ; б) послѣдовательно развиться изъ летаргического состоянія, если въ свѣтлой комнатѣ открыть у летаргика глаза посредствомъ поднятія вѣкъ, которыя до тѣхъ поръ были опущены. Субъектъ, находящійся въ каталепсіи, не движется. Его глаза открыты, взглядъ неподвиженъ. Члены тѣла сохраняютъ, иногда втеченіе весьма долгаго времени, самыя трудныя положенія, данныхъ имъ гипнотизаторомъ. Члены передвигаются легко: если гипнотизаторъ захочетъ согнуть ихъ, выпрямить или перемѣстить, они не оказываются никакого сопротивленія.

Я ограничился здесь изучениемъ нѣкоторыхъ физиологическихъ явлений изъ числа тѣхъ, которыхъ я наблюдалъ; я умышленно прошелъ молчаниемъ факты, относительно которыхъ мое личное наблюдение ничему меня не научило или привело только къ отрицательнымъ результатамъ.

Какъ читатель увидить, я не говорю здѣсь ни о чрезмѣрной нервно-мускульной раздражительности, ни о состояніи чувствительности при сомнамбулизмѣ. Перваго явленія я не имѣлъ случая наблюдать; что же касается второго, то достигнутые мною результаты не вполнѣ соглашаются другъ съ другомъ, и я предпочелъ, прежде, чѣмъ говорить объ этомъ вопросѣ, подождать, пока мои изслѣдованія сдѣлаются болѣе многочисленными и, въ особенности, пока они не приведутъ меня къ опредѣленнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ изслѣдованіяхъ подобного рода существуетъ основной факторъ, который всегда слѣдуетъ имѣть въ виду и который весьма трудно поддается исключенію, это—внушеніе. *Осторожайтесь внушения* (*Méfiez-vous de la suggestion*), замѣчаетъ весьма справедливо профессоръ Бернгеймъ, и это правило нужно всегда имѣть въ виду.

Полная аналгезія *), хотя нѣкоторыя чувства сохраняютъ, по крайней мѣрѣ, часть своей дѣятельности, вслѣдствіе чего внушенія до известной степени возможны. 2) *Летаргія*. Она можетъ: а) явиться какъ первичное此刻 состояніе, вслѣдствіе фиксации взгляда на какомъ либо предметѣ; б) послѣдовательно развиться изъ каталепсіи, вслѣдствіе закрытия вѣкъ или перехода въ совершенно темное мѣсто.

Часто въ моментъ наступленія летаргіи субъектъ издаетъ особенный гортанный шумъ, на губахъ у него появляется немнога пѣни. Члены тѣла разслаблены, вялы; если поднять, напримѣръ, руку летаргика и затѣмъ оставить ее безъ поддержки, то она упадетъ, какъ какое-нибудь безжизненное тѣло, повинуясь только силѣ тяготѣнія. Глаза закрыты или полузакрыты; вѣки безпрерывно дрожатъ. Полная аналгезія. Органы чувствъ сохраняютъ иногда часть своей дѣятельности, но попытки сдѣлать внушеніе чаще всего остаются безуспѣшными. Одно изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ этого состоянія является чрезмѣрная нервно-мускульная раздражительность: всякое сравнительно легкое раздраженіе мускула или нерва приводить къ контрактурамъ. Эти контрактуры могутъ быть уничтожены раздраженіемъ мускуловъ-антагонистовъ. 3) *Сомнамбулизмъ*. Онъ можетъ: а) явиться какъ первоначальное состояніе вслѣдствіе различныхъ гипнотизующихъ приемовъ; б) послѣдовательно развиться изъ каталепсіи или летаргіи вслѣдствіе простого давленія или легкаго тренія темени. Сложныя явленія, свойственные этому состоянію, весьма трудно поддаются описанію. Глаза бывають закрыты или полузакрыты; предоставленный самому себѣ, субъектъ, повидимому, спитъ, но даже и тогда разслабленіе членовъ не доходитъ до такой степени, какъ въ летаргіи. Другимъ отличиемъ отъ летаргіи служить отсутствие чрезмѣрной нервно-мускульной раздражимости. Съ другой стороны, можно легкими раздраженіями кожи вызвать окоченѣніе членовъ, которое отличается отъ летаргической контрактуры тѣмъ, что оно не уничтожается раздраженіемъ антагонистовъ, а отъ каталептической неподвижности сопровождается, которое членъ оказываетъ при попыткѣ изменить его положе-

* Нечувствительность къ боли.

II. Пріемы, посредствомъ которыхъ вызывается гипнотическій сонъ и пробужденіе отъ него.

Самый обыкновенный, такъ сказать, классический пріемъ это—фиксация взгляда. Я говорю субъекту: „Смотрите на меня пристально“, и, спустя нѣкоторое время, его глаза закрываются: онъ спитъ.

Можно также, какъ это дѣлалъ Брэдъ, заставить его фиксировать взглядъ на какомъ-либо предметѣ.

Не всегда сонъ наступаетъ втеченіе первыхъ сеансовъ, но обыкновенно, послѣ нѣсколькихъ опытовъ его удается вызвать. Сначала, чтобы вызвать сонъ, нужно употребить много времени, затѣмъ, онъ достигается въ нѣсколько минутъ, впослѣдствіи—въ нѣсколько секундъ и, наконецъ,—почти мгновенно.

Какъ только субъектъ усыпленъ такимъ образомъ вами нѣсколько разъ, онъ въ вашей власти, и тогда сонъ можно вызвать *всякимъ пріемомъ*. Такъ, стоитъ сказать только субъекту: „черезъ столько-то минутъ вы заснете“, и въ назначенную минуту сонъ дѣйствительно наступаетъ. Это очень удобный способъ для усыпленія субъекта *противъ его воли*. У очень впечатлительныхъ субъектовъ достаточно сказать

ніе. Сомнамбулизмъ сопровождается аналгезіей кожи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необыкновенно остротой нѣкоторыхъ видовъ чувствительности кожи, мускульного чувства и нѣкоторыхъ специальныхъ чувствъ (зрѣнія, слуха, обонянія). Восприимчивость къ внушенію въ этомъ состояніи наибольшая. Если, положивши пальцы на вѣки глазъ, произвести легкое давление на глазное яблоко, то сомнамбулизмъ можетъ перейти въ летаргію.

Таковы три состоянія, признаваемы школой Сальпетріера и отвергающей школой Нанси. Впрочемъ, сами представители школы Сальпетріера признаютъ, что „существуетъ весьма значительное число истерическихъ особы, у которыхъ это раздѣленіе гипноза на три периода не замѣчается“ (Biset et Féré, *Le magnétisme animal* p. 121). Мало этого, они даже соглашаются, что случаевъ, когда эти три состоянія не наблюдаются, гораздо больше, чѣмъ противоположныхъ случаевъ. Что касается представителей школы Нанси, то они, главнымъ образомъ въ лицѣ Бернгейма, сводятъ все дѣло на внушеніе, иногда безсознательно дѣляемое гипнотизаторомъ. *П. М.*

P. S. Сочиненіе Бони, озаглавленное мною „Гипнотизмъ“, названо самимъ авторомъ „Le Somnambulisme provoqué“. Я счелъ себя въ правѣ перевести какъ въ заглавіи, такъ и въ нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) мѣстахъ самого текста выражение *somnambulisme provoqué* словомъ гипнотизмъ. Основаниемъ этому служило то, что самъ авторъ не разъ употребляется выражения: „*somnambulisme provoqué*“ и „*hypnotisme*“, какъ тождественные. Въ самомъ дѣлѣ, если бы авторъ принадлежалъ къ школѣ Сальпетріера, тогда для него сомнамбулизмъ былъ бы только однимъ изъ трехъ гипнотическихъ состояній, и переводчикъ не имѣлъ бы права замѣнить слово сомнамбулизмъ словомъ гипнотизмъ; но при переводѣ книги Бони такая замѣна вполнѣ дозволительна. *П. М.*

повелительнымъ тономъ: „Спите“ — и онъ немедленно засыпаетъ.

Эта возможность вызвать у нѣкоторыхъ субъектовъ гипнотической сонъ по произволу можетъ проявляться въ весьма различныхъ формахъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ..

Можно сказать субъекту: я буду считать до десяти, когда я насчитаю шесть, вы заснете; или: когда я сдѣлаю такое-то движение, напр., когда я подыму руку, вы заснете; или: когда г. Х. (кто нибудь изъ присутствующихъ) сдѣлаетъ такое-то движение, скажетъ вамъ слово, вы заснете.

Можно также связать сонъ съ какимъ-нибудь дѣйствиемъ самого субъекта. Можно ему сказать: считайте до десяти, на восьми вы заснете; когда вы отворите эту дверь, когда вы надѣнете перчатку, вы заснете.

Субъектъ можетъ откладывать сколько ему угодно выполнение назначенного дѣйствія, можетъ долго не отворять двери, не надѣвать перчатки, но лишь только онъ его совершилъ, сонъ неизбѣжно наступитъ.

Всѣ эти явленія легко объясняются: достаточно, чтобы субъектъ имѣлъ идею сна, и самый сонъ наступитъ; поэтому выполнение какого-либо дѣйствія, съ которымъ гипнотизаторъ связалъ идею сна, достаточно для того, чтобы вызвать самый сонъ.

Я приведу поразительный примѣръ этого.

Однажды, когда я по случаю каникуль на нѣсколько мѣсяцевъ покидалъ Нанси, м-ре А. Е., которую я обыкновенно почти ежедневно гипнотизовалъ, сказала мнѣ:

— Теперь вы меня не будете болѣе гипнотизировать; вы уѣзжаете.

— Почему же нѣтъ?

— Но это невозможно, васъ не будетъ болѣе здѣсь.

— Это ничего не значитъ; я вамъ дамъ магнетизованные жетоны; когда вы захотите спать, вы только опустите одинъ изъ нихъ въ стаканъ съ подсахаренnoю водой, и вы заснете черезъ четверть часа.

Затѣмъ, подумавши, я сказалъ ей:

— Но есть гораздо болѣе простое средство: когда вы захотите спать, вы скажите только, произнеся мое имя: „Усыпите меня“, и вы сейчасъ же заснете.

— Вы шутите?

— Нѣтъ, это не шутка, я говорю серьезно.

— Я не могу этому повѣрить.

— Но почему бы вамъ не испытать? Испытайте сейчасъ же, и вы увидите, удастся ли это.

— Отлично, я согласна, отвѣчала она.

Но она отнюдь не имѣла убѣжденного вида, и, признавшись, не смотря на мою видимую увѣренность, я и самъ очень мало былъ убѣженъ. Она уходитъ въ садъ, а я остаюсь въ комнатахъ, чтобы не вліять на нее взглядомъ или своимъ присутствиемъ.

Спустя нѣкоторое время, люди, находившиеся въ саду, приходятъ извѣстить меня, что она спитъ.

Я иду туда и нахожу ее стоящую и спящую.

Но здѣсь могло быть вліяніе моего присутствія, и мнѣ было интересно знать, случится ли тоже самое во время моего отсутствія. Я просилъ д-ра Лѣбо, къ которому она часто являлась, наблюдать за нею и извѣщать меня.

Результатъ былъ совершенно такой же. Ей стоило произнести сакрментальные слова, и она немедленно засыпала. И что особенно характеристично, это то, что она во время этого сна не находилась въ сношеніи ни съ кѣмъ изъ присутствующихъ, она никого не слышала, даже тѣхъ, которые, какъ д-ръ Лѣбо, обыкновенно ее усыпляли. Наоборотъ, по возвращеніи своемъ съ каникулъ, я могъ удостовѣриться, что во время подобнаго сна она находится въ сношеніи со мною, и со мною однѣмъ. Я имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ, принявши всѣ предосторожности, чтобы она не знала о моемъ возвращеніи въ Нанси, и явившись къ ней, когда она была уже въ гипнотическомъ снѣ.

Пассы на разстоянії (нѣсколькихъ сантиметровъ) могутъ также вызвать гипнотический сонъ у нѣкоторыхъ субъектовъ (но не у всѣхъ). Существуютъ даже нѣкоторые люди, у которыхъ пассы дѣйствуютъ успѣшнѣе другихъ приемовъ. Въ самомъ дѣлѣ, случается, что извѣстный приемъ дѣйствуетъ успѣшнѣе другого у того или иного субъекта, что можно объяснить привычкой или же вліяніемъ воображенія субъекта, который считаетъ данный приемъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ другой. Такъ, м-lle V., которая привыкла засыпать подъ вліяніемъ пассовъ, только съ трудомъ могла быть усмиглена фиксацией взгляда.

Извѣстно, и это замѣтилъ еще Брэдъ, что нѣкоторые люди могутъ усыплять сами себя. Д-ръ Лѣбо приводитъ любопытный примѣръ глухо-нѣмаго, который не только усыплялъ себя по произволу, но который могъ внушать себѣ галлюцинаціи всякаго вида и пользовался этой специальной способностью для удовлетворенія своихъ страстей ¹⁾.

¹⁾ Сомнамбуль Л. придумывалъ иногда призывать къ себѣ на постель женщину, которая ему наиболѣе нравилась. Онъ чувствовалъ ее у себя подъ

У м-ле А. Е. эта способность произвольного самоусыпления замѣчалась при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, когда она желала бороться противъ непріятнаго для нея внушенія. Ниже я возвращусь къ этому явленію.

Наконецъ, два способные въ гипнотическому сну субъекта могутъ взаимно усыпить другъ друга, фактъ, замѣченный уже Ладамомъ¹⁾, и который я самъ нѣсколько разъ имѣлъ случай наблюдать, особенно на м-ле А. Е. и Викторинѣ Л. Имъ стоило для этого только пристально смотрѣть другъ на друга.

Можно ли усыпить кого-либо, если онъ не знаетъ, что его хотятъ усыпить? Я многоократно пробовалъ усыпить кого нибудь, дѣлая пассы сзади, безъ вѣдома усыпляемаго субъекта, и нѣсколько разъ мнѣ это удавалось, особенно на м-ле А. Е. Но въ этихъ случаяхъ очень трудно избѣжать разныхъ движений, которыхъ могли бы обнаружить ваше присутствіе особѣ, которую вы думаете усыпить, и, такимъ образомъ, предувѣдомить ее о вашемъ намѣреніи. Правда, я въ этихъ случаяхъ спрашивалъ м-ле А. Е., когда она была усыплена: Знали ли вы, что я дѣлалъ пассы сзади васть? Но отрицательный отвѣтъ, который она мнѣ давала, очевидно, не можетъ считаться абсолютно доказательнымъ; для этого нужно было бы сдѣлать болѣе строгіе опыты, для которыхъ у меня не было ни времени, ни случая. Однако, ниже я упомяну объ одномъ очень сложномъ и интересномъ въ этомъ отношеніи опыте.

Къ этому вопросу примыкаетъ другой, практически очень важный.

Естественныхъ сомнамбуль легко доводить до гипнотического сна; такъ, напр., бесѣдуя съ человѣкомъ, который имѣть обычай говорить громко во время сна, его можно мало по малу привести къ гипнотическому сну, и мнѣ самому удавалось это дѣлать при особыхъ обстоятельствахъ, о которыхъ я еще буду имѣть случай говорить. Но сомнамбулический сонъ не есть нормальный, естественный сонъ. Теперь возникаетъ вопросъ, можно ли, не пробуждая уснувшаго человѣка, превратить его естественный сонъ въ сонъ

бокомъ, изъяснялся ей въ любви и, послѣ пробужденія, минуты, проведенные имъ такимъ образомъ, казались ему столь же пріятными, какъ если бы его любовь действительно была раздѣлена. (*Liebeault, Du sommeil et des états analogues*, p. 282). Подобного рода галлюцинаціи замѣчаются довольно часто у помѣшанныхъ.

¹⁾ *Ladame, La Névrose hypnotique, ou le Magnétisme dévoilé. Neuchatel, 1881.*

гипнотический? Повидимому, это возможно, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ людей; профессоръ Гейшденъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ рядѣ опытовъ, которые поставили самый фактъ въ сомнѣнія; проф. Бернгеймъ, въ своемъ письмѣ къ Полю Жане¹⁾, упоминаетъ тоже объ одномъ подобномъ случаѣ. Этотъ вопросъ имѣть свое значеніе. Извѣстно, что у сумасшедшихъ нельзя совсѣмъ вызвать гипнотического сна или, по крайней мѣрѣ, онъ вызывается съ весьма большими затрудненіями; фактъ, получающій свое объясненіе въ томъ, весьма извѣстномъ врачамъ, явленіи, что нормальный сонъ сумасшедшихъ весьма легокъ, а иногда онъ и совсѣмъ отсутствуетъ. Если бы можно было воспользоваться минутами сна сумасшедшаго для его усыпленія, то, безъ сомнѣнія, можно было бы улучшить его состояніе и, такимъ образомъ, спо-спѣшствовать его излѣченію.

Наконецъ, послѣдній вопросъ. Можно ли быть усыпленнымъ противъ воли, не считая, конечно, только что упомянутаго обстоятельства, когда эта возможность безспорно существуетъ. По Брэду²⁾, „ни одинъ періодъ гипнотического состоянія не можетъ быть вызванъ безъ согласія самого усыпляемаго субъекта“; далѣе онъ повторяетъ то же утвержденіе, только другими словами: „никто не можетъ очутиться въ этомъ состояніи, ни въ какомъ періодѣ, если только онъ самъ добровольно не согласится“.

Д-ръ Бернгеймъ, повидимому, присоединяется къ этому мнѣнію: „Гипнотический сонъ не зависитъ отъ гипнотизатора, но отъ самого субъекта; его усыпляетъ его собственная вѣра; никто не можетъ быть усыпленъ противъ воли, если онъ со-противляется приказанію“³⁾.

Не смотря на эти авторитеты, я не могу выразиться такъ же утвердительно, и я наблюдалъ факты, доказывающіе, что человѣкъ прекрасно можетъ быть загипнотизованъ противъ его воли; однако, для этого необходимо одно условіе: чтобы этотъ человѣкъ былъ уже когда либо ранѣе гипнотизованъ.

Когда дѣлаютъ первый опытъ, субъектъ, какъ я думаю, всегда можетъ воспрепятствовать успѣху, не поддаваясь приемамъ, которые хотятъ употребить. Такъ, смѣхъ есть отличное средство для избѣжанія гипнотического сна: лишь только человѣкъ, котораго вы желаете усыпить, начинаетъ смѣяться и обращаетъ все дѣло въ шутку, вы можете оставить вашу

¹⁾ Bernheim, Revue m dical  de l'Est. 1884, № 18.

²⁾ Braid, Neurhypnologie, p. 18.

³⁾ Bernheim, Revue m dical  de l'Est. 1884, p. 556.

попытку—она не удастся. И такъ, утверждение Брэда и Бернгейма справедливо, но только относительно тѣхъ, которые никогда не были гипнотизованы.

Но относительно тѣхъ, которые уже были гипнотизованы, дѣло обстоитъ иначе. Среди нихъ всегда есть известное число (очевидно, не всѣ, ибо существуютъ степени легкости достижения гипнотического состоянія), которыхъ можно усыпить противъ воли. Эти находятся въ полной власти того, кто ихъ обыкновенно усыпляетъ; всякое сопротивление съ ихъ стороны невозможно; они могутъ избѣгать взгляда гипнотизатора, но онъ всегда найдетъ другой пріемъ для ихъ усыпленія. „Никто не можетъ быть усыпленъ противъ воли, если онъ сопротивляется приказанию“. Но къ подобному сопротивлению приказанию и неспособны эти люди. Ниже читатель увидитъ, что это порабощеніе субъекта простирается не только на гипнотический сонъ, но существуетъ также и во время бодрствованія, что оно имѣеть силу не только для самыхъ простыхъ внушений, но и для дѣйствія всѣхъ родовъ, даже самыхъ сложныхъ и самыхъ преступныхъ и что это подчиненіе воли другого человѣка можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Желаніе уменьшить значение этого факта не можетъ ни къ чemu послужить; лучше взглянуть на него во всей его дѣйствительности, а эта дѣйствительность, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, есть абсолютная власть гипнотизатора надъ гипнотизуемымъ.

Къ счастію, есть средство, уменьшающее это могущество. Люди, обладающіе способностью впадать въ гипнотическое состояніе, способностью, которою всякий, узнавшій объ этомъ, могъ бы злоупотребить съ какою нибудь преступною цѣлью—подобные люди могутъ быть защищены отъ опасности посредствомъ одного весьма дѣйствительного пріема, который я многократно употреблялъ. Стоитъ только внушить имъ, что втеченіе известнаго періода никто не будетъ въ состояніи ихъ усыпить, и тогда всѣ попытки будутъ неудачны. Такимъ образомъ, это всегда является полезною предосторожностью относительно подобныхъ субъектовъ, внушить имъ вышеупомянутое абсолютное воспрещеніе, указавши при этомъ (если сочтутъ нужнымъ и съ согласія самихъ субъектовъ) тѣхъ людей, за которыми сохраняется способность гипнотизовать ихъ.

Существуютъ нѣкоторые люди, которые не поддаются гипнозу; но, какъ это читатель видѣлъ изъ вышеприведенныхъ таблицъ, подобные люди составляютъ меньшинство. Сверхъ того, я не разъ видѣлъ людей, которые во время первыхъ

сеансовъ гипнотизаціи не ощущали никакого вліяння, и которые черезъ нѣсколько сеансовъ мало по малу доходили до глубокаго сна и даже до сомнамбулизма. Я могъ бы, напримѣръ, упомянуть объ одной дамѣ, которая, такимъ образомъ, дошла до сомнамбулизма только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневныхъ и неудачныхъ опытовъ. Но понятно, что для этого нужно весьма много терпѣнія и воли, какъ у гипнотизатора, такъ и у самого субъекта, а большинство лицъ, подвергавшихся гипнотизації, не имѣютъ ни того, ни другаго и оставляютъ опыты, если сонъ не наступаетъ послѣ нѣсколькихъ сеансовъ. Этотъ фактъ и нѣкоторые другие подобнаго же рода, которые я наблюдалъ на приемѣ у д-ра Льбо, приводятъ къ вопросу, нельзя ли, въ сущности, при посредствѣ достаточнаго упражненія, довести всячаго человѣка до сомнамбулическаго состоянія.

Однако, я видѣлъ нѣкоторые противорѣчащіе этому факты, которые не позволяютъ дѣлать подобнаго предположенія. Но что достовѣрно, такъ это то, что посредствомъ подобныхъ повтореній и упражненій можно, такъ сказать, выдрессировать нервную систему и вызвать у большинства людей, если не сомнамбулизмъ, то, по крайней мѣрѣ, сонъ.

Пробужденіе совершается вообще очень легко. Для этого стоитъ только подуть въ глаза субъекту, помахать передъ нимъ вѣромъ или просто сказать: „Проснитесь“.

Можно также связать пробужденіе съ какимъ либо актомъ. Такъ, можно сказать субъекту: вы будете спать пять минутъ, десять минутъ, четверть часа, — и онъ точно проснется въ назначенный моментъ. Повидимому, у сомнамбуль измѣреніе времени происходитъ съ большою точностью, о чёмъ будетъ сказано ниже.

Можно также сказать имъ: вы проснетесь, когда я коснусь рукой вашего лба, когда я прикоснусь къ вашей руки, когда я скажу такое-то слово, и т. п.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пробужденіе совершается съ извѣстнымъ затрудненіемъ, которое, однако, всегда преодолѣвается. Это сопротивленіе можетъ зависѣть отъ самого субъекта, который не желаетъ быть разбужденнымъ. Питръ¹⁾ разсказываетъ объ одной сомнамбуль, которая не хотѣла пробуждаться, когда ей было сдѣлано особенно непріятное внушеніе.

Пробужденіе сопровождается иногда нѣкоторыми легкими болѣзнями припадками, особенно головною болью; это

¹⁾ Pitres, Des Suggestions hypnotiques.

случается, напр., когда гипнотизуемые были не вполнѣ разбужены. Вообще, не слѣдуетъ отпускать ихъ домой, пока они не будутъ чувствовать себя вполнѣ бодрыми. Сверхъ того, имъ дѣло съ людьми, подверженными подобнымъ легкимъ недомоганіямъ, будетъ благоразумно внушить имъ во время сна, что послѣ пробужденія они не будутъ имѣть головной боли и будутъ чувствовать себя вполнѣ хорошо.

Прежде, чѣмъ окончить эту главу, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ опасностяхъ гипнотизма.

Истинная, единственная опасность, и опасность весьма серьезная, это — порабощеніе субъекта экспериментаторомъ до такой степени, что, разъ установилась привычка, гипнотизуемый находится въ абсолютной зависимости отъ гипнотизатора. Но эта опасность, какъ она ни страшна, можетъ быть смягчена.

Необходимо (и это правило, отъ котораго никогда не слѣдуетъ уклоняться), чтобы опыты производились въ присутствіи третьаго, авторитетнаго лица: родственника, мужа, отца и т. п., которое одновременно гарантировало бы какъ гипнотизатора, такъ и гипнотизуемаго. Такимъ образомъ, избѣгнуть всякихъ непріятныхъ предположеній, всякихъ обвинений, всякихъ подозрѣній въ попыткахъ, не имѣющихъ цѣлью ни облегченіе индивида, ни научный интересъ. Никогда не слѣдуетъ гипнотизовать одинъ на одинъ, гипнотизаторъ съ гипнотизуемымъ.

Но, возразить, человѣкъ всегда сумѣеть злоупотребить для своихъ преступныхъ цѣлей властью, которую онъ приобрѣтѣтъ надъ своимъ субъектомъ¹⁾). Противъ этого мы ничего не можемъ подѣлать, подобно тому, какъ мы не можемъ помѣшать преступнику отравлять людей веществами, открытыми медициной для ихъ излѣченія. Явленія сомнамбулизма сдѣлались теперь всеобщимъ достояніемъ; всѣ болѣе или менѣе знаютъ, что это такое, всѣ о нихъ говорятъ, и было бы невозможно сдѣлать изъ нихъ тайну. Злонамѣренному человѣку также легко ознакомиться съ приемами гипнотизаціи, какъ легко ему узнать о ядовитыхъ свойствахъ мышьяка или стрихнина. Это дѣло законодателя предвидѣть случаи, указываемые ему наукой, и принять соответствующія мѣры.

Но, устранивши это возраженіе, мы встрѣчаемъ еще другое. Не представляетъ ли гипнотизация опасностей для

¹⁾ См. P. Brouardel, *Accusation de Viol accompli pendant le sommeil hypnotique* (Ann. d'Hyg. et de med. leg., 1879, 3 серія, t. I, p. 39). — Ladame, *La Névrose hypnotique devant la médecine légale, de Viol pendant le sommeil hypnotique*. (Ann. d'Hyg., 1882, 3 серія, t. VII, p. 518).

субъекта, особенно, когда она часто повторяется? Эти опасности, которые, въ сущности, были сильно преувеличены, зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ несовершенства употребляемыхъ приемовъ и неопытности гипнотизатора. Съ своей стороны, я никогда не видѣлъ ничего, кромѣ явлений до такой степени легкихъ, что они рѣшительно не могутъ причинять беспокойства, и съ которыми, сверхъ того, легко совладать. Легкая головная боль, разныя нервныя явленія, рѣдко доходящія до настоящаго нервнаго припадка, боли, разнообразныя какъ по формѣ, такъ и по мѣстопребыванію, близость къ обмороку—таковы единственныйя явленія, которыхъ слѣдуетъ опасаться и которые, къ тому же, легко могутъ быть предупреждены.

Закончу перечисленіемъ въ нѣсколькихъ словахъ предосторожностей, которая нужно принимать при гипнотизаціи, что будетъ полезно хотя бы для тѣхъ изъ моихъ читателей, которые, не будучи врачами, захотѣли бы повторить эти опыты.

Когда гипнотизуютъ, всегда слѣдуетъ руководиться слѣдующими правилами:

Никогда не усыплять иначе, какъ послѣ ясно выраженнаго согласія самого субъекта, и дѣлать это всегда въ присутствіи авторитетнаго третьего лица.

Узнать сначала, не страдаетъ-ли субъектъ нервными припадками и какими именно. Ту же предосторожность нужно принять и относительно разстройства органовъ кровообращенія и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если дѣлающій опыты не врачъ, не слѣдуетъ приступать къ гипнотизаціи, не спросивши совета у компетентнаго врача.

Слѣдуетъ увѣритъ гипнотиземаго самимъ положительнымъ образомъ, что опытъ не представляетъ никакой опасности. Если же онъ продолжаетъ высказывать хотя малѣшее опасеніе, не слѣдуетъ настаивать, нужно ожидать другого случая.

Не дѣлать внушеній иначе, какъ послѣ ясно выраженнаго согласія самого субъекта, и избѣгать всякихъ печальныхъ, мучительныхъ, непріятныхъ или страшныхъ внушеній.

Передъ пробужденіемъ внушить субъекту, что онъ будетъ очень доволенъ своимъ гипнотическимъ сномъ, и что послѣ пробужденія онъ не будетъ ощущать никакихъ болѣзнейныхъ явлений.

Наконецъ, если имѣютъ дѣло съ субъектомъ, весьма легко поддающимся гипнозу, слѣдуетъ предупредить его объ этомъ и предостеречь его.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ внушить ему, что никто не

будетъ въ состояніи его загипнотизовать, исключая извѣстныхъ, заранѣе условленныхъ лицъ, относительно которыхъ можно быть увѣреннымъ, и что никто не будетъ въ состояніи сдѣлать ему внушеніе, какъ во время сна, такъ и во время бодрствованія; это воспрещеніе нужно повторять время отъ времени.

Въ концѣ концовъ, гипнотизмъ не долженъ быть ни предметомъ забавы, ни видомъ общественного развлечения. Онъ долженъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. приемомъ для научныхъ изслѣдований, средствомъ для физического и нравственного лѣчения и способомъ улучшения нравственности. Я не дойду до требованія, чтобы онъ пріѣнялся только врачами—это значило бы одновременно и слишкомъ съузить, и слишкомъ расширить задачу. Однако, дозволительно требовать, чтобы тотъ, кто берется гипнотизовать, стоялъ бы на высотѣ своей задачи какъ по своему уму, такъ и по своимъ свѣдѣніямъ и своему характеру. Нужно, чтобы онъ руководился не пустымъ любопытствомъ, но стремлениемъ къ истинѣ и любовью къ ближнимъ. Самая власть, которую онъ приобрѣтаетъ надъ умами другихъ людей, должна его сдѣлать болѣе осмотрительнымъ и болѣе требовательнымъ относительно самого себя; не достаточно, чтобы его намѣренія были чисты, нужно, чтобы они не могли быть даже заподозрены.

III. Измѣненіе частоты біенія сердца посредствомъ гипнотического внушенія.

Съ самаго начала моихъ занятій сомнамбулизмомъ, мою первую мыслью было отыскать явленія, которыхъ совершенно нельзя было бы притворно воспроизвести и которыхъ могли бы доказать дѣйствительность фактовъ сомнамбулизма самымъ рѣшительнымъ образомъ даже для наиболѣе предубѣжденныхъ умовъ.

И я обратился къ тѣмъ функциямъ, которые при обычныхъ условіяхъ стоятъ вѣтвями вліянія воли; я начерталъ программу опытовъ, которые я считалъ решающими.

Среди этихъ опытовъ, однимъ изъ первыхъ было изслѣдование возможности измѣнить посредствомъ внушенія частоту біенія сердца. Льбо говорилъ мнѣ часто, что ему нерѣдко удавалось замедлить сердцебіеніе у своихъ сомнамбуулъ посредствомъ внушенія; я самъ могъ замѣтить на больныхъ, страдавшихъ сердцебіеніемъ, что можно успокоить это серд-

цебіеніе и регулировать удары сердца. Но чтобы быть самому вполнѣ увѣреннымъ въ дѣйствительности этого явленія и, особенно, чтобы убѣдить въ этомъ другихъ, нужно было подвергнуть его опытной проверѣ и отмѣтить удары сердца посредствомъ обыкновенныхъ физиологическихъ приемовъ.

Опытъ былъ сдѣланъ въ Нанси, въ моей лабораторіи, 30 іюня 1884 г., на весьма замѣчательной сомнамбулѣ, Элизѣ Ф..., о которой я буду говорить еще ниже и которую г. Фокашонъ, аптекарь въ Шармѣ, имѣлъ любезность привезти въ Нанси по моей просьбѣ¹⁾). Elisa F.., 47 лѣтъ²⁾ 15 лѣтъ страдавшая истеро-эпилептическими припадками, которые повторялись отъ 1 до 5 разъ въ мѣсяцъ. Г. Фокашону удалось посредствомъ гипноза замедлить кризисы и, наконецъ, совсѣмъ ихъ уничтожить. Эта особа, благодаря частому гипнотизованію при ея лѣченіи, достигла замѣчательной степени восприимчивости къ внушенію.

Опытъ, о которомъ я говорю, былъ произведенъ слѣдующимъ образомъ. Элиза Ф. бодрствовала; я положилъ на ея лѣвую лучевую артерію сфигмографъ Марея; электрические часы отмѣчаютъ на цилиндрѣ секунды³⁾). Рисунокъ I пред-

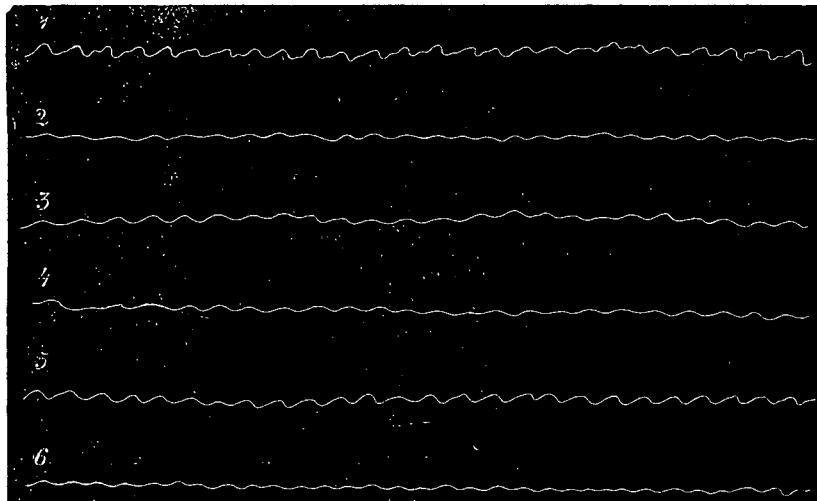

Рис. I Кривые пульса. Читаются справа налево

¹⁾ При опыте присутствовали: г. Льбо, г. Льежуа, профессоръ юридического факультета, и г. Рене, лаборантъ физиологической лабораторіи.

²⁾ Въ спискѣ гипнотизированныхъ лицъ Elisa F... показана 37 лѣтъ. Это противорѣчие существуетъ и въ подлиннике. *П. М.*

³⁾ Такъ какъ часы не были вполнѣ точно установлены, каждое дѣленіе не вполнѣ соответствуетъ секундѣ; но для нашего вопроса это не имѣть никакого значенія.

ставляеть часть кривой пульса; эта кривая читается справа налево. Пульсъ сначала взятъ во время бодрствованія (лини 1); здѣсь кривая очень правильна, исключая одного (неизображенаго на рисункѣ) момента, когда болная дѣлала движенія рукой, которые были остановлены посредствомъ внушенія. Среднее число пульсаций во время бодрствованія равно 96 въ минуту¹⁾.

Затѣмъ, г. Фокашонъ усыпляетъ Элизу, говоря ей просто: спите. Сонъ немедленно наступаетъ. При этомъ (см. линію 2), кривая пульса измѣняется, амплитуда уменьшается и дикротизмъ (небольшое вторичное поднятіе кривой, зависящее отъ такъ называемой вторичной волны) едва замѣтенъ. Число пульсаций равно 98,5 въ минуту, т. е. происходитъ небольшое ускореніе пульса.

Немного спустя, г. Фокашонъ внушаетъ Элизѣ замедленіе пульса, говоря ей: „Обратите вниманіе хорошенъко: ваше сердце бѣтся менѣе быстро, менѣе быстро, еще менѣе быстро“. Онъ продолжаетъ втеченіе извѣстнаго времени дѣлать настойчиво и съ ударениемъ внушеніе замедленія, и пульсъ дѣйствительно замедляется по мѣрѣ того, какъ внушеніе дѣлается все съ большимъ и большимъ ударениемъ, что видно изъ нижеприложенной таблицы. З-я линія представляетъ часть кривой, взятой при этихъ условіяхъ; амплитуда кривой нѣсколько больше предыдущей, но дикротизмъ не болѣе замѣтенъ; среднее число пульсаций въ минуту равно 92,4. Въ двухъ мѣстахъ кривой, при началѣ и при концѣ внушенія, особенно энергическое удареніе обусловило особаго рода остановку сердца, весьма замѣтную на кривой; это можно замѣтить, рассматривая 4-ю линію, которая представляетъ конецъ кривой замедленія; въ концѣ этой линіи видно, что одно бѣеніе не состоялось; и этого нельзя считать индивидуальнымъ явлениемъ, перемежающимся ритмомъ, который встрѣчается у многихъ людей; въ самомъ дѣлѣ, его не встрѣчается ни въ одномъ мѣстѣ кривой, и для меня очевидно, что оно произошло подъ влияніемъ внушенія. Затѣмъ представляютъ пульсу возвратиться къ его нормальному состоянію; субъектъ продолжаетъ быть усыпленнымъ, но ему не дѣлаютъ никакого внушенія. Пульсъ даетъ кривую, изображенную линіей 5-й. Амплитуда ея увеличивается и хотя дикротизмъ все еще весьма мало замѣтенъ, она болѣе походитъ на кривую линіи 1-й, чѣмъ на кривую линіи 2-й, несмотря на то, что субъектъ усыпленъ. Затѣмъ внушаютъ ускореніе

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

пульса, см. линію 6-ю ¹⁾). Амплитуда пульсаций не велика, и только мышцами и съ трудомъ можно найти наимень на ди-
электризмъ. Число ихъ равняется 115 въ минуту. Затѣмъ пре-
доставляютъ пульсу возвратиться въ нормальному состоянию
и пробуждаютъ субъектъ; число пульсаций въ минуту рав-
няется 100.

Слѣдующая таблица дозволить слѣдить за опытомъ: цифры
показываютъ число біеній сердца последовательно за каждыя
10 секундъ.

A.—Перед гипнотическимъ сномъ.

15,7		Среднее число біеній Въ 10 секундъ	16
15,7			96
15,8			
17,0			
Движенія рукой			
Движенія рукой			

B.—Во время гипнотического сна.

17,0		Среднее число біеній: Въ 10 секундъ	16,4
16,0			98,4
16,0			
16,0			
16,5			
16,6			

C.—Внушение замедленія.

15,5		Среднее число біеній: Въ 10 секундъ	15,4
15,6			92,4
15,5			
15,7			
15,8			
15,9			
14,8			
14,5			

D.—Возвращеніе къ нормальному состоянию.

16,1		Среднее число біеній: Въ 10 секундъ	17
16,8			102
16,5			
17,8			
17,8			

¹⁾ Кривая пульса передана граверомъ на этой линіи несовершенно; хотя
число пульсаций правильно, но форма ихъ неудовлетворительна.

Прим. автора.

3*

E.—Внущение ускорения.

19,8
19,8
20,0
19,0
19,0
18,0

Среднее число биений:
 Въ 10 секундъ 19,2
 Въ минуту 115,5

F.—Пробуждение.

17,8
17,5
17,8
15,5
16,6
16,5
16,0
16,0

Среднее число биений:
 Въ 10 секундъ 16,7
 Въ минуту 100,2

Въ этомъ опыте замедление и ускорение следовали непосредственно за внушениемъ; при этомъ не было ни измѣненія эмоционального состоянія субъекта, ни перемѣны ритма дыханія; явленіе произошло, очевидно, подъ простымъ и чистымъ вліяніемъ внушенія¹⁾.

Я замѣтилъ такое же вліяніе внушенія на биеніе сердца и у другихъ сомнамбуль.

Я приведу только одинъ примѣръ этого: опытъ съ девочкой Викториной Л., излѣченной отъ пляски св. Витта посредствомъ гипнотизма, наблюденіе надъ которой будетъ сообщено ниже²⁾. Это дитя страдаетъ гипертрофией лѣваго сердца; толчекъ сердца, приходящійся кнаружи отъ мамилярной³⁾ линіи, въ шестомъ межреберномъ промежуткѣ, весьма силенъ и приподымаеть грудь.

10-го июля 1884 г., я получилъ посредствомъ сфигмографа Марея кривую ея пульса въ физиологической лабораторіи.

Вотъ число биений сердца во время опыта за каждыя послѣдовательныя десять секундъ:

17,0
18,2
17,3 Я ее усыпляю.

¹⁾ Результаты этого опыта были сообщены биологическому обществу въ засѣданіи 2-го августа 1884 г.

²⁾ См. Приложение.

³⁾ Сосковой.

- 16,7 Она тихо спить.
 17,8
 18,4 Дѣлается внушеніе замедленія пульса.
 17,0
 17,2
 16,2
 16,3
 16,2
 16,5
 16,8
 16,8
 16,2
 17,1
 16,8
 16,2
 16,6
 16,4
 15,8
 15,7
 15,5 Я ее пробуждаю.
 15,7
 15,9 Полное пробужденіе.
 15,5
 15,8
 15,5
 16,8
 16,2
 17,2
 16,6
 16,2

Вообще у Викторины Л. сердцебіенія, которыми она часто страдала, замѣчательнымъ образомъ успокаивались подъ вліяніемъ гипнотизма.

Всльдствіе состоянія ея сердца, я не хотѣлъ дѣлать ей внушенія ускоренія пульса. Вообще я думаю, и ниже уви-
дятъ доказательство справедливости этого, что нужно быть очень осторожными съ подобного рода опытами (опытами ускоренія сердцебіенія) и что въ частомъ повтореніи ихъ можетъ заключаться дѣйствительная опасность.

Въ кривой Викторины не замѣтно перемежающагося ритма, замѣченного у Элизы. При этомъ нужно замѣтить, что, производя опыты на Викторинѣ съ терапевтическою цѣлью, а также всльдствіе ея лѣтъ и нервозности, я не хотѣлъ дѣлать такихъ энергическихъ удареній, какъ при опыте на

Элизъ, когда мы хотѣли достигнуть наибольшаго результата. Втчение всего опыта пульсъ былъ очень правиленъ и дикротизмъ весьма замѣтенъ; форма пульса была одна и та же до сна, во время сна и послѣ пробужденія.

Эти факты показываютъ, что у нѣкоторыхъ людей (я не рѣшаюсь сказать: у всѣхъ) сердцебеніе можетъ быть ускорено или замедлено посредствомъ гипнотического внушенія. Чтобы лучше понять значеніе этихъ фактovъ, я считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя соображенія о вліяніи воли на сердцебеніе.

Вообще это вліяніе отрицается (и это—классическое учение); всѣ авторы принимаютъ, что воля не имѣетъ никакого прямаго вліянія на сердцебеніе. Когда это вліяніе, повидимому, существуетъ, оно все таки происходитъ косвенно, черезъ эмоциональное состояніе или дыханіе. Въ наукѣ существуютъ, однако, факты, которые могли бы привести къ признанію этого прямаго вліянія воли. Нѣкоторые изъ нихъ весьма извѣстны, другіе извѣстны далеко менѣе, и относительно ихъ я считаю полезнымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Я буду говорить сначала о замедленіи сердцебеній.

Самыя точные изслѣдованія этого вопроса были сдѣланы Э. Ф. Веберомъ. Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, я напомню случай американского капитана Тауншинда (Townshend), разсказанный д-ромъ Чиномъ (Cheyne).

Я не могъ достать сочиненія д-ра Джорджа Чина¹), но вотъ что говорить объ этомъ случаѣ Э. Ф. Веберъ.

„Джорджъ Чинъ разсказываетъ весьма подробно исторію полковника Тауншинда, который страдалъ болѣзнь почекъ, сопровождавшеся постоянною рвотой. Такъ какъ его болѣзнь все усиливалась, а силы его уменьшались, онъ былъ перенесенъ изъ Бристоля въ Батъ на носилкахъ. Чинъ говоритъ буквально:

„Д-ръ Байнаръ и я были приглашены къ нему; мы его видѣли дважды втчение недѣли; но такъ какъ рвота продолжалась, не смотря на всѣ наши усилия, мы отчаялись въ его выздоровленіи.

„Однажды, рано утромъ, онъ прислалъ за нами; прида къ нему, мы увидѣли у него г. Скрайна, его алтекаря, самого же его нашли въ здравомъ умѣ и спокойнымъ... Онъ сказалъ намъ, что позвалъ насъ, чтобы сообщить объ особаго рода ощущеніи, которое онъ съ нѣкотораго времени у себя замѣчаетъ, а именно—сдѣлавши извѣстное усиленіе, онъ произ-

¹) G. Cheyne, The English malady, London 1733.

вольно чувствовалъ себя умирающимъ, и посредствомъ другого усилия, или инымъ способомъ, онъ возвращался къ жизни... Втечение болѣе четверти часа, онъ говорилъ намъ ясно и толково о своихъ ощущеніяхъ и заставилъ насъ дозволить ему вызвать ихъ на нашихъ глазахъ.

„Его пульсъ, изслѣдованный тремя нами, былъ ощутимъ, хотя малъ и нитевиденъ; сердце его билось, какъ обыкновенно. Онъ легъ на спину, и оставался нѣкоторое время безъ движенія. Я держалъ его правую руку, Байнаръ положилъ свою руку на его сердце, а Скрайнъ держалъ передъ его ртомъ зеркало. Я замѣтилъ, что его пульсъ мало по малу понижается, пока, наконецъ, не смотря на все мое вниманіе, я не пересталъ ощущать его. Байнаръ не замѣчалъ ни малѣйшаго толчка сердца, а Скрайнъ не замѣчалъ на зеркаль ничего, что указывало бы на продолжающееся дыханіе больного. Каждый изъ насъ повторилъ всѣ эти способы изслѣдованія съ большимъ стараніемъ, и мы не нашли никакого признака жизни... Это продолжалось около получаса, до девяти часовъ утра.

„Затѣмъ мы замѣтили, что онъ дѣлаетъ нѣкоторыя движения, и мы нашли, что пульсъ и сердцебиеніе мало по малу возстановлялись. Онъ началъ слабо дышать и тихо говорить; мы были въ высшей степени поражены этою перемѣной, и, поговоривши съ нимъ нѣкоторое время, ушли, убѣжденные во всѣхъ подробностяхъ этого явленія, но совершенно смущенные и неспособные представить себѣ, какъ его можно объяснить.

„Немнogo спустя, онъ призвалъ къ себѣ нотаріуса, сдѣлавъ измѣненіе въ духовномъ завѣщаніи, назначилъ наслѣдство для своихъ слугъ, причастился и умеръ покойно между пятью и шестью часами вечера“.

Д-ръ Чинъ разсказываетъ просто—что случилось, не дѣлая никакихъ предположеній о причинахъ состоянія, въ которое впадалъ Тауншиндъ; однако, всякий можетъ имѣть объ этомъ какое ему угодно мнѣніе¹⁾.

Не знаю почему, Е. Вендлинъ²⁾, говоря объ этомъ событіи, пишетъ слѣдующее: „Однажды онъ заявляетъ своимъ друзьямъ, что желаетъ убить себя, задержавши дыханіе; и онъ выполнилъ, что обѣщалъ“. Я не нахожу ничего подобнаго въ отрывкѣ, переведенномъ Веберомъ.

Можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу этого столь часто упоминаемаго случая полковника Тауншинда.

¹⁾ E. F. Weber, Archives g  n  rales de m  decine, 1881,

²⁾ Wendling, Sur l'Influence m  canique de la respiration sur la circulation. (Th  se de Strasbourg, 2-e s  rie, № 759, 1864, page 55).

Прежде всего, эта способность задерживать биение сердца появилась у него только *съ некотораго времени*, какъ это видно изъ вышеприведенного отрывка, и, повидимому, была соединена съ тяжелымъ болѣзненнымъ состояніемъ, конститутированнымъ врачами и подтвержденнымъ вскрытиемъ (глубокое пораженіе правой почки).

Сверхъ того, весьма вѣроятно, что сердцебиеніе продолжалось хотя и весьма слабо, ибо, очевидно, что ощупываніе рукой въ области сердца и изслѣдованіе пульса суть совершенно недостаточныя средства контроля. Въ самомъ дѣлѣ, лучевой пульсъ можетъ исчезнуть, какъ это показалъ I. Мюллеръ, въ моментъ глубокаго вдыханія, тогда какъ биение сердца продолжается; I. Мюллеръ объясняетъ это исчезновеніе пульса давленіемъ, производимымъ въ этотъ моментъ первымъ ребромъ на подключичную артерію (*arteria subclavia*).

Наконецъ, полковникъ Тауншипъ останавливалъ одновременно дыханіе и приводилъ себя къ настоящей мнимой смерти, удовлетворительное объясненіе которой весьма затруднительно.

Фрей имѣлъ также случай замѣтить у нѣкоторыхъ людей способность задерживать произвольно ихъ пульсъ¹⁾.

Но самые полные опыты были сдѣланы Э. Ф. Веберомъ. Этотъ физиологъ открылъ, что онъ можетъ по произволу прерывать на мгновеніе биение своего сердца и пульсацию своихъ артерій; этого онъ достигалъ, препятствуя воздуху входить въ грудь, которую онъ вмѣстѣ съ этимъ сжималъ; кровообращеніе возводилось только послѣ того, какъ сжатіе груди прекращалось.

Изучая механику этого явленія, Веберъ замѣтилъ, что простое задерживание дыханія *безъ сжатія груди* не вызываетъ никакого замѣтнаго измѣненія частоты пульса, и я могу подтвердить это заявленіе, основываясь на сфигмографическихъ кривыхъ, полученныхъ при подобныхъ условіяхъ при помощи сфигмографа Марея. Можно задержать дыханіе на довольно продолжительное время (около полуминуты), какъ въ моментъ вдыханія, такъ и въ моментъ выдыханія (все равно, глубокихъ или обыкновенныхъ) и, однако, частота пульса не измѣнится замѣтнымъ образомъ. Чтобы произошла задержка сердцебиенія, нужно воздействиѳ нового фактора: сжатія груди мускулами, производящими выдыханіе.

Подобная задержка кровообращенія можетъ даже идти очень далеко, какъ это показалъ Веберъ на себѣ самому:

„Однажды, говоритъ онъ, когда я задержалъ дыханіе нѣ-

¹⁾ Frei. Maller's Archiv, 1845.

сколько болѣе обыкновенного (конечно, не цѣлую минуту), я потерялъ сознаніе. Когда я находился въ этомъ состояніи, присутствующіе замѣтили конвульсіи моего лица; прия въ себя, я потерялъ память случившагося, и первое время, хотя мой пульсъ опять сдѣлался ощутимымъ, я не могъ вспомнить, гдѣ я находился. Затѣмъ я вспомнилъ, что, замѣтивъ приближеніе обморока, я прекратилъ сжиманіе груди: если бы я этого не сдѣлалъ, то, вѣроятно, мнѣ угрожали бы тяжелыя послѣдствія и, быть можетъ, моя жизнь была бы въ опасности".

Этимъ пріемомъ: остановкой дыханія и сжатіемъ груди, Веберъ объясняетъ случаи добровольной смерти, упоминаемые Валеріемъ, Максимомъ и Галеномъ, описание которыхъ можно найти въ его мемуарѣ.

Вендлингъ¹⁾ также упоминаетъ объ одномъ случаѣ произвольной остановки сердцебіенія:

"Одинъ изъ нашихъ друзей Эд. Веберъ, студентъ-медикъ, способенъ совершенно остановить удары своего сердца, дѣлая глубокое вдыханіе и производя затѣмъ закрытіе гортаний щели и энергическое сокращеніе мускуловъ, производящихъ выдыханіе. Пульсъ у него прекращается по прошествіи пяти-шести секундъ и, вместо тоновъ сердца, слышно только особаго рода дрожаніе, которое, повидимому, указываетъ, что сердце трепещетъ подъ вліяніемъ высокаго давленія, которому оно подвергнуто. Во время опыта г. Веберъ ощущаетъ какъ бы жестокій ударъ въ затылокъ, его лицо весьма замѣтно наливается кровью, вены лба ясно обозначаются подъ кожей, расширяются и напрягаются. Въ моментъ возстановленія дыханія онъ испытываетъ довольно сильное головокруженіе, которое черезъ нѣсколько секундъ исчезаетъ".

Къ этимъ фактамъ можно бы прибавить нѣсколько другихъ, упоминаемыхъ въ трудѣ Тарханова, о которомъ я буду говорить ниже.

Такъ, Боткинъ разсказываетъ объ одномъ индивидѣ, страдавшемъ прогрессивною мышечною атрофіей, который могъ замедлять біеніе своего сердца, размыщля о жалкомъ состояніи своего здоровья. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ эмоциональнымъ состояніемъ, произведеннымъ самовнушениемъ.

Сосредоточеніе вниманія на определенномъ предметѣ можетъ также вызвать замедленіе пульса. Такъ, Мильнеръ Фотерджилль замѣтилъ слѣдующее явленіе на одномъ весьма нервномъ и весьма раздражительномъ молодомъ человѣкѣ,

²⁾ Wendling, Thèse, Strasbourg, 1864, p. 31.

когда его спрашивали, выслушивая его сердце. Когда вопросы требовали размышления, замечались замедление его сердца и неправильность пульса; эти явления не обнаруживались, когда даваемые имъ отвѣты были просты и не требовали никакого напряженія мысли.

По словамъ Мильнера Фотерджилля, одинъ весьма известный американский физиологъ также имѣлъ способность задерживать сердцебиеніе.

Въ заключеніе можно сказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, если не обращать вниманія на эмоциональныя вліянія, задержаніе сердцебиенія есть только вторичное явленіе, произведенное вліяніемъ дыханія. А въ случаѣ Элизы Ф. ея дыханіе оставалось спокойнымъ и правильнымъ втеченіе всего опыта, и поэтому замедленіе пульса не можетъ быть приписано его вліянію.

Случай произвольного ускоренія сердцебиенія менѣе известны.

Однако, недавно появилась весьма интересная работа Тарханова по этому вопросу¹⁾.

Первый случай наблюдался на студентѣ Евгениѣ Саломѣй. Между 10-ю и 15-ю годами онъ страдалъ сердцебиеніями, которая впослѣдствіи успокоились, но у него осталась крайняя восприимчивость сердца къ внѣшнимъ вліяніямъ. Онъ сталъ наблюдать за собою и замѣтилъ, что, сосредоточивъ вниманіе на этомъ своемъ свойствѣ, онъ могъ по произволу ускорять биеніе своего сердца. Онъ согласился подвергнуться опыту Тарханова, который замѣтилъ слѣдующія явленія.

По словамъ студента, когда онъ хочетъ ускорить свое сердцебиеніе, онъ сосредоточиваетъ вниманіе на своемъ сердцѣ и желаетъ его ускоренія, совершенно такъ, какъ онъ желаетъ выполнить какое-либо произвольное движеніе; одного сосредоточиванія вниманія недостаточно: нужно еще, чтобы къ нему присоединился волевой импульсъ. Онъ не внушиаетъ себѣ никакого особенного эмоционального состоянія, напр., никакой приятной мысли, которая могла бы ускорить сердце. Извѣстно, что сильныя мускульныя сокращенія производятъ ускореніе пульса; у него не существуетъ и этой причины; все мускулы находятся въ покое, и замѣчается только въ-которая краснота лица и иногда легкое напряженіе мускуловъ шеи. Нужно замѣтить, что у этого студента воля имѣть огромное вліяніе на мышечную систему: онъ можетъ по произволу сокращать мускулы ушей, мышцы черепной крышки, сгибать 3-ія фаланги, и т. п.

¹⁾ Tarchanoff, Pflüger's, Archiv, 1884, S. 109.

Дыханіе также не играетъ здѣсь никакой роли, какъ это видно изъ полученныхъ кривыхъ; наконецъ, измѣнія число и глубину дыханій, не наблюдаютъ замѣтнаго измѣненія сердцебиенія.

Опредѣляя посредствомъ сфигмоманометра Баша величину кровяного давленія, замѣчаютъ, въ моментъ ускоренія пульса повышеніе его на 10—20 миллиметровъ ртути. Но не существуетъ тѣсной связи между ускореніемъ пульса и повышеніемъ кровяного давленія, ибо и послѣ окончанія ускоренія пульса давленіе продолжаетъ возрастать.

Во время опыта руки холодны, но замѣчается небольшое увеличеніе температуры щекъ, лица и лба; слѣдовательно, существуетъ легкій приливъ крови къ головѣ и возбужденіе сосудо-двигательныхъ центровъ конечностей.

Изъ всѣхъ этихъ фактovъ Тархановъ дѣлаетъ выводъ о существованіи у субъекта *прямого вліянія воли на сердце*.

Но какъ осуществляется это вліяніе? Посредствомъ ли паралича задерживающихъ центровъ, или посредствомъ возбужденія центровъ ускоряющихъ? Способъ, какимъ происходитъ это ускореніе, дозволяетъ решить вопросъ. Это *ускореніе не совершается немедленно*; оно происходитъ постепенно и требуетъ полу-минуты или трехъ четвертей минуты для достиженія наибольшей величины; замедленіе сердцебиенія также не происходитъ внезапно: оно длится нѣсколько минутъ и сопровождается вторичными колебаніями. Этотъ ходъ явленія напоминаетъ то, что происходитъ при возбужденіи ускоряющихъ нервовъ, тогда какъ при параличѣ задерживающихъ центровъ (перерѣзка п. *pneumogastrici* или разрушение продолговатаго мозга) ускореніе происходитъ немедленно, такимъ же образомъ, какъ и возбужденіе задерживающихъ центровъ вызывается непосредственно замедленіемъ. Слѣдовательно, ускореніе должно быть приписано вліянію ускоряющихъ центровъ.

Характеръ пульса во время ускоренія былъ слѣдующій: пульсация представляла постепенное пониженіе; систолическое повышеніе было менѣе рѣзко (менѣе энергическая дѣятельность сердца); во время паденія колебаніе было болѣе выражено.

Помѣщая субъекта въ ванну въ 57°, получали пульсъ тужественный съ пульсомъ ускоренія; но опыты надъ животными показали, что подобнымъ приемомъ возбуждаются ускоряющіе центры.

Сверхъ того, у этого субъекта ускореніе сердца происходитъ, помимо воли, подъ вліяніемъ множества факторовъ: мы-

шечной и умственной работы, теплого питья, половыхъ экспес-совъ, куренія табаку и т. п.; самый актъ выслушиванія (аускультації) приводилъ къ ускоренію пульса на 12—16 ударовъ въ минуту. Когда опыты повторялись нѣсколько разъ, они всегда сопровождались значительнымъ мышечнымъ утомленіемъ. Мышца замѣтно увеличивалъ способность ускоренія сердца; заись азота, наоборотъ, уничтожала ее.

Евгений Саломей не могъ по произволу замедлять біеніе сердца.

Къ этому интересному случаю Тархановъ прибавляетъ нѣсколько другихъ, которые онъ имѣлъ возможность наблюдать.

Первый относится къ молодому человѣку очень нервному и очень легко возбудимому. Онъ могъ поднять свой пульсъ отъ 85 до 130 ударовъ въ минуту, но это сопровождалось дрожаніемъ всего тѣла, и дыхательные движенія дѣлались болѣе энергическими и болѣе частыми. Этотъ субъектъ могъ отдельно сокращать извѣстное число мускуловъ, въ частности могъ это дѣлать съ мускулами уха.

Вторымъ объектомъ наблюденія былъ д-ръ Шлезингеръ. Такъ какъ онъ могъ производить отдѣльныя сокращенія мускуловъ уха и пальцевъ, Тархановъ предложилъ ему сдѣлать попытку произвольного ускоренія сердцебіенія; въ первый опытъ онъ ускорилъ число біеній сердца на 20 въ минуту. Онъ постепенно упражнялся и дошелъ до ускоренія отъ 85 до 160 ударовъ въ минуту.

Наконецъ, Тархановъ упоминаетъ о молодомъ русскомъ поэты и объ одномъ профессорѣ, которые могутъ ускорять свое сердцебіеніе на 15—20 ударовъ въ минуту. Всѣ эти люди могли сокращать отдельно мускулы ушей и фаланги пальцевъ.

Въ дополнительной замѣткѣ Тархановъ извѣщаетъ, что со времени опытовъ Шлезингеръ страдаетъ сердцебіеніями, которыхъ не позволяютъ ему спать. Изъ этого видно, что нужно быть очень осмотрительнымъ при подобного рода опытахъ и производить ихъ только съ самыми большими предосторожностями.

Возможно ли подвести подъ одну категорію съ этими явленіями и то ускореніе сердцебіенія, которое было произведено у Элизы посредствомъ внушенія? Я этого не думаю. Прежде всего, не слѣдуетъ забывать, что субъекты, случаи съ которыми я, руководясь описаніемъ Тарханова, только-что рассказалъ, могутъ ускорять, но не могутъ замедлять сердцебіеніе. Затѣмъ, кривая ускоренного пульса у Элизы (см. 6-ю линію рис. I) представляетъ характеръ совершенно противо-

положный кривой Евгения Саломея. Наконецъ, и это особенно важно, я настаиваю на этомъ фактѣ, у Элизы ускореніе не-посредственное, оно немедленно слѣдуетъ за внушеніемъ; такъ, сосчитывая число ударовъ сердца на кривой въ три сантиметра длины непосредственно передъ и непосредственно послѣ того, какъ было сдѣлано внушеніе ускоренія, я нахожу въ первомъ случаѣ 8 ударовъ, и во второмъ 9. Поэтому, я принужденъ думать, что внушеніе дѣйствуетъ скорѣе на задерживающій центръ (парализируя его), чѣмъ на центръ ускоряющей. То же можно сказать и о замедленіи; здѣсь опять вліяніе обнаруживается непосредственно; первое колебаніе пульса, которое я отмѣтилъ выше, произошло немедленно послѣ внушенія.

Поэтому, я прихожу въ тому заключенію, что въ случаѣ Элизы воля субъекта, послушно повинуясь сдѣланному ей внушенію, вліяла прямо на задерживающій центръ сердца, то возбуждая, то парализируя его, и производила въ первомъ случаѣ замедленіе, а во второмъ—ускореніе пульса.

VI. Краснота и приливъ крови къ кожѣ, вызванные гипнотическими внушеніемъ

Я буду весьма кратокъ, говоря объ этихъ явленіяхъ, которые легко могутъ быть вызваны у значительного числа сомнамбуль. Я ограничусь описаніемъ одного случая.

Я сказалъ г-жѣ А. Е. во время ея гипнотического сна: „Послѣ пробужденія у васъ будетъ красное пятно на томъ мѣстѣ, къ которому я въ настоящее время прикасаюсь“; въ это время я очень легко касался пальцемъ одного мѣста на предплечьѣ, которое легко можно узнать по нѣкоторому значку. Спустя, приблизительно, десять минутъ послѣ пробужденія, на назначенномъ мѣстѣ начала появляться краснота, сначала весьма мало выраженная, затѣмъ она стала мало по малу усиливаться и, наконецъ, просуществовавъ минутъ 10—15, постепенно исчезла; красное пятно было весьма замѣтно, края же его, постепенно ослабѣвая, терялись въ кожѣ. Можно вызвать внушеніемъ гораздо болѣе продолжительную красноту, длящуюся, напримѣръ, 24—48 часовъ: конечно, при этомъ были приняты всѣ предосторожности, чтобы субъектъ не теръ назначенного мѣста: на счетъ этого за нимъ слѣдили.

При обычныхъ условіяхъ мы не можемъ произвольно производить подобные измѣненія сосудо-двигательной иннервации.

Сдѣлавши опытъ на самомъ себѣ, замѣтить, что, поддер-
живая внимание и сосредоточивая умъ на одной идеѣ, можно
вызвать ощущенія, которыхъ у некоторыхъ людей могутъ дойти
до галлюцинаціи; внушая себѣ эмоциональное состояніе съ
достаточною интенсивностью, можно по произволу заставить
себя блѣdnѣть и краснѣть, приемъ, который часто употреблялся
великими актерами; рассказываютъ, что Тальма въ некоторыхъ
случаяхъ представлялъ себѣ театральный залъ наполненнымъ скелетами, для того, чтобы ощутить трагическую
дрожь. Но я не думаю, чтобы было возможно, не ставя себя
въ особыя условія, аналогичная тѣмъ, какія бываютъ при
внушеніи, вызвать *продолжительную красноту* на определенномъ мѣстѣ тѣла. Ниже я возвращусь къ этому особому со-
стоянію, о которомъ теперь я только упоминаю.

Въ некоторыхъ случаяхъ, когда внушеніе было особенно
сильно, вмѣсто простой гипереміи¹⁾, можетъ развиться на-
стоящее воспаленіе съ припуханіемъ кожи. Этотъ воспалите-
тельный процессъ кожи приводитъ насъ къ слѣдующему опыту,
который является образцемъ наибольшаго вліянія внуше-
нія, какое только до сихъ поръ было достигнуто.

V. Пузырь, вызванный гипнотическимъ внушеніемъ.

Этотъ опытъ составляетъ важный моментъ въ исторіи
гипноза. Онъ неопровержимо доказываетъ дѣйствитель-
ность сомнамбулическихъ явлений и, сверхъ того, показы-
ваетъ, какое огромное вліяніе имѣть мозгъ на всѣ жизнен-
ныя функции. Ниже я возвращусь къ этому вопросу, здѣсь
же я ограничусь вѣрною передачей фактъ.

Опыты были произведены надъ Элизой Ф., о которой я
уже говорилъ, г. Фокашономъ, аптекаремъ въ Шармѣ, кото-
рому наука уже столько обязана по этимъ вопросамъ.

Однажды, когда Элиза почувствовала боль надъ лѣвымъ
пахомъ, онъ внушилъ ей (усыпивши ее предварительно), что
на болѣзnenномъ мѣстѣ образуется нарывной пузырь; на
другой день въ назначенномъ мѣстѣ, дѣйствительно, образо-
вался пузырь съ серозною жидкостью, не смотря на то, что
къ этому мѣсту ничего не прикладывали.

Немного спустя, онъ употребилъ подобное же внушеніе
для уничтоженія ея невральгическихъ болей въ области право-
вой ключицы; но на этотъ разъ, вмѣсто пузыря, образовался

¹⁾ Приливъ крови.

ожогъ, до такой степени похожій на настоящій ожогъ, что даже привелъ къ образованію струпа.

Г. Фокашонъ сообщилъ эти факты д-ру Льебо, послѣ чего было условлено о днѣ, въ который эти опыты будутъ повторены въ Нанси передъ свидѣтелями.

2-го декабря 1884 года г. Фокашонъ привезъ Элизу къ д-ру Льебо. Д-ръ Бернгеймъ указалъ на тѣль мѣсто, на которому долженъ образоваться пузырь; это мѣсто было выбрано между плечами, для того, чтобы экспериментируемый субъектъ не могъ достать его руками. Къ сожалѣнію, внушеніе было сдѣлано нѣсколько поздно, потому что докторъ Бернгеймъ былъ цѣлое утро занятъ въ госпиталѣ; вслѣдствіе этого результаты внушенія не могли быть констатированы въ тотъ день экспериментаторами Нанси.

Гг. Фокашонъ и Льебо наблюдали за усыпленною, не спуская ее съ глазъ, до $5\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Втеченіе дня внушеніе было ей повторено нѣсколько разъ. Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ приступили къ провѣркѣ результатовъ въ присутствіи гг. Бернгейма, Льежуа и Дюмона, лаборанта физики при медицинскомъ факультетѣ. Въ заранѣе назначенныхъ предѣлахъ была обнаружена рѣзко ограниченная краснота и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были замѣтны болѣе густо окрашенныя точки, представлявшія нѣкоторыя возвышенія. Элиза жаловалась на чувство жженія и зудъ, который заставилъ бы ее тереть спину о мебель, если бы ей не препятствовали это дѣлать.

Опытъ этотъ былъ прерванъ вслѣдствіе того, что г. Фокашонъ долженъ былъ возвратиться въ Шармъ. Опытъ не былъ признанъ достаточно удачнымъ, и поэтому рѣшили возобновить его при лучшихъ условіяхъ.

Однако, на другой день г. Фокашонъ прислалъ г. Льебо сначала телеграмму, а затѣмъ и письмо, съ удостовѣреніемъ д-ра Шеврэза. Этотъ врачъ удостовѣрялъ существованіе у Элизы „эксудативной эритемы между плечами; давленіе въ этомъ мѣстѣ болѣзненно и часть рубахи, соприкасающаяся съ этимъ мѣстомъ, запачкана гнойною жидкостью; можно было бы принять это за небольшой ожогъ“.

На другой день, 3-го декабря, г. Фокашонъ писалъ г. Льебо: „Я видѣлъ Элизу вчера въ три часа. Попросивши ее вновь раздѣться, я замѣтилъ, что процессъ нагноенія былъ болѣе выраженъ, чѣмъ это было утромъ, и что центральная язва (конечно, мѣсто, на которомъ д-ръ Шеврэзъ замѣтилъ присутствіе гнойной жидкости, запачкавшей рубаху), которая продолжала гноиться, имѣла въ это время 5 сантиметровъ длины и 25 миллиметровъ ширины“.

Это явление совершилось при всѣхъ условіяхъ, гарантирующихъ его подлинность; однако, такъ какъ въ наблюденіяхъ надъ Элизой произошелъ перерывъ, втеченіе ночи, слѣдовавшей за ея возвращеніемъ въ Шармъ, то опытъ не имѣлъ абсолютной достовѣрности. Поэтому, рѣшили повторить его при лучшихъ условіяхъ.

Случай представился, благодаря истеро-эпилептическому припадку, который въ концѣ апрѣля вновь повторился съ нею вслѣдствіе волненія.

Втеченіе 18 мѣсяцевъ у нея уже не было припадковъ.

12 мая 1885 года г. Фокашонъ, подъ предлогомъ совѣщенія съ г. Льебо, привезъ ее въ Нанси; она вовсе и не подозревала, что съ нею сдѣлаютъ, и думала возвратиться домой въ четыре часа пополудни.

Она была усыплена при насть въ одиннадцать часовъ утра. На этотъ разъ ей былъ привлеченъ въ избранномъ мѣстѣ, позади лѣваго плеча, куда она опять-таки не могла достать рукой, квадратъ изъ почтовыхъ марокъ, покрытыхъ гумми, причемъ такие самые квадраты были уже наклеены на руку одному человѣку втеченіе 18-ти часовъ и не вызвали ни малейшей красноты на мѣстѣ прикрѣпленія. Сверхъ этой бумаги была сдѣлана легкая перевязка, состоящая изъ полоски липкаго пластыря¹⁾ и повязки. Это подобіе перевязки было предложено г. Лежжу и было сдѣлано для того, чтобы держать умъ сомнамбулы на постоянной мысли о пузырѣ, который долженъ образоваться. Элиза, которой втеченіе всего ея сна было сдѣлано только три раза, нѣсколько минутъ каждый разъ, винченія ad hoc, провела всю ночь запертую въ комнатѣ на ключъ, будучи предварительно приведена въ состояніе гипнотического сна.

На другой день, 13-го мая, перевязка была снята въ присутствіи всѣхъ интересовавшихся результатами опыта; послѣ надлежащаго изслѣдованія мною тутъ же былъ составленъ слѣдующій протоколь:

„12 мая 1885 года, въ 11 часовъ утра, г. Фокашонъ усыпалъ Элизу въ присутствіи гг. Бернгейма, Льебо, Бони и нѣкоторыхъ другихъ. Во время ея сна ей приложили къ лѣвому плечу восемь почтовыхъ марокъ, внушивши ей, что при-

¹⁾ Такъ какъ среди публики существуетъ убѣждѣніе, что всевозможные пластыри способствуютъ образованію нарываовъ, то, во избѣженіе недоразумѣнія, считаю нужнымъ замѣтить, что липкий пластырь никакимъ нарывнымъ свойствомъ не обладаетъ; это смѣсь деревянного масла, свинаго жира, окиси свинца и канифоли, намазанная на холстѣ и употребляемая въ медицинѣ, вслѣдствіе ея способности, будучи разогрѣтою, прилипать къ тѣлу.

кладывают нарывной пластырь. Почтовые марки были придерживаемы полосками липкого пластиря и повязкой.

„Затѣмъ Элиза была оставлена въ этомъ положеніи втече-
ніе всего дня; ее будили только дважды: разъ для обѣда,
другой разъ для ужина; но за нею наблюдали и не спускали
ее съ глазъ.

„На ночь г. Фокашонъ усыпалъ ее, внушивши ей, что она
проснется только на другой день, въ семь часовъ утра (что
и случилось).

„Въ этотъ день, въ восемь часовъ съ четвертью, г. Фо-
кашонъ снялъ перевязку въ присутствіи гг. Бернгейма, Лье-
жуа, Льебо, Бони и другихъ. Прежде всего, мы удостовѣри-
лись, что почтовые марки оставались на своемъ мѣстѣ. По
снятіи ихъ, мѣсто, на которомъ онъ лежали, имѣло слѣду-
щій видъ: на протяженіи 4—5 сантиметровъ, былъ замѣтенъ
утолщенный омертвѣвшій слой эпидермиса, желтовато-блѣаго
цвѣта; однако, эпидермисъ не былъ приподнять и не обра-
зовала полости, но былъ утолщенъ, немного сморщенъ и на-
поминалъ вообще періодъ, непосредственно предшествующій
собственно нагноенію съ образованіемъ жидкости. Эта область
кожи окружена поясомъ интенсивной красноты со вздутіемъ.
Поясь этотъ имѣетъ около полу-сантиметра ширины. Удо-
стовѣрившись въ этихъ явленіяхъ, накладываютъ вновь на
данное мѣсто сухую повязку, чтобы изслѣдовать кожу нѣ-
сколько позднѣе. Въ $11\frac{1}{2}$ часовъ того же дня кожа имѣла
такой же видъ, какъ и утромъ“.

Все это было засвидѣтельствовано профессорами Бони,
Бернгеймомъ и Льежуа, докторами Льебо и Симономъ, гг.
Лораномъ и Брюларомъ, которые подписались подъ прото-
коломъ.

По возвращеніи въ Шармъ, въ тотъ же день, въ четыре
часа пополудни, г. Фокашонъ фотографировалъ нарывъ Эли-
зы. На фотографіи замѣтно нѣсколько (4—5) пузырьковъ, ко-
торые, вѣроятно, развились во время переѣзда изъ Нанси въ
Шармъ.

Эти пузырьки мало по малу увеличивались и выдѣляли
густую жидкость молочного цвѣта.

28-го мая нарывъ все еще значительно гноился, и г. Фо-
кашонъ могъ въ различное время получить съ него нѣсколько
фотографическихъ снимковъ.

30-го мая г. Фокашонъ образовалъ у той же особы, по-
средствомъ внушенія, пузырь на руку, пузырь, который онъ
опять фотографировалъ.

Эти факты были сообщены мною обществу физиологиче-

ской психологіи, въ засѣданіі 29-го іюня 1885 года; я представилъ членамъ общества фотографические снимки обоихъ пузырей.

Могутъ сказать, что это исключительное явленіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особеною индивидуальною способностью. Очевидно, что эти опыты не удаются у всѣхъ сомнамбуль; но случай съ Элизой не единственный.

Подобные же опыты были успѣшно произведены г. Фокашономъ надъ другою особой Маріей Ж. Эта дѣвушка страдала втеченіе трехъ лѣтъ сильными невральгическими болями; такъ какъ она впала въ сомнамбулизмъ въ первый же сеансъ, то г. Фокашонъ приложилъ ей посредствомъ внушенія на болѣщія мѣста послѣдовательно два нарываемыхъ пластыря (мнимальныхъ, конечно), оба величиною въ пяти-франковую монету, первый пластырь былъ приложенъ впереди и немножко ниже лѣваго уха, второй — на уровнѣ височной дуги съ той же стороны. Процессъ нарыванія тянулся цѣлыхъ 48 часовъ и, слѣдовательно, былъ болѣе медленнымъ, чѣмъ у Элизы; въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, были замѣтны гноящіеся пузырьки. Невральгическія боли вполнѣ исчезли послѣ двѣнадцати гипнотическихъ сеансовъ.

Къ фактамъ, которые я только-что сообщилъ, и на которыхъ я счелъ нужнымъ долго остановиться, легко прибавить нѣсколько другихъ.

Такъ, посредствомъ внушенія можетъ быть произведено отдѣленіе мочи, пота, слезъ, молока и т. п.; менструаціонный притокъ крови можетъ быть урегулированъ: увеличенъ или уменьшенъ; можно даже, какъ это я видѣлъ у Элизы, вызвать выдѣленіе слезъ изъ одного только глаза, однимъ словомъ, нѣть органической функции, которая не подчинилась бы гипнотическому внушенію.

Съ тѣхъ порь, какъ эти факты, и особенно фактъ образования пузыря были опубликованы, появились новые наблюденія, сдѣянныя самыми авторитетными врачами, наблюденія, которые подтвердили эти опыты и которые не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія у всѣхъ людей, не осѣпленныхъ предвзятыми идеями.

Дюмонпалль сообщилъ недавно въ засѣданіі біологическаго общества объ опытахъ, въ которыхъ онъ вызывалъ посредствомъ внушенія, у способныхъ къ гипнотизаціи истерическихъ людей, мѣстные приливы крови и повышеніе температуры на нѣсколько градусовъ въ мѣстахъ, выбранныхъ по произволу¹⁾.

¹⁾ Однажды я пытался увеличить у Элизы при помощи внушенія непо-

Г. Бурю, директоръ клиники въ морской медицинской школѣ въ Рошфорѣ, и г. Бюро, адъюнктъ-профессоръ въ той же школѣ, сообщили въ засѣданіи біологического общества (11-го июля 1885 г.) о случаяхъ кровотечения и кроваваго пота, которые были произведены посредствомъ гипнотического внушенія у одного человѣка, страдавшаго гемиплегіей и гемианестезіей¹⁾). Эти опыты были повторены надъ тѣмъ же субъектомъ и съ тѣмъ же успѣхомъ докторомъ Мабилемъ, директоромъ пріюта въ Лароши.

Эти факты объясняютъ много непонятныхъ явлений, и въ особенности явлений, представляемыхъ *стигматиками* среднихъ вѣковъ и новаго времени; здѣсь не было ни чуда, ни обмана, какъ это слишкомъ часто думали; здѣсь имѣли дѣло только съ несчастными истерическими особами, которыя, вслѣдствіе экстаза и созерцанія, достигли состоянія воспріимчивости ко внушенію, и они внушали сами себѣ или допускали другихъ внушить имъ образованіе язвъ, кроваваго пота и всѣхъ подробностей распятія Христа. Уже раньше чувствовали возможность подобного истолкованія этихъ явлений²⁾, но опыты (уже довольно давніе) Льбо³⁾ и тѣ, о которыхъ я только-что рассказалъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности этого объясненія⁴⁾.

средственно общую температуру тѣла, не внушая ей, что у нея лихорадка. Предварительно подмышику ей былъ поставленъ термометръ; ей не было сдѣлано внушеніе, и послѣ 20-ти-минутнаго пребыванія термометръ показывалъ 37,6°. Тогда я началъ дѣлать внушенія, повторяя ихъ время отъ времени; опытъ продолжался часть и десять минутъ; втчение всего этого времени я былъ около нея, не спуская глазъ со ртутнаго столбика; въ концѣ опыта термометръ показывалъ 38°; и такъ, за часъ и десять минутъ произошелъ подъемъ только на 4 десятыхъ градуса; этотъ подъемъ совершился очень медленно и постепенно; дыханіе было ускорено, потъ появился на всемъ тѣлѣ; особенный обстоятельства помѣшили мнѣ продолжить опытъ. Онъ былъ произведенъ 18-го июля 1884 г.

¹⁾ Экспериментаторъ написалъ тупымъ концомъ небольшаго кинжала свое имя на обоихъ предплечьяхъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ слѣдующее приказаніе: "Сегодня вечеромъ, въ 4 часа, ты заснешь и будешь источать кровь на рукахъ, на тѣхъ линіяхъ, которая я только что начертала". Въ назначенный часъ большой засыпаетъ. На лѣвой руки буквы начинаютъ ясно вырисовываться въ формѣ выпуклыхъ ярко-красныхъ линій на блѣдномъ фонѣ кожи, и капельки крови вытекаютъ въ нѣсколькихъ точкахъ. Эти фоны были еще видны послѣ 3-хъ мѣсяцевъ, хотя онъ мало по малу побѣдѣли. На правой парализованной сторонѣ не образовалось рѣшительно ничего. См. А. Bergou, la Grande hystérie chez l'homme etc. Paris, 1886.

²⁾ См. Maury, Magie et Astrologie.

³⁾ Liébault, Du Sommeil et des états analogues.

⁴⁾ По этому поводу напомню одно мѣсто изъ моей докторской диссертации. (De l'Habitude en général. Montpellier, 1856):

"Достаточно смотрѣть внимательно на какую-нибудь часть своего тѣла, думать о ней усиленно втчение извѣстнаго времени, подвергнуть ее такъ

IV. Динамометрическія изслѣдованія.

Эти динамометрическія изслѣдованія производились лѣтомъ 1884 года, надъ 73 особами обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Сила рукъ испытывалась посредствомъ динамометра Маттье. Опыты производились:

- 1) Передъ гипнотическимъ сномъ.
- 2) Во время этого сна.
- 3) Послѣ пробужденія.

Прежде, чѣмъ сообщить полученные мною результаты, я скажу нѣсколько словъ о технической сторонѣ опытовъ.

Не стану описывать динамометра, извѣстнаго всѣмъ врачамъ. Я упомяну только о нѣкоторыхъ причинахъ ошибокъ, случающихся при его употребленіи.

У женщинъ, у дѣтей и вообще у людей съ тонкою и нѣжною кожей, надавливаніе вызываетъ боль, вслѣдствіе чего, послѣ нѣсколькихъ испытаній опыты нужно прекратить. Затѣмъ, у женщинъ, и особенно у дѣтей, нужно пользоваться самыми небольшимъ динамометромъ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, обыкновенно, легко научаются обращаться съ динамометромъ и довольно быстро достигаютъ того, что даютъ рядъ цифръ вполнѣ согласныхъ между собою.

Что касается рабочихъ съ мозолистыми руками, то здѣсь встрѣчаются затрудненія другого рода: у многихъ изъ нихъ кисти рукъ не могутъ ни расправляться, ни закрываться вполнѣ; это происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе грубости утолщенаго эпидермиса, а, быть можетъ, также и вслѣдствіе нѣкотораго сокращенія ладонной фасціи; пальцы этихъ рабочихъ не имѣютъ той гибкости, которая необходима, чтобы хорошо охватить динамометръ, а притупленное осязаніе не позволяетъ имъ постепенно усиливать давленіе, чтобы дать наибольшую цифру; вслѣдствіе всего этого, я часто видѣлъ рабочихъ (например, силача Б., который нѣсколько разъ приходилъ въ мою лабораторію для опытовъ), у которыхъ при испытаніи динамометромъ получались меньшія цифры, чѣмъ у студентовъ, обладавшихъ безспорно гораздо болѣе слабою мускулатурой. Въ виду этого, динамометръ, очевидно,

называемый магнитическимъ пассажъ, чтобы испытать въ ней трудно описанные ощущенія: бѣганіе мурашекъ, теплоту, пульсацию и т. п. Справедливость этого факта можетъ быть подтверждена разсмотрѣніемъ кропотливыхъ описаний экспериментаторовъ гомеопатовъ; еще болѣе поразительныя доказательства справедливости этого представляютъ знаменитые мистики среднихъ вѣковъ, которыхъ лобъ, руки и ноги подвергались, въ часы экстаза, притягивали кровь, выдѣляли кровавый потъ и даже служили мѣстомъ образования настоящихъ язвъ (22).

есть плохой инструментъ, когда приходится сравнивать силу рукъ рабочаго и человѣка занятаго умственнымъ трудомъ, и это нужно имѣть въ виду при изслѣдованіяхъ, вродѣ тѣхъ, которыя предпринимались нѣкоторыми авторами.

Общие результаты моихъ изслѣдований таковы:

Изъ 242 случаевъ, динамометрическая сила, полученная *во время гипнотического сна*, была:

31 разъ—равною динамометрической силѣ, полученной *передъ сномъ*.

41 разъ она была больше первой¹⁾.

162 раза—меньше первой.

И такъ, въ большинствѣ случаевъ динамометрическая сила *уменьшается во время гипнотического сна*, если сравнивать ее съ силой, полученной до сна.

Изъ 242 случаевъ, динамометрическая сила, полученная *послѣ пробужденія*, была:

29 разъ—равною силѣ, полученной *передъ сномъ*;

114 разъ она была больше первой;

71 разъ—меньше первой.

И такъ, въ большинствѣ случаевъ динамометрическая сила *увеличивается послѣ пробужденія*, если сравнивать ее съ силой, полученной до сна.

Если сравнить динамометрическую силу *послѣ пробужденія* съ силой *во время гипнотического сна*, то найдутъ, что на 225 случаевъ первая была:

14 разъ—равною второй;

168 разъ—больше ея;

43 раза—меньше ея.

И такъ, говоря вообще, динамометрическая сила *послѣ пробужденія* больше, чѣмъ была *во время гипнотического сна*.

Но это только сырой материалъ, въ которомъ не обращено вниманія на частные случаи.

Если же распределить случаи по характеру и глубинѣ гипнотического сна, то получится слѣдующее:

Изъ подвергавшихся изслѣдованию 73 субъектовъ 46 впадали *въ легкій сонъ* (отяжелѣніе, сознаніе всего, что происходит вокругъ ихъ); 23 впадали въ глубокій сонъ (доходили до каталепсіи посредствомъ внушенія; продолжали автоматически движенія, которыхъ заставляли дѣлать, послѣ пробужденія забывали все, случившееся во время сна); 14 душъ

¹⁾ Какъ читатель видѣть, $31+41+162$ не равны 242; это противорѣчіе существуетъ и въ подлиннике. То же самое нужно сказать и о непосредственно слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ.

П. М.

доходили до *сомнамбулизма* (внущение действий и галлюцинаций).

Слѣдующія таблицы резюмируютъ результаты.

А.—Динамометрическая сила, полученная во время сна, сравнительно съ силой до сна (Цифры указываютъ число случаевъ).

	Равна.	Болѣе.	Менѣе.	Общее число случаевъ.
Легкій сонъ . . .	7	16	67	90
Глубокій сонъ . . .	15	12	47	74
Сомнамбулизмъ . . .	8	23	49	80

Б.—Динамометрическая сила, полученная послѣ пробужденія, сравнительно съ силой до сна.

	Равна.	Болѣе.	Менѣе.	Общее число случаевъ.
Легкій сонъ . . .	13	34	29	76
Глубокій сонъ . . .	8	39	19	66
Сомнамбулизмъ . . .	9	33	24	66

В.—Динамометрическая сила, полученная послѣ пробужденія, сравнительно съ силой во время сна.

	Равна.	Болѣе.	Менѣе.	Общее число случаевъ.
Легкій сонъ . . .	4	52	17	73
Глубокій сонъ . . .	1	64	15	80
Сомнамбулизмъ . . .	9	40	11	60

Если вмѣсто абсолютныхъ цифръ мы возьмемъ цифры пропорциональныя на 100 случаевъ, то получимъ:

Вместо таблицы А.

	Равна.	Болѣе.	Менѣе.	Общее число случаевъ.
Легкій сонъ . . .	8	18	74	100
Глубокій сонъ . . .	20	16	64	100
Сомнамбулизмъ . . .	10	29	61	100

Вместо таблицы Б.

	Равна.	Болѣе.	Менѣе.	Общее число случаевъ.
Легкій сонъ . . .	17	45	38	100
Глубокій сонъ . . .	12	50	28	100
Сомнамбулизмъ . . .	14	60	36	100

Вместо таблицы В.

	Равна.	Болѣе.	Менѣе.	Общее число слушаевъ.
Легкій сонъ . . .	5	71	24	100
Глубокій сонъ . . .	1	80	19	100
Сомнамбулизмъ . . .	15	67	18	100

Эти таблицы показываютъ, что во всѣхъ трехъ состояніяхъ сохраняются тѣ же отношенія, т. е., что динамометрическая сила меньше во время гипнотического сна, чѣмъ была до сна.

Затѣмъ, если сравнить динамометрическую силу послѣ пробужденія съ силой до сна или во время сна, то замѣчаютъ увеличеніе ея; совершенно также, какъ это было и въ общихъ результатахъ. Но эти отношенія не сохраняются въ тѣхъ же пропорціяхъ, какъ это видно изъ таблицъ.

Самое замѣчательное явленіе то, что по мѣрѣ того, какъ сонъ дѣлается болѣе глубокимъ, уменьшается число слушаевъ, когда сила во время сна ослабляется.

Затѣмъ, я замѣтилъ, что при помощи внущенія можно увеличить динамометрическую силу нѣкоторыхъ сомнамбуль, но это усиленіе происходитъ, по крайней мѣрѣ, при немедленномъ измѣреніи, въ гораздо меньшей пропорціи, чѣмъ можно было ожидать *à priori*; съ другой стороны, я часто наблюдалъ медленное и постепенное увеличеніе силы. Такъ, одна малокровная молодая девушка, которая вначалѣ давала на динамометрѣ только 11, достигла, послѣ мѣсяца почти ежедневныхъ гипнотическихъ сеансовъ, до 37 — 38 и даже до 40. Правда, что при этомъ малокровіе почти что исчезло.

VII. Изслѣдованіе остроты слуха.

Для изслѣдованія остроты слуха я пользовался приборомъ Дюбуа-Реймона. Индуктирующая катушка была соединена съ телеваническимъ столбомъ, а катушка индуцируемая съ телефономъ, который прикладывался испытуемымъ субъектомъ къ своему уху. Если поднести телефонъ къ уху въ моментъ образования тока (индуктивный ударъ замыканія), то не услышатъ ничего; въ моментъ же прекращенія тока (индуктивный ударъ размыканія) въ телефонѣ слышно слабое, отрывистое щелканіе, которое чѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе индуцируемая катушка придвигнута къ индуктирующей; по мѣрѣ удаленія индуцируемой катушки щелканіе это ослабляется и,

наконецъ, перестаетъ быть слышнымъ, когда катушка удалена на известное разстояніе, которое измѣняется, смотря по остротѣ слуха испытуемыхъ людей. Такимъ образомъ, получается очень чувствительный и совершенно точный аудіометръ. Сверхъ того, этотъ приборъ гарантируетъ отъ притворства испытуемыхъ субъектовъ, ибо они не могутъ знать, когда цѣпь замыкается и когда размыкается.

Помощникъ постоянно измѣняетъ разстояніе между катушками, чтобы определить остроту слуха у субъекта; этотъ послѣдний помѣщается такимъ образомъ, что ему не видно ни движений экспериментатора, ни движений его помощника.

Приборъ Дюбуа-Реймона, которымъ я пользовался, раздѣленъ на сантиметры отъ 0 до 40; 0 соотвѣтствуетъ наименьшей интенсивности тока (и наибольшему разстоянію между катушками), 40 соотвѣтствуетъ полному сближенію катушекъ и, следовательно, наибольшей интенсивности индуцированного тока. Поэтому, цифры, которые будутъ даны ниже, будутъ выражать интенсивность индуцированного тока, и, следовательно, интенсивность звука; послѣднее съ некоторою оговоркой, относительно которой могу отослать читателя къ моей предыдущей работѣ¹⁾.

При помощи этихъ опытовъ я могу установить нѣсколько фактовъ, интересныхъ съ точки зрѣнія вопроса о слуховыхъ ощущеніяхъ; объ этомъ я буду говорить позднѣе; здесь я ограничусь сообщеніемъ объ опытахъ, произведенныхъ мною надъ нѣсколькими сомнамбулами.

1) M.-le A. E.—полный сомнамбулизмъ.

Сначала отыскиваю остроту ея слуха во время бодрствованія:

Правое ухо . . .	20
Лѣвое ухо. . .	25

(т. е. токъ меныше интенсивности, чѣмъ 20 и 25 не даетъ никакого слухового ощущенія; щелчекъ размыканія не слышенъ черезъ телефонъ).

Я усыпляю ее, не дѣлая ей никакого внушенія.

Правое ухо . . .	13
Лѣвое ухо. . .	13

Тогда я дѣлаю ей во время ея сна внушеніе, что у нея будетъ очень тонкій слухъ, и что она легко будетъ слышать самые слабые звуки.

¹⁾ См. замѣтку на стран. 83 моихъ *Recherches sur la forme de la contraction musculaire. (Recherches expérimentales sur les conditions de l'activit  c  brale, etc. fascicule I.)*.

Правое ухо . .	14
Лѣвое ухо . .	13

И такъ, внушеніе у нея не привело ни къ чему. Наибольшей остроты слуха она достигла во время гипнотического сна сразу и безъ внушенія.

2) M-me Л. Х.—очень хорошая сомнамбула (въ спискѣ гипнотизированныхъ см. № 17).

Во время бодрствованія:

Правое ухо . .	28
Лѣвое ухо . .	31

Усыпленная безъ внушенія:

Правое ухо . .	9
Лѣвое ухо . .	28

Усыпленная со внушеніемъ, что у нея очень тонкій слухъ:

Правое ухо . .	2
Лѣвое ухо . .	27

Пробужденная (послѣ того, какъ ей внушили во время сна, что она по пробужденію будетъ очень хорошо слышать).

Правое ухо . .	28
Лѣвое ухо . .	30

И такъ, у этой молодой женщины гипнотический сонъ безъ внушенія вызвалъ повышеніе остроты слуха для праваго уха весьма замѣтное (съ 28 на 9), а для лѣваго—весьма слабое (съ 31 на 28), и это повышеніе было еще усилено внушеніемъ, особенно для праваго уха (съ 9 на 2); но послѣ пробужденія это повышеніе остроты слуха не сохранилось.

3) M-lle Ни ... Очень хорошая сомнамбула.

Во время бодрствованія:

Правое ухо . .	13,5
Лѣвое ухо . .	16,5

Усыпленная безъ внушенія:

Правое ухо . .	6
Лѣвое ухо . .	11

Усыпленная со внушеніемъ, что у нея очень тонкій слухъ:

Правое ухо . .	4
Лѣвое ухо . .	8

Здѣсь мы находимъ тотъ же ходъ, что и въ предыдущемъ опыта: повышеніе остроты слуха во время гипнотического сна, независимо отъ всякаго внушенія, и еще большее повышеніе, когда внушеніе было сдѣлано.

У m-lle Ни.... я наблюдалъ весьма интересное явленіе, которое я думаю разсмотрѣть позднѣе, но о которомъ я скажу здѣсь нѣсколько словъ.

Извѣстно явленіе скрытаго суммированія: электрическія раздраженія, которыя въ одиночку не производятъ никакого дѣйствія, могутъ вызвать сокращеніе мускула, когда быстро слѣдуютъ другъ за другомъ. У м-ле Ни... я наблюдалъ явленіе того же порядка, которое я назову чувственнымъ скрытымъ суммированіемъ; такъ, напр., оставляя индуцируемую катушку на томъ же мѣстѣ, слѣдовательно, не измѣнія силы удара размыканія, замѣчается слѣдующее: первого удара она не слышитъ, второго также не слышитъ, а третій уже слышитъ.

4) M-ле L.—Эта особа дошла до сомнамбулизма только въ послѣднее время. Во времена первыхъ сеансовъ она впадала только въ легкій сонъ и слышала все, что говорилось вокругъ нея; а послѣ довольно значительного числа сеансовъ она дошла до глубокаго сна, т. е. слышала только своего усыпителя; только за нѣсколько дній (опытъ былъ произведенъ 24-го іюля 1885 года) она дошла до сомнамбулизма; ей можно было внушать съ успѣхомъ дѣйствія и галлюцинаціи.

Во времія бодрствованія:

Правое ухо . . .	9,5
Лѣвое ухо . . .	9

Усыпленная безъ внушенія:

Правое ухо . . .	23
Лѣвое ухо . . .	23

Усыпленная со внушеніемъ, что у нея будетъ очень тонкій слухъ:

Правое ухо . . .	20
Лѣвое ухо . . .	15

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ пониженіе остроты слуха во времія гипнотического сна; это пониженіе нѣсколько уменьшается вслѣдствіе внушенія, но даже и тогда острота слуха остается ниже той, которою субъектъ обладаетъ въ нормальномъ состояніи. Это явленіе слѣдуетъ сблизить съ тѣми фактами, которые я наблюдалъ при динамометрическихъ изслѣдованіяхъ, о чёмъ я говорилъ выше. Впрочемъ, нужно замѣтить, что сомнамбулизмъ у м-ле L. появился только за нѣсколько сеансовъ и что, слѣдовательно, онъ былъ далеко менѣе совершеннымъ, чѣмъ у предыдущихъ субъектовъ.

VIII. Изслѣданіе времени реаціи на слуховые ощущенія.

Не буду описывать здѣсь подробностей производства опыта. Ихъ я уже описалъ въ моей работѣ о времени реа-

*ции на обонятельные ощущения*¹). Время реакции есть периодъ, протекающій между мгновеніемъ производства звука и мгновеніемъ, когда субъектъ отвѣчаетъ на слуховое впечатлѣніе движениемъ пальца. Нижеслѣдующія цифры выражаютъ тысячинныя части секунды.

1) M-me A. E. (14 іюня 1885 г.).

Во время бодрствованія время реакціи=300 (наибольшее: 320, наименьшее: 281).

Усыпленная безъ внушенія: 259 (наибольшее: 280, наименьшее: 223).

Усыпленная со внушеніемъ реагировать очень быстро: 273 (наибольшее: 327, наименьшее: 220).

У этого субъекта подобные тонкіе опыты весьма затруднительны, вслѣдствіе нѣкоторой психической вялости, часто появляющейся во время гипнотического сна. Однако, общій ходъ явлений напоминаетъ тотъ, который мы видѣли при изслѣдованії остроты слуха.

2) M-me H. A. Очень хорошая сомнамбула (14-го іюня 1885 года).

Во время бодрствованія: 343 (наибольшее: 470, наименьшее: 193).

Усыпленная безъ внушенія: 285 (наибольшее: 378, наименьшее: 210).

Усыпленная со внушеніемъ реагировать очень быстро: 235 (наибольшее: 298, наименьшее: 113).

Здѣсь внущеніе обусловило уменьшеніе времени реакціи, причемъ это уменьшеніе, хотя и въ меньшей степени, было замѣтно во время гипнотического сна и помимо всякаго внушенія.

3) M-me L. X (21-го іюля 1885 года).

Во время бодрствованія: 260 (наибольшее: 352, наименьшее: 170).

Усыпленная безъ внушенія: 204 (наибольшее: 264, наименьшее: 167).

Усыпленная со внушеніемъ реагировать очень быстро: 178 (наибольшее: 260, наименьшее: 152).

Послѣ пробужденія (причемъ во время сна я внушилъ ей, что послѣ пробужденія она будетъ реагировать очень быстро): 161 (наибольшее: 224, наименьшее: 130).

Въ этомъ опытѣ замѣтно явственное ускореніе времени реакціи во время гипнотического сна,—ускореніе, которое

¹⁾ Recherches expérimentales sur les conditions de l'activité cérébrale; fascicule I. p. 64.

еще более усиливается при помощи внушения и сохраняется послѣ пробужденія.

4) M-lle Ни... (23-го іюля 1885 года).

Во время бодрствованія: 283 (наибольшее: 335, наименьшее: 178).

Усыпленная безъ внушенія: 329 (наибольшее: 370, наименьшее: 298).

Усыпленная со внушениемъ реагировать очень быстро: 181 (наибольшее: 260, наименьшее: 146).

Послѣ пробужденія (причемъ во время сна я внушилъ ей, что послѣ пробужденія она будетъ реагировать очень быстро): 168 (наибольшее: 172, наименьшее: 149).

Здѣсь ускореніе воспослѣдовало только послѣ внушенія и сохранилось, несмотря на пробужденіе; во время же гипнотического сна безъ внушенія произошло, наоборотъ, замедленіе.

5) M-lle L. а) Первый рядъ опытовъ (4-го іюля 1885 г.).

Во время бодрствованія: 186 (наибольшее: 261, наименьшее: 120).

Усыпленная со внушениемъ реагировать очень быстро: 185 (наибольшее: 265, наименьшее: 131).

Пробужденная послѣ внушенія реагировать очень быстро: 176 (наибольшее: 232, наименьшее 131).

б) Второй рядъ опытовъ (22-го іюля 1885 года).

Во время бодрствованія: 228 (наибольшее: 315, наименьшее: 150).

Усыпленная безъ внушенія: 266 (наибольшее: 340, наименьшее: 198).

Усыпленная со внушениемъ реагировать очень быстро: 194 (наибольшее: 390, наименьшее: 114).

Пробужденная безъ внушенія: 242 (наибольшее: 320, наименьшее: 192).

Вліяніе внушенія здѣсь гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ у m-me L. X. и m-lle H...; однако, оно, все таки, обнаруживается, особенно во второмъ рядѣ опытовъ. Нужно еще замѣтить, что разница между наибольшими и наименьшими цифрами здѣсь значительна, чѣмъ у двухъ вышеупомянутыхъ сонамбулъ.

Сверхъ того, нужно принять во вниманіе, что второй рядъ опытовъ былъ произведенъ тогда, когда m-lle L. сдѣлалась уже сонамбулой и была воспріимчива ко внушенію, тогда какъ во время первого ряда опытовъ она находилась подъ гораздо меньшимъ вліяніемъ гипноза; она еще слышала во время сна все, что говорили вокругъ нея.

IX. Изслѣдованіе времени реакціи на осязательныя ощущенія.

Для этихъ опытовъ употреблялись тѣ же, уже описанные, пріемы. Опыты съ осязательными ощущеніями производились надъ тремя сомнамбулами: м-ре L. X., м-ре Ни... и м-ре L.

1) М-ре L. X. Осязательное раздраженіе (простое прикосновеніе) имѣло мѣсто на тыльной поверхности второй фаланги среднаго пальца лѣвой руки (21-го іюля 1885 г.):

Во время бодрствованія: 176 (наибольшее: 212, наименьшее: 150).

Усыпленная безъ внушенія: 209 (наибольшее: 364, наименьшее: 151).

Усыпленная со внушеніемъ реагировать очень быстро: 161 (наибольшее: 202, наименьшее: 137).

Пробужденная (во время сна ей было сдѣлано внушеніе, что послѣ пробужденія она будетъ реагировать очень быстро): 142 (наибольшее: 163, наименьшее: 122).

Изъ этого видно, что вліяніе внушенія очень явственно, что оно значительно сократило время реакціи. Видно также, что время реакціи при гипнотическомъ снѣ безъ внушенія болѣе велико, чѣмъ при бодрствованіи.

2) М-ре Ни... (23-го іюля 1885 года). Тѣ же пріемы, что и въ предыдущемъ опытахъ.

Во время бодрствованія: 164 (наибольшее: 210: наименьшее: 127).

Усыпленная безъ внушенія: 245 (наибольшее: 279, наименьшее: 210).

Усыпленная со внушеніемъ реагировать очень быстро: 169 (наибольшее: 205, наименьшее 150).

Послѣ пробужденія (во время сна ей было сдѣлано внушеніе реагировать очень быстро): 157 (наибольшее: 173, наименьшее: 102).

Вліяніе внушенія было здѣсь замѣтнѣе послѣ пробужденія, чѣмъ во время сна. Замедленіе во время сна безъ внушенія очень замѣтно.

3) М-ре L. Такъ какъ эта особа страдаетъ артритомъ праваго запястно-лучеваго сочлененія (см. списокъ № 18), то осязательные раздраженія производились на тыльной сторонѣ праваго предплечья, а сигналъ подавался большими пальцемъ лѣвой руки.

а) Первый рядъ опытовъ (4-го іюля 1885 года).

Во время бодрствованія: 238 (наибольшее: 360, наименьшее: 125).

Усыпленная безъ внушенія: 275 (наибольшее: 370, наименьшее: 182).

б) Второй рядъ опытовъ (22-го іюля 1885 года).

Во время бодрствованія: 261 (наибольшее: 348, наименьшее: 198).

Усыпленная безъ внушеній: 243 (наибольшее: 295, наименьшее: 197).

Усыпленная со внушеніемъ реагировать очень быстро: 216 (наибольшее: 380, наименьшее: 150).

Во время сомнамбулическаго бодрствованія: 347 (наибольшее: 398, наименьшее: 237).

Во время производства послѣдней части опытовъ 22-го іюля 1885 года она находилась въ состояніи, которое я назову *состояніемъ сомнамбулическаго бодрствованія* и которое я опишу ниже¹). Какъ видно, въ этомъ состояніи произошло значительное замедленіе времени реакціи. Есть-ли это постоянное явленіе?

Я не берусь ничего утверждать, ибо я только однажды производилъ опытъ при подобныхъ условіяхъ; я надѣюсь позднѣе изучить подробно съ физиологической точки зрѣнія это интересное состояніе, которое ниже я буду изучать съ точки зрѣнія психологической.

Говоря вообще, опыты послѣднихъ трехъ категорій недостаточно многочисленны, чтобы выводить изъ нихъ положительныхъ заключеній. Существуетъ, однако, одинъ пунктъ, относительно которого не можетъ существовать сомнѣнія, а именно, что посредствомъ гипнотического внушенія можно увеличить остроту слуха и ускорить время реакцій на слуховые и осязательные ощущенія.

Съ другой стороны, эти факты (которые неопровергимо доказываются употребленными мною пріемами) говорятъ въ пользу дѣйствительности сомнамбулическихъ явленій и исключаютъ всякую мысль о притворствѣ.

Я ограничиваюсь пока этимъ рядомъ опытовъ. Впослѣдствіи надѣюсь продолжить ихъ и заняться новыми; поле изслѣдованій, которое открывается передъ экспериментаторомъ, до такой степени обширно, что вопросовъ для изслѣдованія всегда будетъ въ изобилии; ибо здѣсь идетъ дѣло, ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы разсмотрѣть всѣ отправленія организма во время гипноза, сравнивая ихъ съ отправленіями нормального человѣка, не говоря уже о томъ, что когда явленія искусственного сомнамбулизма бу-

¹) См. психологическую часть этого сочиненія.

дуть изучены болѣе глубоко, то могутъ возникнуть, и непремѣнно возникнутъ, совершенно новые вопросы.

Нужно, чтобы вопросъ о гипнотизмѣ вышелъ изъ области чудеснаго и вошелъ въ научную область; нужно, чтобы магнитизаторы и бѣснующіеся уступили място врачамъ и физиологамъ; этотъ вопросъ долженъ изучаться въ клиникахъ и лабораторіяхъ, со всѣми вспомогательными средствами, которыми мы теперь обладаемъ, со всѣми тонкими пріемами экспериментального метода.

Это я и пытался сдѣлать въ физиологической части настоящаго труда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Психологическое изслѣдованіе гипнотизма.

Эта часть¹⁾ моего труда выполнена съ двухъ точекъ зреинія и представляетъ двойной характеръ. Сначала и прежде всего, это — изслѣдование психологическихъ явлений гипнотизма; но затѣмъ это также попытка психологического эксперимента при помощи гипнотического метода, и этою своею стороной, она, быть можетъ, представляетъ нечто новое.

Я постараюсь показать на многихъ примѣрахъ, что посредствомъ гипнотическихъ пріемовъ можно производить настоящую *живисекцію*²⁾ души (пусть только читатель не путается особенно этого выраженія), можно наблюдать отправленія душевного механизма и даже заставлять этотъ механизмъ дѣйствовать передъ своими глазами, подобно тому, какъ физиологъ наблюдаетъ и заставляетъ дѣйствовать передъ своими глазами тѣлесный механизмъ.

Внутреннее самонаблюденіе (единственный методъ, превозносимый прежде) не дало ничего того, чего отъ него ожидали, и весь геній людей, занимавшихся подобными изслѣдованіями, не могъ превозмочь несовершенства метода. Въ самомъ дѣлѣ, еще не сколько лѣтъ тому назадъ, мы находились или, по крайней мѣрѣ, почти находились на уровнѣ трактата о душѣ Аристотеля³⁾.

¹⁾ Она была напечатана почти цѣликомъ въ „Revue philos.“ (1885, июль—августъ).

²⁾ Живосѣченіе.

³⁾ По поводу этого смотр. замѣтку Е. Beaussire'a: „L'observation interne et l'observation externe en psychologie“, напечатанную въ Rev. Phil. 1885 сентябрь. См. также *Приложеніе* въ концѣ этой книги.

Новѣйшій изслѣдованія въ области физиологической психологии, прогрессъ физиологии мозга и нервовъ, изученіе нѣкоторыхъ формъ помѣшательства, знаніе болѣзней памяти и воли, анализъ психическихъ явлений у животныхъ, наблюденія надъ умственнымъ развитіемъ ребенка и развитіемъ всего человѣчества — все это сверху до низу передѣлало старую классическую психологію.

Но, все-таки, еще не доставало пріема, дозволяющаго дѣлать прямые опыты въ области психическихъ явлений и именно этотъ то пріемъ дается намъ въ настоящее время искусственнымъ сомнамбулизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ увидѣть ниже, гипнотизмъ является настоящимъ методомъ экспериментальной психологіи; онъ будетъ имѣть для философа то же значеніе, какое вивисекція имѣетъ для физиолога.

Дѣло не обойдется безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Философы, конечно, будутъ сопротивляться введенію гипнотизма въ психологію, такъ же какъ врачи будутъ отвергать его примѣненіе въ терапіи, а юристы — его роль на судѣ. Но этого нечего бояться: въ концѣ-концовъ, всякое подобное сопротивленіе уступить передъ несокрушимымъ напоромъ фактovъ.

Я не возвращусь къ вопросу о притворствѣ. Я отошлю читателя къ тому, что сказано было относительно этого вопроса гг. Шарлемъ Рише, Бернгеймомъ, Льежуа и многими другими. Наконецъ, физиологическая явленія, о которыхъ я говорилъ въ первой части этого труда, заранѣе отвѣчаютъ на возраженія, которыхъ могли бы быть сдѣланы по этому поводу¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о притворствѣ есть одинъ изъ важѣйшихъ вопросовъ гипнотизма. Въ самомъ дѣлѣ, люди, не вѣрящіе въ дѣйствительность гипнотическихъ явлений, всегда могутъ спросить своихъ противниковъ: какія доказательства можете вы представить тому, что вѣсь не обманываетъ, что тѣ явленія, которыя вы наблюдаете у загипнотизованныхъ субъектовъ, не суть результатъ притворства? Въ подтвержденіе своего сомнѣнія, они могутъ указать на такие факты, какъ случай съ Гюбліе, котораго его сомнамбула Эмилья систематически обманывала втечение четырехъ лѣтъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, экспериментаторы тщательно занимались отысканіемъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ всегда можно было бы отличить дѣйствительные явленія отъ притворныхъ. Безспорно, тѣ пріемы, о которыхъ Бони говорилъ въ первой части этого сочиненія, имѣютъ огромное значеніе; но существуютъ еще и другіе пріемы, съ которыми я отчасти познакомлю читателя.

Шарко употреблялъ слѣдующій пріемъ: онъ приводилъ субъекта въ состояніе кататезиса; известно, что въ этомъ состояніи субъектъ сохраняетъ то положеніе, которое ему придается экспериментаторомъ: если, напр., вытянуть ему руку, то она такъ и останется протянута втечение довольно значительного времени (до 15 минутъ). Основываясь на этомъ фактѣ, Шарко

I. Состояніе памяти при искусственномъ сомнамбулизмѣ.

Вопросъ о состояніи *памяти* при искусственномъ сомнамбулизмѣ представляетъ особенный интересъ; онъ господствуетъ надъ всѣми явленіями, и имъ я начну это психологическое изслѣдованіе.

вытаскивалъ руку своего каталептика и наблюдалъ, не будетъ ли она дрожать; на кисти руки помѣщался самопишущій приборъ, который отмѣтилъ бы малѣйшее дрожаніе руки, а именно: если рука совершенно не дрожитъ, то на барабанѣ отмѣчается прямая линія, но какъ только рука начинаетъ хотя немного дрожать, сейчасъ же прямая линія превращается въ ломаную. Линія, начертанная при подобныхъ условіяхъ, была совершенно прямою. Сильный человѣкъ могъ бы притворно держать четверть часа руку вытянутую, но рука его дрожала бы, и на рисунѣ получилась бы ломаная линія. Одновременно съ этимъ получалась и кривая дыханія, которая у каталептика была совершенно правильной, тогда какъ у человѣка, притворно державшаго руку вытянутую, эта кривая дыханія была весьма неправильной.

Подобный опытъ доказываетъ неопровергимо, что данный субъектъ дѣйствительно загипнотизованъ; поэтому, пока дѣло идетъ о физическихъ явленіяхъ гипноза, экспериментаторъ можетъ быть увѣренъ, что его не обманываютъ. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ, когда вопросъ идетъ о чисто психическихъ явленіяхъ: для доказательства ихъ реальности недостаточно удостовѣриться, что субъектъ дѣйствительно загипнотизованъ; ибо, какъ показалъ Питръ, и *усыпленные субъекты могутъ обманывать*.

Бине и Фере совершенно справедливо замѣчаютъ, что единственное и вполнѣ вѣрное средство гарантировать себя отъ притворства, это—опытъ: не слѣдуетъ *пассивно наблюдать*, слѣдуетъ *экспериментировать*. Экспериментаторъ, хорошо знающій физику, физиологію и патологію, можетъ подвергнуть испытуемаго субъекта (въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомаго съ этими науками) такимъ сложнымъ и искусно скомбинированнымъ опыта, что всякое притворство стѣсняется невозможнымъ.

Таковы, напр., опыты Бине и Фере съ призмой. Во-первыхъ, свойства этого оптическаго инструмента совершенно неизвѣстны громадному большинству экспериментируемыхъ; во-вторыхъ, экспериментаторы замаскировывали эту призму такъ, что субъектъ не замѣчаетъ ее и, во всякомъ случаѣ, не могъ судить, какое положеніе было придано этой призмѣ. Основою опыта служило слѣдующее. Доказано, что при галлюцинаціяхъ предметы, представляющіеся индивиду, относятся къ призмѣ такъ же, какъ и дѣйствительные предметы. Т. е., смотря на нихъ透过 призму, галлюцинирующій замѣчаетъ, что форма и положеніе ихъ измѣняются; они измѣняются, отклоняются, удваиваются и т. п. смотря по тому или иному положенію призмы.

Теперь, загипнотизированному субъекту внушается какая-либо галлюцинація; положимъ, ему говорять, что онъ видѣть собаку, и онъ дѣйствительно утверждаетъ, что видѣть ее; для того, чтобы убѣдиться, что это не притворство, что галлюцинація дѣйствительно образовалась, стоитъ только предложить субъекту взглянуть на предметъ черезъ призму (для большей вѣрности замаскированную) и спросить его, что онъ видѣть. Если онъ не притворяется, то онъ укажетъ на такія измѣненія въ объектѣ галлюцинаціи, которыхъ дѣйствительно должны произойти при данномъ положеніи призмы.

Существуютъ еще и другие весьма интересные приемы для обнаруживания притворства; изъ нихъ я упомяну только о магнитѣ. Магнитъ обладаетъ весьма замѣчательными свойствами *переноса и поляризации*. Если внушиить субъекту какая-нибудь односторонній галлюцинаціи (напр., видѣть воображаемый предметъ только правымъ глазомъ, или слышать воображаемые звуки только лѣвымъ ухомъ), дѣйствія или состоянія, и если послѣ этого приблизить къ субъекту магнитъ, то эти галлюцинаціи, дѣйствія или со-

Характерный фактъ, удостовѣренный почти всѣми, занимавшимися этимъ вопросомъ, заключается въ томъ, что загипнотизованный, послѣ своего пробужденія, не помнитъ ничего, что произошло во время его гипнотического сна; но, будучи вновь усыпленъ, онъ отлично припоминаетъ всѣ дѣйствія и движения своихъ предыдущихъ сновъ. Всѣ субъекты, кото-

стоянія перенесутся съ одной стороны тѣла на другую (справа налево, и обратно). Такъ, внушилъ субъекту, что онъ будетъ видѣть предметъ галлюцинаціи только правымъ глазомъ, и это дѣйствительно случится: лѣвымъ глазомъ онъ вовсе не будетъ видѣть воображаемаго предмета. Но приблизьте къ нему магнитъ, и дѣло измѣнится: субъектъ будетъ видѣть воображаемый предметъ только лѣвымъ глазомъ, правый же глазъ избавится отъ галлюцинаціи. Это—явление *переноса* галлюцинаціи. Положимъ еще, вы дали субъекту, находящемуся въ каталепсіи, слѣдующее положеніе: лѣвая рука его лежитъ спокойно на столѣ, а правая поднята вверхъ, и ея пальцами придано какое-нибудь особое положеніе (напр., положеніе, которое принимаютъ пальцы руки, указывающей на что-нибудь); такъ какъ субъектъ находится въ каталепсіи, то онъ неизмѣнно сохраняетъ эту позу. Но приблизьте къ нему магнитъ, и его правая рука начнетъ опускаться и лежать, наконецъ, на столѣ въ той же свободной позѣ, въ какой лежала лѣвая рука, тогда какъ эта послѣдняя поднимется вверхъ и приметъ такое же положеніе, какое имѣла правая рука. Здѣсь опять совершился *перенос*.

Если же вызвана обоюдосторонняя галлюцинація, то магнитъ производить *поларизацію*. Бине и Фере описываютъ, напр., такой опытъ. Загипнотизованной особѣ было внушено, что она видѣтъ птицу, и она, конечно, ее увидѣла, но стоило приблизить магнитъ, и она переставала видѣть эту минимую птицу. Если вы внушилъ субъекту, что онъ не знаетъ своего имени, то онъ его забудетъ; но приблизьте магнитъ, и онъ его вспомнитъ: удалите магнитъ—субъектъ опять забудетъ свое имя. Если вы внушилъ загипнотизованному человѣку, что онъ не будетъ видѣть кого-нибудь, онъ перестанетъ его видѣть, но магнитъ возвратитъ ему способность видѣть этого человѣка; съ удаленіемъ же магнита субъектъ вновь потеряетъ способность его видѣть.

Пользуясь этими свойствами магнита, легко удостовѣриться въ отсутствіи обмана; легко приблизить и удалить магнитъ такъ, чтобы субъектъ этого не замѣтилъ; легко замаскировать магнитъ. Поэтому, обманъ человѣка, который захотѣлъ бы притворно воспроизвести явленія переноса и поларизацій, очень легко обнаружить, не говоря уже о томъ, что большинство испытуемыхъ вовсе и не знаютъ объ этихъ свойствахъ магнита.

Упомяну еще о любопытныхъ опытахъ, произведенныхъ Феррари, Герикуромъ и Ш. Рише. Эти изслѣдователи примѣнили гипнозъ къ графологическимъ изслѣдованіямъ. Что у всякаго человѣка свой особенный почеркъ—это извѣстно всякому, но, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, что существуетъ попытка изслѣдоватъ по почерку индивидуальность человѣка; однимъ словомъ, существуетъ графология, которая, правда, находится въ младенческомъ состояніи (о графологии см. нашу небольшую замѣтку въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1886, № 1, по поводу статьи Герикура въ Revue. Philos. 1885, № 11). Феррари, Герикуръ и Ш. Рише внушили загипнотизированнымъ субъектамъ разныя эмоциональныя состоянія и тогда заставляли ихъ писать. Почеркъ этихъ людей сильно измѣнялся (что уже одно доказываетъ дѣйствительное присутствіе этихъ эмоцій) и, нужно прибавить, измѣнялся такъ, что эти измѣненія согласовались съ общими положеніями графологии.

Бине и Фере указываютъ еще на одно затрудненіе. Встрѣчаются люди, которые произвольно могутъ вызывать явленія, почти ничѣмъ не отличающіяся отъ явленій, вызванныхъ внушеніемъ. Но здѣсь слѣдуетъ обращать вниманіе на слѣдующее важное обстоятельство: произвольная галлюцинація

рыхъ я наблюдалъ, представляли подобныя явленія, если только сонъ былъ достаточно глубокъ¹⁾.

Повидимому, существуетъ нѣчто вродѣ раздвоенія памяти и сознанія; какъ бы существуетъ, съ одной стороны, обыкновенная, нормальная жизнь съ ея естественнымъ сномъ и естественнымъ бодрствованіемъ, а съ другой—жизнь сомнамбулическая, составленная единственno изъ ряда гипнотическихъ сновъ. Нужно, однако, замѣтить, что между этими двумя жизнями не существуетъ абсолютного раздѣленія, ибо загипнотизованные субъекты не только припоминаютъ все, что произошло во время ихъ гипнотического сна, но еще и все то, что случилось во время ихъ бодрствованія и во время ихъ естественного сна, напримѣръ, они вспоминаютъ свои сновидѣнія. Мало этого, какъ читатель увидитъ, память событий, происшедшихъ во время бодрствованія субъекта, бываетъ болѣе точною во время искусственнаго сна.

Это забвеніе событий, происшедшихъ во время гипнотического сна, обыкновенно, встрѣчается также и при естественномъ сомнамбулизмѣ, съ которымъ искусственный сомнамбулизмъ имѣетъ столько точекъ соприкосновенія; но это забвеніе не абсолютно. Стоитъ только внушить это загипнотизированному субъекту, и онъ припомнить послѣ пробужденія все, что онъ слышалъ, дѣлалъ и говорилъ во время своего сна; но совершенно необходимо, чтобы ему это было внушено. Самъ по себѣ, не смотря на всѣ свои усилия, онъ былъ бы не способенъ вызвать эти воспоминанія; необходимо, чтобы чужая рука привела въ движение механизмъ памяти.

отличается отъ галлюцинаціи внушеної тѣмъ, что требуетъ для своего осуществленія отъ двадцати секундъ до минуты, тогда какъ галлюцинація внущенная появляется почти мгновенно.

II. M.

¹⁾ Однако, я нахожу у Брэда противоположное утвержденіе. На 46 страницѣ своей *Neuhyponologie* (франц. перев. Жюля Симона) онъ говоритъ слѣдующее: "Говорить, что хотя естественные сомнамбулы не могутъ припомнить послѣ своего пробужденія ничего, что онъ дѣлали во время сна, но что онъ имѣютъ живое воспоминаніе всего этого, какъ только онъ вновь засыпаютъ, я ничего подобнаго не наблюдалъ при сомнамбулизмѣ, вызванномъ гипнотизацией". Правда, въ *Добавочной главѣ*, написанной въ 1860 г., я нахожу слѣдующее мѣсто, согласующееся съ фактами, которые я наблюдалъ: "Назовутъ гипнотизмъ вызываніе искусственнаго сна, когда существуетъ потеря памяти такого рода, что послѣ пробужденія пациентъ не имѣть ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что произошло во время сна, и, однако, помнить все это, лишь только онъ вновь погруженъ въ ту же степень гипнотизма" (р. 245). Противорѣчие между этими двумя мѣстами очевидно. Зависитъ ли это отъ ошибки переводчика, или Брэдъ просто перемѣнилъ мнѣніе, изучивши вопросъ ближе? Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что только второе утвержденіе соответствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ и только оно должно быть принято.

Нѣкоторые наблюдатели, однако, замѣтили присутствіе неяснаго и неопределеннаго воспоминанія; Гайденгенъ упоминаетъ объ одномъ подобномъ примѣрѣ¹⁾. Какъ замѣчаетъ Ладамъ²⁾, вѣроятно, въ этомъ отношеніи существуютъ индивидуальные измѣненія, смотря по субъектамъ; однако, что касается меня, то каждый разъ, какъ только сонъ былъ достаточно глубокъ (а этого всегда можно было достигнуть у моихъ субъектовъ), я постоянно замѣчалъ, что послѣ пробужденія воспоминаніе о случившемся совершенно исчезало.

Если посредствомъ внушенія можно вызвать воспоминанія, то при содѣйствіи того же приема можно также уничтожить память всего того, что произошло во время гипнотического сна, и уничтожить такимъ образомъ, чтобы субъектъ не могъ о немъ вспомнить, даже будучи вновь усыпленъ. Безполезно останавливаться долѣе на этомъ явленіи, дѣйствительность котораго вѣдь сомнѣнія и послѣдствія котораго легко предвидѣть.

И такъ, слѣдующіе законы управляютъ гипнотической памятью:

1) Воспоминаніе о различныхъ состояніяхъ сознанія (ощущенія, дѣйствія, мысли и т. п.) искусственнаго сна уничтожается при пробужденіи, но, посредствомъ внушенія, это воспоминаніе можетъ быть оживлено на короткій періодъ или же на неопределенно долгое время.

2) Воспоминаніе о различныхъ состояніяхъ сознанія искусственного сна возстановляется при гипнотическомъ снѣ; но, посредствомъ внушенія, это воспоминаніе можетъ быть уничтожено на короткій періодъ или же на неопределенно долгое время.

3) Воспоминаніе о различныхъ состояніяхъ сознанія бодрствованія и естественнаго сна сохраняется при гипнотическомъ снѣ; но, посредствомъ внушенія, это воспоминаніе можетъ быть уничтожено на короткій періодъ или же на неопределенно долгое время.

Одно слово по поводу послѣдняго случая. Выше я сказалъ, что это воспоминаніе событий нормальной жизни во время гипнотического сна бываетъ болѣе точно и болѣе ясно, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Достаточно дать одинъ примѣръ этого.

¹⁾ Гайденгенъ усыпалъ своего брата и прочиталъ ему по гречески стихъ изъ Гомера; послѣ пробужденія братъ Гайденгена ничего не помнилъ; но стоило Гайденгену сказать: "Гомеръ. Бѣгство" (стихъ взять изъ описанія бѣгства) и братъ его вспомнилъ весь стихъ слово въ слово. *П. М.*

²⁾ *Ladame, la Névrose hypnotique. Neuchatel, 1881.*

M-lle A. E. имѣла въ началѣ своего лѣченія гипнотиз-
момъ непобѣдимое отвращеніе къ нѣкоторымъ видамъ пищи,
въ частности къ мясу и вину. Чтобы удостовѣриться, слѣ-
дуетъ ли она предписаніямъ, даннымъ ей относительно пищи.
мнѣ не разъ приходилось спрашивать ее, что она ъла вчера
или позавчера. По большей части, она не помнила этого
или помнила весьма не полно. Но стоило только ее усыпить,
и она перечисляла точно все, что она ъла. не забывая са-
мой мелкой ъды, и это она дѣлала съ массою подробностей,
на которыхъ, обыкновенно, почти не обращаютъ вниманія
при ъдѣ. Послѣ ея пробужденія, я перечислялъ ей все, что
она ъла отъ начала до конца, и она бывала очень удивлена,
увидѣвшіи, что я узналъ такія подробности.

Явленія, о которыхъ я только что говорилъ, весьма из-
вѣстны и, какъ я уже сказалъ выше, большинство гипноти-
заторовъ наблюдали ихъ уже.

Но существуютъ другія, болѣе любопытныя, на которыхъ
до сихъ поръ еще не обращали вниманія.

Для примѣра я выберу нѣсколько наблюдений, которыхъ
лучше вскихъ объясненій дадутъ понятіе о явленіи.

M-lle A. E. усыплена въ физиологической лабораторіи фа-
культета, куда я просилъ ее прійти, желая получить нѣко-
торые вривы во время гипнотического сна.

Во время ея сна, я внушилъ ей, что послѣ пробужденія
она увидитъ г. X. (который присутствовалъ при этомъ)
съ серебрянымъ носомъ длиною въ 10 дюймовъ и что это
покажется ей очень смѣшнымъ. Послѣ пробужденія она смот-
ритъ на г. X. и начинаетъ хохотать.

— Въ чёмъ дѣло?
— Видите вы, нось-то!
— Это внушеніе, которое я вамъ сдѣлалъ; этого ничего
нетъ.

— Но я его отлично вижу.
— Хорошо! я уничтожу это внушеніе.
И я уничтожаю внушеніе простымъ утвержденіемъ.
— Посмотрите хорошенько: г. X. не имѣетъ болѣе се-
ребрянаго носа; онъ какъ всѣ люди. Посмотрите.

— Въ самомъ дѣлѣ.
И сейчасъ же послѣ этого я ее спрашиваю:
— Помните ли, вы только что видѣли г. X. съ серебря-
нымъ носомъ?
— Нѣтъ, онъ всегда былъ таковъ, какимъ я теперь его
вижу.

Воспоминаніе о внушенній галлюцинації исчезло почти мгновенно.

Относительно дѣйствій тотъ же результатъ.

М-те Н. А. усыплена фиксаціей взгляда. Во время ея сна, я внушилъ ей, что спустя три минуты послѣ пробужденія, она обниметъ дѣвочку крестьянку, которую она видѣла въ первый разъ и которая рисовала въ углу комнаты. Черезъ три минуты т-те Н. А. поднимается, обнимаетъ маленькую крестьянку, которая была крайне удивлена такою неожиданною нѣжностью, и возвращается на свое мѣсто. Немного спустя, я спрашиваю т-те Н. А.

— Что вы только что сдѣлали?

— Я? Ничего.

— Вы только что обняли дѣвочку.

— Я? Нѣтъ!

Она совершенно забыла дѣйствіе, внущенное ей во время сна и выполненное ею послѣ пробужденія.

Ниже увидать, что даже гораздо болѣе сложныя дѣйствія, требующія участія всѣхъ способностей человѣческой души, могутъ быть такимъ же образомъ забыты.

Но это еще не все. Воспоминаніе о внушеніяхъ, полученныхъ *въ состояніи бодрствования*, можетъ быть уничтожено такъ же, какъ воспоминаніе о внушеніяхъ, полученныхъ во время гипнотического сна¹⁾.

М-ле А. Е. бесѣдуетъ со мною; сегодня она не была еще усыплена и вполнѣ бодрствуетъ. Среди разговора, я зажимаю ей руку, говоря: „Вы не можете разжать руку“.—Она пытается разжать ее, но тщетно. „Разожмите же мнѣ руку, говорить она,—я не буду въ состояніи работать“. Спустя нѣкоторое время я разжимаю ей руку простымъ утверждениемъ: „Теперь вы можете разжать руку“. И она ее разжимаетъ. Немного спустя, я ее спрашиваю: „Помните ли вы, что вы не могли разжать руки?“

— Я всегда могла ее разжимать.

Другой примѣръ:

М-ле А. Е. бодрствовала и находилась при тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предыдущемъ опытѣ; я дѣлаю ей слѣдующее внушеніе: „Черезъ минуту вы увидите на вашей головѣ блѣду шляпу (на ней была шляпа гранатового цвѣта).“ Внушеніе осуществляется. Затѣмъ я его уничтожаю посредствомъ увѣренія, но съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Я говорю ей:

¹⁾ См. ниже параграфъ о внушеніяхъ во время бодрствованія.

— Теперь смотрите; на ней гранатовая шляпа.

— Нѣтъ.

— Да.

— Нѣтъ.

— Посмотрите на меня хорошенъко, говорю я ей. Я васъ уверяю, что на ней ея обыкновенная, гранатовая шляпа.

Затѣмъ я ее спрашиваю:

— Какая на ней шляпа?

— Ея гранатовая.

Минуту спустя, я ей говорю:

— Всегда-ли ваша подруга имѣла свою гранатовую шляпу?

— Конечно, да.

— Не припомните-ли вы, что вы ее видѣли въ бѣлой шляпѣ?

— Никогда.

Воспоминаніе исчезло, не смотря на сопротивленіе, которое она оказывала исчезновенію внушенія.

Что здѣсь особенно замѣчательно, это то, что забвение наступаетъ даже и тогда, когда обращаютъ специальное внимание субъекта на явленіе, которое было ему внушено въ состояніи бодрствованія.

М-ле А. Е. бодрствуетъ. Я заставляю ее вращать одну руку вокругъ другой. Я говорю ей:

— Вы не въ состояніи болѣе остановить руки:

И движение продолжается, не смотря на ея усилив.

Я ее спрашиваю:

— Вы, вѣдь, не спите?

— Конечно, не сплю.

— Вы хорошо видите всѣхъ настѣ?

— Да.

— Вы видите, что вы дѣлаете?

— Да.

— Вы видите, что вы вращаете руками?

— Да; остановите ихъ.

— Вы будете это сейчасъ помнить?

— Да.

Я останавливаю ей руки. Затѣмъ я ее спрашиваю:

— Помните ли вы, что вы только-что дѣлали?

— Что?

— Развѣ вы не помните, что вы вращали руками и что не могли ихъ остановить?

— Нѣтъ.

Но не только простыя дѣйствія и галлюцинаціи, которыя были внушены въ состояніи бодрствованія, могутъ быть за-

быты; то же самое наблюдается и съ дѣйствіями болѣе длинными и болѣе сложными.

M-lle A. E. входила въ Льбо. Едва она вошла, я говорю ей: „Черезъ минуту вы переставите эти два бюста (Тьера и Беранже), что на этажеркѣ“. Въ назначеннное мгновеніе, она выполняетъ внущенное дѣйствіе, и сейчасъ же забываетъ его. Тогда т-те H. A., которая пришла вмѣсть съ нею, говоритъ мнѣ: „О, я убѣждена, что не сдѣлала бы этого“. — „Отлично, отвѣчаль я ей,—черезъ минуту вы возьмете су изъ кармана моего жилета и положите его въ свой карманъ“. Спустя минуту, послѣ нѣкотораго колебанія, т-те H. A. поднимается, запускаетъ свою руку въ карманъ моего жилета, вытягиваетъ изъ него су и спокойно опускаетъ его въ свой карманъ. Немнога спустя я ей говорю: „Опорожните свой карманъ“. Она смотритъ на меня нѣсколько удивленно; однако, безъ всякаго замѣчанія она опоражниваетъ свой карманъ и раскладываетъ его содержимое на колѣньяхъ, находитъ су, разсматриваетъ его нѣкоторое время и кладеть въ свой портмоне. „Су не принадлежить вамъ, говорить одинъ изъ присутствующихъ,—вы только что взяли его у г. Бони“.

Она ничего не помнить и, повидимому, вовсе не убѣждена, что су не принадлежить ей.

Считаю бесполезнымъ приводить другие примѣры; этихъ достаточно, чтобы читатель составилъ себѣ понятіе объ явленіи, на которое я желаю привлечь его вниманіе.

Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспоминаніе не исчезаетъ такъ быстро, но сохраняется втеченіе нѣсколькихъ минутъ; но, за исключеніемъ случаевъ, о которыхъ скажу ниже, я всегда наблюдалъ, что воспоминаніе въ концѣ концовъ совершенно исчезаетъ.

Но что особенно замѣчательно, это то, что подобныя внушенія, сдѣянныя въ состояніи бодрствованія и такимъ образомъ забытыя, отлично вспоминаются во время гипнотического сна. Усыпленные субъекты не только помнить все, что произошло во время гипнотического сна, но еще и то, что было имъ внушено во время бодрствованія, какъ галлюцинаціи, такъ и дѣйствія.

Поэтому невозможно (и это важный выводъ изъ предыдущихъ фактovъ) отожествить это состояніе бодрствованія, когда внушенія возможны, съ обыкновеннымъ состояніемъ бодрствованія. Здѣсь мы имѣемъ особенное состояніе, состояніе совершенно исключительное и заслуживающее отдельного изученія. Этимъ изученіемъ я займусь ниже; те-

перь же я оставлю въ сторонѣ этотъ вопросъ, къ которому я скоро возвращусь.

Довольно ограниченное число субъектовъ, надъ которыми я производилъ свои наблюденія, не позволяетъ мнѣ придавать рѣшительный характеръ обобщеніямъ, которыхъ я могъ бы вывести изъ вышеописанныхъ явленій, и я не рѣшусь утверждать, что во всѣхъ случаяхъ воспоминаніе о внушеніяхъ, полученныхъ въ состояніи бодрствованія, исчезаетъ и можетъ возродиться только при гипнотическомъ снѣ; но насколько дѣло касается меня, достовѣрно, что я всегда наблюдалъ это съ тѣхъ поръ, какъ обратилъ свое вниманіе на эти явленія.

Существуютъ, однако, исключенія. Они встречаются при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Первая категорія исключеній встречается тогда, когда внушенія должны осуществиться не непосредственно, но спустя долгое время (при этомъ все равно, сдѣланы эти внушенія усыпленному или бодрствующему субъекту).

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Я говорю м-ле А. Е. (внушеніе дѣлается бодрствующему субъекту): „Сегодня послѣ обѣда вы будете спать пять минутъ каждыи часъ“. Внушеніе осуществляется, и на другой день она очень хорошо помнить, что каждый часъ на нее нападалъ сонъ и что каждый разъ она спала пять минутъ, что засвидѣтельствовала и ея подруга, работавшая въ одной комнатѣ съ нею.

Говоримъ субъекту: „Въ такой то день и часъ вы придетѣ ко мнѣ“. Онъ приходитъ въ назначенный часъ и хорошо помнить это послѣ визита.

То же можно сказать и относительно внушенныхъ сновъ.

Внушаютъ м-ле А. Е., что въ слѣдующую ночь ей придется, что она удитъ и поймала много рыбы. Сновидѣніе было таково, какъ ей сказали, и на другой день, утромъ, она хорошо помнила все, что ей снилось, и рассказала намъ подробности и приключенія рыбной ловли, которая ей была внушена.

Теперь перейду къ другой сторонѣ вопроса. Возбуждена— ли память во время искусственного сомнамбулизма?

Какъ известно, это возбужденіе памяти наблюдалось при естественномъ сомнамбулизмѣ, и я не стану приводить всѣмъ известныхъ случаевъ, какъ напримѣръ, случай той служанки священника, которая въ припадкѣ сомнамбулизма говорила на древне-еврейскомъ языкѣ

Несомнѣнно, что при гипнотическомъ снѣ это возбуждение памяти существуетъ, и я уже приводилъ примѣръ этого; читатель видѣлъ, что усыпленные субъекты съ болѣшою точностью вспоминали подробности, которыхъ они не помнили во время бодрствованія. Но нужно сказать два слова о памяти.

Въ памяти существуютъ двѣ стороны. Во-первыхъ, легкость, съ которой какое нибудь впечатлѣніе удерживается въ мозгу, и во-вторыхъ, та легкость, съ которой это уже удержанное впечатлѣніе входить въ сознаніе или, другими словами, то, что англичане называютъ *recollection* (вспоминаніе). Эта вторая способность явственно увеличена во время гипнотического сна. Что касается первой способности, я не могу сказать того же.

Для разрѣшенія этого вопроса я неоднократно дѣлалъ опыты надъ нѣкоторыми соннамбулами, особенно надъ m-me A. E., Луизой О. и m-r K. Я читалъ имъ, во время ихъ искусственного сна, рядъ цифръ или буквъ и заставлялъ повторять ихъ какъ во время сна, такъ и послѣ пробужденія, внушая имъ удержать въ памяти прочитанное, и я никогда не достигалъ результатовъ, достойныхъ упоминанія.

Состояніе памяти (удержанія впечатлѣній) этихъ субъектовъ не отличалось, по моему, отъ того, какимъ оно было во время бодрствованія.

Быть можетъ, посредствомъ упражненія и при содѣйствіи энергическихъ и повторенныхъ внушеній, можно бы достигнуть болѣе благопріятныхъ результатовъ, и я предполагаю, если встрѣчу случай, вновь заняться этими опытами; но они требуютъ много времени и терпѣнія отъ обоихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и существуетъ много препятствій тому, чтобы они продолжались съ тою последовательностью и точностью, какая необходима въ такомъ тонкомъ вопросѣ.

Но если трудно усилить память вообще, т.-е. сдѣлать такъ, чтобы субъектъ съ вялою и слабою памятью могъ легко затвердить рядъ цифръ, страницу прозы, поэтическую тираду и т. п. то, зато, весьма легко достигнуть (если такъ можно выразиться) частичнаго возбужденія памяти, обращая, при помощи внушенія, вниманіе субъекта на опредѣленный предметъ; такъ напримѣръ, можно внушить субъекту *idée fixe* какой-нибудь буквы, какого-нибудь слова, музыкального звука, такъ что онъ не будетъ въ состояніи ни говорить, ни писать, ни пѣсть иначе, какъ подъ вліяніемъ этой внушенной ему *idée fixe*.

Со временемъ изслѣдований Брэда и Дюрана де-Гро (д-ра Фи-

липса) ¹⁾ известно, съ какою легкостью можно вызвать посредствомъ внушенія частичную или общую потерю памяти; многочисленные примѣры этого находятся также въ сочиненіяхъ Ш. Рише, Бернгейма, Льежуа и другихъ.

Искусственная амнезія (потеря памяти) является однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ и наилучше изученныхъ отдѣловъ гипнотизма. Поэтому, я на ней не буду останавливаться; подобные факты слишкомъ хорошо известны. Такъ, известно, что можно заставить субъекта забыть гласные, согласные, известную гласную или известную согласную, цифры, можно воспретить ему считать до известной цифры, лишить его знанія имънъ существительныхъ, чужаго и даже своего собственного имени, заставить его забыть цѣлый періодъ своей жизни, уничтожить у него понятіе личности и даже вызвать, какъ это сдѣлалъ Льежуа, полную потерю памяти. Частичная потеря памяти можетъ распространяться какъ на самыя мелкія подробности, на самое незначительное событие, такъ и на самыя сложныя и самыя отвлеченные понятія.

Гипнотизмъ дозволяетъ воспроизводить по произволу всѣ формы разстройства рѣчи, которые были недавно такъ хорошо изучены ²⁾, и эти разстройства могутъ быть воспроизведены съ разнообразіемъ, какого клиника не знаетъ,— разнообразіемъ, которое ограничивается только волею гипнотизатора.

Если допустить, что всѣ наши воспоминанія имѣютъ условія своего существованія въ нервныхъ клѣточкахъ и въ группахъ этихъ клѣточекъ (а трудно не прійти къ этому выводу), то можно было бы сказать, что посредствомъ внушенія парализуютъ ту или иную клѣточку, ту или иную группу клѣточекъ, какъ парализуютъ мускуль или членъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о памяти, мнѣ нужно еще сказать о той *бесознательной памяти*, какъ ее называлъ Ш. Рише, благодаря которой дѣйствие, внущенное во время сна, выполняется въ назначенный гипнотизаторомъ моментъ, тогда какъ послѣ пробужденія субъектъ ничего не помнитъ. Примѣры подобныхъ внушеній на долгіе сроки можно найти въ трудахъ Ш. Рише, Бернгейма, Льежуа и друг.; я могъ бы прибавить къ нимъ и мои личныя наблюденія. Льежуа сдѣлалъ внушеніе, которое должно было осуществиться черезъ сто дней, и оно осуществилось съ математическою точ-

¹⁾ Philips' *Electro-dynamisme vital ou les relations physiologiques de l'esprit et de la mati re*. Paris. 1855. *Cours th orique et pratique de Braidisme ou hypnotisme nerveux*. Paris. 1860.

²⁾ См. Куссмауль. Разстройство рѣчи.

ностью¹⁾. „Что тутъ замѣчательно, говорить Ш. Рише,— это то абсолютное сознаніе, которое сохраняетъ воспоминаніе втеченіе даже весьма долгаго времени, хотя лицо, которое помнить, и не знаетъ, что оно помнитъ; это—скрытое воспоминаніе“.

Съ извѣстной точки зрења, то же происходитъ и въ обыкновенномъ состояніи. Пріобрѣтенныя свѣдѣнія, события, образы, идеи существуютъ въ нашемъ мозгу, и мы не имѣемъ о нихъ никакого сознанія втеченіе мѣсяцевъ, годовъ, иногда втеченіе цѣлыхъ періодовъ нашей жизни. Передъ нами произносятъ имя человѣка, котораго мы знали въ дѣтствѣ, напримѣръ, товарища по школѣ, и послѣ сорока лѣтъ это услышанное нами имя пробуждается цѣлый рядъ событий, образовъ, идей, которые дремали въ нашей памяти, которые съ тѣхъ порь никогда въ ней не возникали и, быть можетъ, никогда не возродились бы, если бы это имя не поразило нашего слуха.

Но между этой обыкновенною безсознательною памятью и безсознательною памятью загипнотизованныхъ людей существуетъ основное различіе.

Всѣ наши свѣдѣнія, всѣ наши пріобрѣтенія, которыхъ дремлютъ такимъ образомъ въ нашемъ умѣ, могутъ въ какой-нибудь моментъ быть вновь найденными, возродиться. Мы забыли какое-нибудь имя; мы тщетно его ищемъ и хотя оно у насъ вертится въ умѣ, мы никакъ не можемъ его вспомнить; потомъ, въ извѣстный моментъ, мы его вспоминаемъ, благодаря звучанию, ассоціаціи идей или какимъ-нибудь другимъ способомъ, котораго мы иногда и не сознаемъ.

У загипнотизованныхъ дѣло происходитъ не такъ. Я внушу ему во время его сна, что черезъ десять дней, положимъ, въ пять часовъ, онъ раскроетъ извѣстную книгу на 25-й страницѣ; идея раскрытия книги на этой страницѣ существуетъ у него въ умѣ, и она таѣзъ могущественна, что въ назначенный часъ онъ не можетъ поступить иначе, какъ раскрыть книгу; однако, эта идея не можетъ прійти къ нему раньше опредѣленного срока; хотя бы онъ зналъ, что ему сдѣлано внушеніе, въ чёмъ его заранѣе предупредили, все-таки, передъ нимъ можно положить данную книгу, раскрытую на 25-й страницѣ, а идея останется скрытою въ его мозгу и не обнаружится до заранѣе опредѣленного момента; но въ этотъ моментъ она внезапно возникаетъ въ умѣ и фан-

¹⁾ Я наблюдалъ осуществление въ назначенный день внушенія, которое я сдѣлала за 172 дня до того (см. Приложеніе).

тально переходитъ въ дѣйствіе. Можно бы предположить существование механизма, устроенного такъ, чтобы, подобно механизму часовъ, производить въ извѣстный часъ извѣстныя движения. Въ этомъ заключается существенная отличительная черта данного явленія. *Сдѣланное внушеніе осуществляется только въ назначенный часъ и не можетъ раньше осуществляться даже и въ томъ случаѣ, когда возникаютъ ассоціаціи, которыхъ могли бы напомнить его.* Ничего подобнаго не встрѣчается въ обыденномъ состояніи. Это, очевидно, весьма малопонятныя явленія, и весьма трудно дать имъ удовлетворительное объясненіе.

Но это не единственные факты.

Всѣ наблюдатели, занимавшіеся этими вопросами, замѣтили, съ какою точностью происходитъ у сомнамбуль опредѣленіе времени. Вы скажете субъекту: „Вы будете спать пять минутъ, десять минутъ, полчаса“, и сонъ точно продолжается назначенное время. При внушеніяхъ на долгіе сроки это опредѣленіе времени еще болѣе замѣчательно. По этому поводу я приведу одно мѣсто изъ Поля Жане¹⁾.

„Что меня удивляетъ въ этихъ явленіяхъ, это не то обстоятельство, что мы находимъ въ памяти стойко запечатлѣнныи образъ, лежащий въ сознаніи; случаи безсознательной и автоматической памяти въ настоящее время слишкомъ многочисленны и слишкомъ хорошо доказаны, чтобы въ нихъ можно было сомнѣваться.

„Затѣмъ, я допускаю, что эти скрытые воспоминанія, какъ называетъ ихъ Ш. Рише, могутъ въ какое-нибудь мгновеніе пробудиться въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ.

„Наконецъ, я понялъ бы возникновеніе въ назначенный моментъ этихъ образовъ и связанныхъ съ ними дѣйствій, если бы гипнотизаторъ ассоціировалъ ихъ съ появлениемъ какого-нибудь живого ощущенія; напримѣръ: „Когда вы увидите такого-то, вы его почувствуете“, тогда видъ этого человѣка послужилъ бы поводомъ возникновенія идеи.

„Но, чего я совершенно не понимаю, это—возникновенія въ назначенное время, причемъ съ этимъ не связано ничего, кроме простаго измѣренія времени, напримѣръ, черезъ *тринаадцать дней*. Тринадцать дней не являются ощущеніемъ, это абстракція. Чтобы дать себѣ отчетъ въ этихъ явленіяхъ, нужно предположить безсознательную способность измѣрять время. Но такая способность неизвѣстна; здѣсь цѣль аналогіи прерывается. До сихъ поръ все объяснялось закономъ ассо-

¹⁾ Paul Janet, Revue politique et littéraire (16 août 1884), page 201.

ціацій ідей, образовъ и дѣйствій, но здѣсь мы дѣлаемъ внезапный скачокъ. Никакая ассоціація не можетъ объяснить безсознательныхъ счисленія тринадцати дней. Мы входимъ въ отдѣль таинственныхъ свойствъ животнаго магнетизма. Теорія внущенія, въ собственномъ смыслѣ слова, здѣсь недостаточна".

Я могъ бы сдѣлать много замѣчаній по поводу этого мѣста.

Первое и самое общее замѣчаніе заключается въ томъ, что невозможность понять или объяснить какое-нибудь явленіе ничего не говорить противъ дѣйствительности этого явленія. Сколько явленій всѣхъ порядковъ ждутъ еще своего объясненія! Явленіе, относительно которого Поль Жане дѣлаетъ оговорки почти равныя отрицанію, принадлежитъ къ числу наиболѣе доказанныхъ и наиболѣе известныхъ явленій гипнотизма; его всегда можно воспроизвести съ величайшою легкостью.

Болѣе важное замѣчаніе состоится въ слѣдующемъ: Тринадцать дней, говорить Поль Жане, не являются ощущеніемъ; это абстракція. Я не могу допустить подобного мнѣнія. Одинъ день отнюдь не есть абстракція. Эта идея представляеть рядъ опредѣленныхъ впечатлѣній, произведенныхъ внѣшними агентами (свѣтъ, температура, влажность и т. п.) на нашъ организмъ, при чмъ вызываются въ организмѣ разные реакціи. Одинъ день не есть, въ сущности, ощущеніе, но послѣдовательность ощущеній и безсознательныхъ реакцій. Послѣдовательности дней, недѣль, мѣсяцевъ, временъ года соответствуютъ періодическая органическія измѣненія, которыя, при известныхъ условіяхъ, могутъ пріобрѣсти достаточно интенсивности, чтобы установить нѣчто въ родѣ "бессознательной способности измѣрять время"; хотя слово способность придаетъ слишкомъ философскій смыслъ характеристики органическаго свойства подобнаго рода.

Хотя этотъ вопросъ до сихъ поръ былъ весьма мало изучаемъ физіологами, но намъ достаточно простаго наблюденія фактovъ.

Развѣ животныя не знаютъ отлично часа, когда имъ обыкновенно дается пища и, если происходитъ замедленіе, развѣ они не показываютъ своимъ нетерпѣніемъ и своимъ безпокойствомъ, что они отлично сознаютъ это замедленіе?

Среди цивилизованныхъ людей, въ той искусственной и сложной жизни, которую мы для себя создали, эта способность не замѣтна болѣе; но развѣ нельзя сказать того же и о многихъ другихъ способностяхъ? Напримеръ, какую незна-

чительную роль играютъ у насъ обонятельные ощущенія, и, однако, дикари, напримѣръ, индѣйцы Перу, распознаютъ черезъ запахъ ночью, на значительномъ разстояніи, присутствіе иностранца. Наконецъ, и у цивилизованнаго человѣка эта безсознательная способность измѣрять время существуетъ еще въ скрытомъ состояніи и можетъ обнаружиться въ извѣстныхъ случаяхъ; таково, напримѣръ, произвольное пробужденіе въ назначенный часъ, которое, несмотря на сомнѣнія автора, есть вполнѣ доказанный фактъ, котораго нельзя отрицать. Почему приступъ лихорадки возвращается въ извѣстный часъ каждый день, каждые два дня, каждую недѣлю, и не указываетъ-ли это, что измѣреніе времени не есть абстракція, но что оно имѣетъ свои основанія и условія въ самой жизни организма? Такъ какъ у сомнамбуль ощущенія и впечатлѣнія могутъ дойти до замѣчательной степени тонкости и остроты, то не можетъ-ли при этомъ случиться, что способность измѣрять время, которая въ обыденномъ состояніи едва существуетъ, получаетъ подъ вліяніемъ внушенія необыкновенную интенсивность и точность? Это не объясненіе, но развѣ, благодаря этому соображенію, явленіе не теряетъ никакого характера таинственности, которую хотѣли бы ему приписать?

Оканчивая вопросъ о памяти при искусственномъ сомнамбулизмѣ, я не могу не сдѣлать замѣчанія, относящагося къ частичной потери памяти.

До сихъ поръ большинство опытовъ гипнотизаціи производилось надъ людьми съ болѣе или менѣе развитымъ умомъ, но съ образованіемъ обыкновеннымъ или ниже обыкновеннаго. Было бы интересно изучить вопросъ на людяхъ съ высшимъ умомъ или обладающихъ специальными дарованіями, напримѣръ, на артистахъ, математикахъ, философахъ. Что случилось бы, если бы внушили философу, что онъ забылъ понятіе причины, математику—что онъ забылъ понятіе третьаго измѣренія, артисту—что онъ не имѣетъ идеи прекраснаго. Какія размышленія, какія вычисленія, какія творенія получились бы при подобныхъ условіяхъ?

II. О внушеніяхъ.

Я не желаю предпринимать здѣсь полнаго изслѣдованія о внушеніяхъ. Это изслѣдованіе, относительно всего, что касается самыхъ явленій, было сдѣлано и сдѣлано отлично различными авторами, занимавшимися гипнотизмомъ¹⁾.

¹⁾ См. Cullere, *Magnétisme et Hypnotisme*. Paris 1885.

Поэтому я разсмотрю подробно только менѣе известныя явленія или тѣ, которыя имѣютъ особенный психологический интересъ.

Существуютъ въ особенности три вопроса, которые съ этой точки зреинія заслуживаютъ тщательнаго изученія; это вопросы: о внушеніи во время бодрствованія, о вызванныхъ галлюцинаціяхъ и о сопротивленіи внушеніямъ; къ послѣднему вопросу примыкаетъ также вопросъ о волѣ и о самоизъвольности во время соннамбулическаго сна.

Но прежде, чѣмъ заняться этими тремя основными вопросами, я скажу нѣсколько словъ о разныхъ отдельныхъ пунктахъ исторіи внушеній.

Извѣстно, что понимаютъ подъ именемъ *внушенія, вызванного позой*; это явленіе открыто Бредомъ и съ тѣхъ порь много разъ было воспроизведено, ибо это одно изъ тѣхъ явленій, которыя производятъ большое впечатлѣніе, когда ихъ видятъ впервые. Оно заключается въ слѣдующемъ: если за гипнотизированному субъекту приладутъ, напримѣръ, позу молящагося, хотя при этомъ ему не будетъ сказано ни одного слова, все-таки ему внушать этимъ идею молитвы и вызовутъ соотвѣтствующія галлюцинаціи и дѣйствія. Существуетъ, слѣдовательно, тѣсная связь между движениемъ, даже сообщеннымъ, и тѣми мыслями и чувствами, которыя это движение выражаетъ.

Я замѣтилъ одно явленіе нѣсколько иного вида, но того же рода; а именно, подобный же результатъ можетъ быть достигнутъ простымъ произнесенiemъ словъ.

M-me A. E. усыплена; я говорю ей:

— Послѣ пробужденія вы скажете своей подругѣ: т-те Н. А., мнѣ хотѣлось бы пойти вишень.

Спустя нѣкоторое время, я ее пробуждаю; немнога по-года, я вижу, что она приближается къ своей подругѣ и шепчетъ ей на ухо.

Тогда я говорю ей:

— Вы сказали т-те Н. А., что вамъ хотѣлось бы по-йтъ вишень.

— Какъ вы узнали? — отвѣчаетъ она удивленная.

— Я это знаю.

На другой день т-те Н. А. сообщила мнѣ, что т-ле A. E., прежде чѣмъ возвратиться домой, купила себѣ вишень, ибо, говорила она, она имѣла страстное желаніе пойти ихъ.

Я внушилъ ей только произнесеніе фразы; желаніе явилось уже какъ слѣдствіе этого; новое доказательство тѣсной связи, существующей въ мозгу между идеей или, скорѣе, чув-

ствованиемъ, желаниемъ и словами, которыхъ его выражаютъ. Слово, идея, чувствование—все это имѣть связь между собою; связь между этими тремя предметами настолько тѣсна, какъ если бы основою всѣмъ имѣть служилъ одинъ и тотъ же нервный центръ. Выраженіе желанія смыкается съ самимъ желаніемъ.

Но почему это смыкшеніе происходитъ у загипнотизованного? Въ обыденномъ состояніи я двадцать разъ могу повторить фразу: „Миф хотѣлось бы поѣсть вишень“, и, однако, дѣйствительное желаніе не явится; я могу взять въ руку перо и не почувствовать, однако, желанія писать. Слѣдовательно, связь между желаніемъ и его выраженіемъ посредствомъ дѣйствія, устанавливающаяся въ обыкновенномъ состояніи, не такъ тѣсна, какъ въ состояніи сомнамбулизма. Повидимому, что-то задерживаетъ ассоціацію или нервный токъ, соединяющій выраженіе желанія съ самимъ желаніемъ, другими словами: центръ двигательный съ центромъ чувствительнымъ; здесь какъ бы исчезаетъ вліяніе задержки, которая существуетъ въ нормальномъ состояніи и не существуетъ въ состояніи сомнамбулизма.

Нужно, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній по этому поводу.

Прежде всего, въ подобномъ случаѣ, произнося известные слова и принимая известную опредѣленную позу, я имѣю сознаніе того, что я дѣлаю опытъ, что эти слова и эта поза не соответствуютъ, въ сущности, никакому желанію, никакому особенному чувствованію; я дѣлаю опытъ и отлично знаю, что дѣлаю именно опытъ. Но, говоря: „я дѣлаю опытъ“, я говорю, что я не долженъ вѣрить заранѣе; такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, дѣло сводится къ тому, что я добровольно привожу себя въ психологическое состояніе, мало благопріятствующее обнаруженію подобного рода желанія и чувствованія. Въ самомъ дѣлѣ, если я пытаюсь провѣрить какое-нибудь явленіе, я начинаю съ того, что принимаю мѣры противъ всѣхъ причинъ ошибокъ, т. е. начинаю сомнѣніемъ. Скептицизмъ есть первое качество экспериментатора.

Я сдѣлаю еще другое замѣчаніе.

Въ обыденномъ состояніи, желаніе предшествуетъ выражению этого желанія и движеніямъ, посредствомъ которыхъ оно осуществляется; это обыкновенный ходъ нервнаго процесса; нервный токъ идетъ изъ центровъ чувствительныхъ къ двигательнымъ центрамъ. Обратный токъ есть вполнѣ исключительное явленіе. Однако, я не стану утверждать, что

онъ не можетъ имѣть мѣста въ обыденномъ состояніи и во время бодрствованія. Я убѣжденъ, что если-бы сказать набожной особѣ: „станьте на колѣни“, ассоціація между этою позой и идеей молитвы заставила бы появиться молитву на ея губахъ; и если бы фраза „я хочу вишень“ была повторена при извѣстныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ жаркій день, послѣ долгой прогулки на солнцѣ, я не поручусь, что дѣйствительное желаніе не явилось бы очень скоро. Мы могутъ возразить, правда, что при подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ даже надобности, чтобы эти слова были произнесены. И таѣ, въ нормальномъ состояніи существуетъ тѣсная связь между чувствомъ, страстью и соотвѣтствующими движеніями; но, обыкновенно, этотъ связующій импульсъ идетъ отъ чувствованія къ движенію, и только въ исключительныхъ случаяхъ отъ движения къ чувствованію. Но это общий законъ иннервациі, что первые токи, начаще возбуждаемые, вмѣстѣ съ тѣмъ и наилегче возникаютъ и труднѣе всего задерживаются, тогда какъ токи, возбуждаемые весьма рѣдко, задерживаются вслѣдствіе малѣйшихъ затрудненій. Каковы же эти затрудненія? Что влияетъ задерживающимъ образомъ? Трудно отвѣтить на это съ точностью, но весьмаѣоятно, что они заключаются въ опущеніяхъ всѣхъ родовъ, которыя стремятся къ нервнымъ центрамъ изъ чувственной периферіи.

Я не пойду далѣе въ анализъ этихъ явлений, которыхъ входятъ въ область общей физіологии иннервациі и ученія о задерживающихъ вліяніяхъ; быть можетъ, я буду имѣть случай возвратиться къ этому ниже.

Какъ бы то ни было, но у загипнотизованныхъ, у которыхъ отсутствуютъ всѣ опущенія, исключая тѣхъ, относительно которыхъ сдѣлано внушеніе, всякая посторонняя причина, которая могла бы вліять задерживающимъ образомъ, исчезаетъ, и поле остается совершенно свободнымъ для дѣятельности опредѣленной мозговой группы, въ которой сосредоточена вся нервная энергія субъекта. Эта дѣятельность ограничена опредѣленными предѣлами по волѣ гипнотизатора, но въ своихъ ограниченныхъ предѣлахъ она проявляется съ большою быстротою и болѣею легкостью, чѣмъ въ обыденномъ состояніи; поэтому, нѣтъ ничего удивительного, что взаимодѣйствіе двигательныхъ и чувствительныхъ центровъ проявляется во всей своей полнотѣ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ направлѣніи.

Сновидѣнія могутъ быть весьма легко внушены во время гипнотического сна, и эти сновидѣнія, возникающія во время естественнаго сна, имѣютъ живость и отчетливость дѣйствій.

тельныхъ предметовъ. Судя по рассказамъ субъектовъ, мнѣ казалось, что эти внущенные сновидѣнія были болѣе отчетливы, болѣе реальны, чѣмъ сновидѣнія обыкновенные; они также болѣе правильны и менѣе несвязны; сдѣланіе событий происходитъ лучше, и это весьма понятно, ибо, дѣлая внушеніе, событию обыкновенно приписываютъ извѣстную логическую стройность; но, если бы захотѣли, легко было бы внушить субъекту самыя странныя и самыя фантастическая сновидѣнія. Не разъ субъекты просили меня внушить имъ, чтобы они видѣли во время естественного сна то или иное сновидѣніе, и всегда эти сновидѣнія дѣйствительно возникалиъ большою точностью.

Явленіе, болѣе важное и имѣющее болѣе непосредственное полезное значеніе, состоить въ томъ, что субъекту можно внушить отсутствіе сновидѣній, и такимъ образомъ доставить человѣку, мучимому тѣжелыми сновидѣніями и кошмарами, самый спокойный сонъ и вполнѣйший отдыхъ его мозгу.

Гипнотическое внушеніе можетъ имѣть влияніе не только на ощущенія и на дѣйствія, но оно имѣетъ и болѣе высокое воздействиѣ; оно можетъ влѣять на страсти, на чувствованія, на характеръ. Можно по произволу сдѣлать субъекта веселымъ, печальнымъ, разгнѣваннымъ и т. п.; можно по произволу и моментально измѣнить его характеръ.

Я присутствовалъ при одномъ изъ самыхъ интересныхъ опытовъ подобного рода, произведенномъ моимъ товарищемъ, д-ромъ Бернгеймомъ, надъ молодою сомнамбулой, служащей при госпиталѣ. За одинъ часъ мы заставили ее пройти чрезъ всевозможныя душевныя состоянія: гордость, гнѣвъ, чувствительность, благожелательность, живость ума, любовь, зависть и т. п.; мы заставили ее пройти всю гамму чувства и ума; мы дѣлали ее послѣдовательно веселою, серьезною, легкомысленною, трудолюбивою, болтливою, остроумною, набожною и т. п., и при каждомъ новомъ внушеніи возникала новая картина высокаго психологического интереса.

Однимъ словомъ, можно играть на человѣческой душѣ, какъ играютъ на какомъ нибудь инструментѣ, и какъ бы ни показалось страннымъ это сравненіе, его вѣрность признаютъ все, которые увидятъ подобные опыты.

Менѣе извѣстное, но болѣе важное явленіе заключается въ томъ, что посредствомъ внушенія можно достигнуть не только временнаго измѣненія характера, но даже измѣненія постояннаго.

Mlle A. E., особа малокровная, беспокоимая мрачными мыслями, сдѣлалась гораздо болѣе веселою послѣ мѣсяца гип-

нотизації, она сама отлично сознавала перемѣну, происшедшую въ ея характерѣ; она сдѣлалась болѣе веселою, менѣе мрачною и въ то же время, говорила она, болѣе серьезною.

Д-ръ Льбо, который въ теченіе своей долгой практики имѣлъ множество случаевъ дѣлать подобного рода опыты, былъ бы болѣе меня компетентнымъ въ этомъ вопросѣ; но я видѣлъ у него поразительный случай.

Г. Д. былъ отчаянныи курильщикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой любитель пива, что часто совпадаетъ одно съ другимъ; все это онъ совершалъ въ такихъ размѣрахъ, что его здоровье подвергалось серьезной опасности, что и беспокоило его семью. Льбо загипнотизовалъ его и внушилъ ему во время сна, чтобы онъ не курилъ и не пилъ пива; однімъ словомъ, онъ начертилъ ему цѣлую гигієническую программу, которая, будучи послушно выполнена субъектомъ, привела къ прекраснымъ результатамъ, которыхъ не могли прежде достигнуть всѣ увѣщанія семьи и даже собственная воля г. Д. На все это потребовалось нѣсколько сеансовъ гипнотизаціи и внущенія.

Подобного же результата при помощи подобного пріема достигли и относительно одного врача, хотя и весьма выдающагося, но преданного алкоголю; для него тоже достаточно было нѣсколькихъ сеансовъ; но по истечениіи трехъ мѣсяцевъ онъ снова сдѣлался невоздержаннымъ, и я не знаю, обращался ли онъ снова за помощью къ Льбо.

Въ самомъ дѣлѣ, легко понять, что въ застарѣлыхъ случаяхъ, когда нужно измѣнить давнія привычки и радикально перемѣнить характеръ, нужно приниматься за дѣло нѣсколько разъ и долго продолжать гипнотическую внушенія; очевидно, нужно также, чтобы и самъ субъектъ помогалъ въ этомъ немногого.

По этому поводу я приведу любопытный примѣръ.

Однажды къ Льбо привели лѣниваго и нерадиваго ребенка, съ которымъ ничего не могли подѣлать. Льбо усыпилъ его и внушилъ быть прилежнымъ и трудолюбивымъ; въ теченіе нѣкотораго времени все шло хорошо, дитя дѣлало чудеса. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ привычка къ лѣни взяла верхъ; родители хотѣли прибѣгнуть къ тому же средству, но встрѣтили неожиданное препятствіе: ребенокъ решительно не желалъ быть усыпленнымъ; онъ работалъ потому, что былъ принуждаемъ къ этому сдѣланнымъ ему внушеніемъ, но онъ работалъ противъ воли и не желалъ вновь подвергнуться этому. Онъ, подобно Фигаро, лѣнился съ на-

слажденіемъ, и всѣ увѣщанія родителей не могли никакъ на него подействовать.

До сихъ порь подобные случаи слишкомъ еще рѣдки, чтобы можно было сказать, до какой степени можно измѣнить такимъ образомъ посредствомъ внушенія характеръ субъекта и замѣнить его постояннымъ образомъ; но факты, которые я только что рассказалъ (а существуютъ еще и другие), позволяютъ возникать законнымъ надеждамъ и, быть можетъ, гипнотизмъ будетъ положенъ въ основу нравственного лѣченія. Извѣстно, къ какимъ заблужденіямъ привело нравственное лѣченіе алкоголизма, какъ и всѣхъ другихъ человѣческихъ страстей. Будутъ ли счастливѣе съ гипнотизмомъ? Если и нельзя достовѣрно утверждать обѣ успѣхѣ, то, во всякомъ случаѣ, нужно признать, что въ виду вышеупомянутыхъ фактовъ будеть вполнѣ разумно сдѣлать опытъ.

Можетъ ли внушеніе вліять на умственные способности? Для решенія этого вопроса мы обладаемъ болѣе малочисленными и болѣе неясными фактами.

Однако, д-ръ Льбо достигъ относительно некоторыхъ дѣтей ободряющихъ результатовъ, и я думаю, что подобного рода попытки должны бы быть сдѣланы въ специальныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ собраны дѣти съ замедленнымъ развитиемъ.

Такія же попытки могли бы быть сдѣланы въ убѣжищахъ надъ тупоумными дѣтьми, которыхъ смѣшаны здѣсь съ идиотами и которыхъ проявили бы способность къ воспріятію нѣкотораго образованія.

Съ моей стороны, я убѣжденъ, что гипнотизмъ сдѣлается современемъ могущественнымъ орудіемъ морализаціи и воспитанія, но для этого нужно еще побѣдить много препятствій и побороть много предразсудковъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію внушеній въ состояніи бодрствованія, я долженъ еще вспомнить одного вопроса, а именно *существованія внушеній*. Это существование можетъ быть вызвано различными способами, примѣры которыхъ будуть сейчасъ сообщены.

Викторина Л. бодрствуетъ. Г. Л. кладетъ на свою руку палецъ правой руки Викторины Л. и говоритъ ей: Вы не можете отнять свой палецъ, онъ привлеченъ къ моей руки; она пробуетъ, дѣлаетъ тщетныя попытки отнять свой палецъ. Тогда я дѣлаю съ пальцемъ ея лѣвой руки то же самое и съ тѣмъ же успѣхомъ. Она не можетъ отнять своихъ пальцевъ отъ нашихъ рукъ, и когда мы медленно удалялись другъ отъ друга, было весьма любопытно наблюдать, какъ ея руки

вытягивались, какъ будто ее четвертовали, и какое странное выражение имѣло ея лице, когда наше расхожденіе достигло наибольшаго предѣла.

Можно внушить веселую галлюцинацію, тогдѣ какъ другой экспериментаторъ внушить печальную галлюцинацію, и субъектъ послѣдовательно переходитъ отъ одной эмоціи къ другой, что и выражается на его лицѣ; иногда даже сосуществование двухъ противоположныхъ эмоцій придаетъ его физіономіи смѣшанное выраженіе, которое невозможно описать. Однако, не слѣдуетъ, чтобы одно изъ двухъ одновременныхъ внушеній стремилось бы прямо уничтожить другое. Въ подобныхъ случаяхъ только одно изъ нихъ удастся. Такъ, если сказать субъекту: „Вы прикованы въ стулѣ, вамъ невозможно подняться“, и если другой человѣкъ при этомъ скажетъ: „Встаньте со стула“, то это послѣднее внушеніе остается безъ дѣйствія.

Это сосуществование внушеній можетъ быть вызвано также и другимъ способомъ. Такъ, я могу внушить субъекту во время его гипнотического сна, что онъ сдѣлаетъ черезъ недѣлю то-то; завтра я внушу ему, что онъ черезъ четыре дня сдѣлаетъ что нибудь другое, а послѣ завтра я сдѣлаю ему еще какое нибудь внушеніе для выполненія въ тотъ же день, и все эти внушенія будутъ выполнены въ назначенное время; они могутъ сосуществовать, не противорѣча другъ другу. Совершенно не важно, будуть ли сосуществующія внушенія сдѣланы однимъ и тѣмъ же экспериментаторомъ или разными экспериментаторами.

Однако, этому существуетъ предѣль, какъ я замѣтилъ, если внушенія слишкомъ многочисленны, они вредятъ другъ другу. Поэтому, если идетъ дѣло о важномъ, сложномъ и трудномъ для выполненія внушеніи, или, напримѣръ, о внушеніи, сдѣланномъ съ терапевтическою цѣлью, то благоразуміе требуетъ ограничиться только имъ однимъ, не рискуя ослабить его.

III. Внушенія во время бодрствованія и состояніе сомнамбулическаго бодрствованія.

Внушенія въ состояніи бодрствованія стали известны и подверглись изученію не со вчерашняго дня.

Около 1848 г., Граймсъ (Grimes), житель Новой Англіи, вызывалъ у бодрствующихъ людей цѣлый рядъ нервныхъ явлений, который гипнотизаторы (Брэдъ и его ученики) вызывали при помощи своего метода.

Пріемъ Граймса, или *электро-биология*, какъ онъ его называлъ, былъ введенъ въ Англіи д-ромъ Дарлингомъ въ 1850 г., т. е. тогда, когда опыты Брэда сдѣлались достояніемъ публики. Карпентеръ въ своей физиологии ума посвящаетъ главу *биологическому состоянію* (*biological state*) или *наведеннымъ презамъ*, какъ онъ его называетъ. *Биологизованные особы* (*biologized subjects*) должны быть рассматриваемы, какъ бодрствующа; однако, встрѣчаются всѣ переходныя ступени между этими состояніемъ и состояніемъ настоящаго соннамбулизма. Карпентеръ изучаетъ различныя формы внушенія у этихъ субъектовъ; что же касается вопроса о памяти, то онъ мало имъ занимается и просто говоритъ, что можно найти всѣ переходныя ступени между памятью, удерживающею всѣ явленія, и полной потерей памяти,—потерею, подобною той, которая наблюдается при гипнотическомъ снѣ.

Эти внушенія въ состояніи бодрствованія были особенно изучаемы въ послѣднее время прежде всего д-ромъ Бернгеймомъ, затѣмъ г. Льежуа, а вслѣдъ за ними нѣсколькими экспериментаторами.

Я самъ произвелъ много подобныхъ опытовъ, изъ которыхъ нѣкоторые упомянуты въ этомъ труде.

Вотъ что говоритъ объ этомъ вопросѣ д-ръ Бернгеймъ:

„Многіе субъекты, которые были ранѣе гипнотизованы, если только они были выдрессированы этимъ хотя бы небольшимъ числомъ предыдущихъ сеансовъ (для нѣкоторыхъ достаточно одного, двухъ или трехъ), могутъ, не будучи вновь гипнотизуемы, обладать въ состояніи бодрствованія способностью обнаруживать тѣ же явленія внушенія“¹⁾ и онъ упоминаетъ о контрактурахъ, автоматическихъ движеніяхъ, измѣненіяхъ чувствительности, галлюцинаціяхъ и т. п. Нѣть даже надобности, говорить онъ далѣе, чтобы субъектъ дошелъ до глубокаго сна, и существуютъ индивиды, у которыхъ внушенія, сдѣланныя въ состояніи бодрствованія, удаются, тогда какъ тѣ, которыхъ были сдѣланы во время сна, остаются недѣйствительными.

Подобная же наблюденія были сдѣланы и Льежуа²⁾. Этотъ наблюдатель отлично замѣтилъ, что состояніе людей, надъ которыми можно производить подобная внушенія во время бодрствованія, представляетъ нѣчто особенное; привожу соответствующее мѣсто его труда, вслѣдствіе важности этого отрывка:

¹⁾ Bernheim, page 57.

²⁾ Liégeois, De la Suggestion hypnotique, etc.

„Что особенно замѣчательно въ опытахъ, о которыхъ я только что говорилъ и которые, понятно, могутъ быть умножены до безконечности, и что было бы весьма интересно основательно изучить и хорошо описать, это—состояніе субъекта, подвергнутаго опыту. Онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака сна; глаза его открыты, движенія свободны, онъ говоритъ, ходить, дѣйствуетъ, какъ всѣ люди, онъ принимаетъ участіе въ разговорѣ, отвѣтываетъ на возраженія, обсуждаетъ ихъ, дѣлаетъ часто удачныя возраженія; повидимому, онъ совершенно въ нормальномъ состояніи, исключая одного пункта, надъ которымъ тяготѣетъ запрещеніе экспериментатора“¹⁾.

Далѣе онъ продолжаетъ:

„Я не слыхалъ, чтобы этому странному состоянію дали какое либо название. Слово сомнамбулизмъ къ нему, какъ мнѣ кажется, не подходитъ, ибо здѣсь нѣтъ сна. Нельзя ли его будеть называть *первоначальнымъ состояніемъ* по аналогіи со случаемъ Фелиды X., который д-ръ Азамъ изъ Бордо называлъ *вторичнымъ состояніемъ?*“.

Ш. Рише замѣтилъ также аналогичные случаи у нѣкоторыхъ изъ своихъ субъектовъ. Но онъ сообщаетъ слишкомъ мало подробностей, чтобы можно было вывести изъ нихъ точныхъ заключеній²⁾. Онъ говоритъ слѣдующее:

„У этихъ двухъ женщинъ между магнетическимъ сномъ и нормальнымъ состояніемъ не существуетъ того яснаго и опредѣленного различія, которое описывается въ классическихъ книгахъ. У нихъ можно вызвать почти всѣ явленія галлюцинаціи безъ закрытія вѣкъ, причемъ сознаніе своей личности сохраняется совершенно точно и полно“³⁾.

¹⁾ Page 60.

²⁾ Ch. Richet, Sur la personnalit  et la m moire dans le somnambulisme, Revue philos., 1883, № 3.

³⁾ Въ сочиненіи, подобномъ настоящему, невозможно распространяться о нѣкоторыхъ вопросахъ настолько, насколько я этого жедаль бы. Существуетъ, однако, пунктъ, на которомъ я долженъ остановиться на минуту. На эти внушенія въ состояніи бодрствования энергически напалъ Поль Жане въ своихъ статьяхъ о гипнотическихъ внушеніяхъ въ Revue politique et litt raire. „Явленія подобного рода, говорить онъ, упоминая объ опытахъ Льежуа (р. 202),—далеко оставляютъ за собою предыдущія явленія. Мы не желаемъ ни утверждать, ни отрицать ихъ, но что о нихъ можно сказать, это то, что при ихъ изслѣдованіи не было обращено никакого вниманія на строгія требованія научнаго метода и медицинскаго наблюденія“. Эта фраза нѣсколько сурова, но что особенно важно, она несправедлива. Магъ нѣть надобности защищать г. Льежуа; но я могу утверждать вслѣдствіе того, что я видѣлъ и дѣлалъ это самъ много разъ, что эти внушенія въ состояніи бодрствования выполняются съ большою легкостью, и что опыты, *дурно сдѣланные и грубо введенные*, какъ выражается Поль Жане, совершенно вѣрны, и вѣрны не только въ *цѣломъ*, но и во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

По моему мнѣнію, изъ всѣхъ авторовъ, которые видѣли или указали на это особенное состояніе, г. Льежуа наиболѣе характеризовалъ его съ точки зренія психологической картины, которую онъ рисуетъ, отличается поразительной точностью.

Но этой картинѣ недостаетъ одной черты, и именно эта черта представляетъ дѣйствительную характеристику этого особенного состоянія; я говорю о той частичной потери памяти, которую я уже отмѣтилъ, потери памяти, относящейся исключительно въ внушеніямъ, только что сдѣланнымъ, тогда какъ для всего остального воспоминаніе сохранено. Въ этомъ заключается основное отличіе, которое не было замѣчено ни кемъ изъ вышеупомянутыхъ наблюдателей.

Прежде всего нужно отдѣлить это специальное состояніе отъ нѣкоторыхъ другихъ состояній, которыхъ съ первого взгляда могли бы быть съ нимъ смѣшаны.

Иногда у нѣкоторыхъ субъектовъ замѣчаютъ особенную форму гипнозма (я замѣтилъ ее у ш-ше V., ш-ле А. Е. и у нѣкоторыхъ другихъ); а именно: субъектъ засыпаетъ какъ обыкновенно, но глаза его остаются открытыми; исключая этой особенности, субъектъ представляетъ всѣ характерные черты гипнотического сна, которые были описаны выше; кто не предупрежденъ о возможности подобного явленія, тотъ могъ бы подумать, что субъектъ еще не усыпленъ; я видѣлъ, какъ гипнотизаторы продолжали пассы, повелѣнія (заснуть), фиксацию взгляда долго спустя послѣ того, какъ субъектъ уже впалъ въ гипнотический сонъ, и это легко можетъ случиться съ неопытнымъ гипнотизаторомъ; но кто знаетъ это явленіе, тотъ уже не можетъ ошибиться: неподвижность взгляда, безстрастное спокойствіе фигуры, общая абсолютная неподвижность сейчасъ же обнаружать наступленіе сна иувѣриться въ дѣйствительности сна весьма легко посредствомъ простыхъ опытовъ; для этого, напримѣръ, достаточно замѣтить, что члены тѣла обнаруживаютъ каталептическое состояніе, или заставить дѣлать автоматическія движения. Это со-

Я убѣждена, что если-бы Полъ Жане присутствовалъ на нѣсколькихъ подобныхъ опытахъ, вместо того, чтобы судить о нихъ изъ глубины своего кабинета, то онъ добровольно вычеркнулъ бы вышеупомянутые слова *).

*) Отнюдь не подвергая сомнѣнію дѣйствительность сомнамбулическаго бодрствованія, все-таки считаю нужнымъ замѣтить, что не одинъ только, незнакомый практическимъ съ гипнозомъ, Полъ Жане относится недовѣрчиво къ этому явленію; къ нему относится отрицательно и люди, достаточно изучавши гипнозъ опытнымъ путемъ; таковъ, напримѣръ, Дельбей (см. его статью: *De la prétendue veille somnambulique*, *Revue phil.* 1887, №№ 2—3).

П. М.

состояніе ничѣмъ не отличается оть гипнотического сна, исключая того, что при немъ глаза открыты.

Состояніе *помраченія* (*fascination*), описанное д-ромъ Бремо¹⁾ какъ мнѣ кажется, весьма походитъ на этотъ сомнамбулическій сонъ съ открытыми глазами. При этомъ состояніи, характеризуемомъ, между прочимъ, тѣмъ, что субъектъ имѣеть открытыые глаза и неподвижный взглядъ, загипnotизованный, по словамъ д-ра Бремо, „имѣеть иногда сознаніе своего положенія и смутно понимаетъ, что говорится вокругъ него“. По моему, здѣсь мы имѣемъ дѣло просто съ извѣстною формой гипнотизма, формой, обязанной своимъ существованіемъ, весьма вѣроятно, тому обстоятельству, что субъектъ еще не дошелъ до глубокаго сна.

Состояніе, описанное д-ромъ Льебо подъ именемъ *очарованія* (*charme*), нѣсколько болѣе приближается къ тому явленію, которое мы здѣсь изучаемъ.

„Среди субъектовъ, которыхъ можно усыпить, говорить онъ²⁾,—встрѣчаются такие, которые доходятъ только до весьма любопытнаго состоянія оцѣненія, которое можно характеризовать словомъ *очарованіе*; они еще мыслять активно и имѣютъ довольно ясное сознаніе вицѣнаго міра; но если, напримѣръ, сказать имъ утвердительно, что они не способны говорить, дѣлать извѣстныя движения, даже ощущать, или если имъ внушить идею нелѣпаго дѣйствія, ихъ вниманіе вполнѣ и безвозвратно сосредоточивается на внушенныхъ идеяхъ, которыя усваиваются ихъ умомъ и которымъ организмъ повинуется; это настоящіе автоматы, поставленные на рубежѣ между бодрствованіемъ и сномъ“.

Всѣ эти явленія, очевидно, доказываютъ, что у нѣкоторыхъ субъектовъ можно вызвать особенное состояніе, которое не будетъ ни гипнотическимъ сномъ, ни бодрствованіемъ. Это состояніе отличается оть гипнотического сна многими чертами: субъектъ вполнѣ бодрствуетъ; онъ имѣеть открытыые глаза и находится въ сношениіи съ вицѣннимъ міромъ; онъ хорошо помнитъ все, что говорили и дѣлали вокругъ него, все, что онъ самъ говорилъ и дѣлалъ; память не можетъ удержать только одного: внушенія, которое ему было только что сдѣлано; именно этимъ и восприимчивостью ко внушеніямъ это состояніе приближается къ сомнамбулизму. Это двѣ единственныхъ черты, которыя отличаютъ его оть обыкновеннаго состоянія бодрствованія. Название „первичное

¹⁾ Bremaud, Soci  t   de biologie, 1883, s  ance du 27 octobre.

²⁾ Li  beault, Sommeil, p. 42.

состояніе", которое прилагаетъ къ нему Лъежуа, не особенно удовлетворяетъ меня, ибо оно не указываетъ ни на какую характерную черту этого состоянія; поэтому, я предпочитаю выраженіе *соннамбулическое бодрствование*, не смотря на противорѣчіе, существующее между этими терминами.

Въ чём состоится это состояніе *сомнамбулическаго бодрствованія*? Какъ оно вызывается? Какому мозговому измѣненію оно соответствуетъ? Все это вопросы неразрѣшимые для настоящаго времени; достовѣрно только то, что оно является особыннымъ состояніемъ, которое не должно быть смѣши-ваемо ни съ обычновеннымъ гипнотическимъ сномъ, ни съ состояніемъ „помраченія“ доктора Бремо, ни съ состоя-ніемъ „очарованія“ доктора Льбо, ни съ неполнымъ гип-нотическимъ сномъ, который наблюдается у нѣкоторыхъ субъектовъ. Изъ этого не слѣдуетъ, будто существуетъ рѣз-кое, радикальное различіе между сомнамбулическимъ бодр-ствованіемъ и сомнамбулическимъ сномъ; напротивъ, вѣро-ятно, встрѣчаются всѣ переходныя ступени между ними, хотя я ихъ и не наблюдалъ; но, тѣмъ не менѣе, весьма по-лезно охарактеризовать и отличить другъ отъ друга два крайніе члена ряда.

Развѣ во всѣхъ нашихъ научныхъ классификаціяхъ мы не пренебрегаемъ умышленно промежуточными членами, чтобы остановить вниманіе на вполнѣ опредѣленныхъ и рѣзко ограниченныхъ категоріяхъ, которые служатъ памятными знаками и позволяютъ нашему уму ориентироваться въ безконечной сложности явлений?

IV. О вищенихъ галлюцинаціяхъ.

Внушенныя галлюцинаціі представляютъ одну изъ наиболѣе интересныхъ главъ исторіи гипнотизма.

Галлюцинаціі чувствъ изучены больше всего, и многочисленные примѣры ихъ, особенно что касается галлюцинаціі зреенія и слуха, можно найти у всѣхъ авторовъ. Поэтому я остановлюсь только на нѣкоторыхъ вопросахъ, которые были оставлены безъ вниманія большинствомъ экспериментаторовъ.

Первый вопросъ касается отчетливости вызванныхъ галлюцинацій, особенно при галлюцинаціяхъ зрѣнія.

Можно задать вопросъ: имѣютъ ли эти галлюцинаціи характеръ и отчетливость ощущеній, производимыхъ внешними предметами? Напримѣръ, когда я внушаю загипнотизован-

ному, что онъ видить собаку, то становится ли для него образъ собаки такимъ же отчетливымъ, какъ и при действительномъ восприятіи? Я не знаю опытовъ, которые имѣли бы въ виду разрѣшеніе этого вопроса. Вотъ какой приемъ употреблялъ я для изслѣдованія этого вопроса.

Я внушалъ загипнотизованному, что онъ видить на бѣлой бумагѣ, которую я ему показывалъ, рисунокъ, изображающей какой либо предметъ или животное; затѣмъ я говорилъ ему, чтобы онъ точно обвелъ карандашемъ контуръ тѣхъ предметовъ, которые я ему внушилъ, однимъ словомъ, чтобы онъ снять съ нихъ настоящую кальку.

Этотъ приемъ мнѣ казался отличнымъ, но на практикѣ я встрѣтился съ нѣкоторыми затрудненіями. Если субъектъ вовсе не умѣеть рисовать, онъ можетъ оказаться слишкомъ неискуснымъ, чтобы снять даже кальку; если же, наоборотъ, онъ умѣеть рисовать, то онъ можетъ, и это весьма вѣроятно, рисовать внушенный предметъ не такимъ, какимъ онъ его действительно видитъ, но какимъ онъ представляется его воображенію; другими словами, онъ можетъ, благодаря привычкѣ къ рисованію, исправить и сдѣлать болѣе точнымъ неопределенный образъ, который внущеніе заставило его увидѣть.

Я сдѣлалъ четыре опыта при подобныхъ условіяхъ и вкратцѣ сообщу результаты ихъ.

Первый опытъ былъ произведенъ надъ Элизой Ф. Это была крестьянка, весьма неискусная въ рисованіи, что ей, вѣроятно, приходилось дѣлать впервые. Я внушилъ ей, что она увидитъ на бумагѣ рисунокъ, изображающей лежащую собаку, и что она должна обвести весь контуръ, какъ будто бы она калькировала. Она это сдѣлала съ большимъ трудомъ, причемъ получился безформенный рисунокъ, въ которомъ было бы весьма трудно узнать собаку.

Второй опытъ былъ сдѣланъ съ м-ле А. Е., которая вовсе не умѣеть рисовать; я внушилъ ей полишинеля; почти не получилось никакого результата.

При третьемъ опыте съ Луизой Д. получились нѣсколько болѣе удовлетворительные результаты. Я внушилъ ей птицу; получился весьма безформенный рисунокъ, въ которомъ, однако, нѣкоторые черты напоминали внушенное животное.

Въ качествѣ повѣрочного опыта, я заставилъ ее скалькировать рисунокъ, изображающей собаку, и она выполнила это довольно удовлетворительно; затѣмъ я сказалъ ей, чтобы она нарисовала отъ себя птицу; она сдѣлала весьма грубый

рисунокъ, но въ которомъ можно, все таки, узнать птицу, причемъ пропорціи были соблюдены довольно хорошо.

Наконецъ, четвертый опытъ былъ сдѣланъ съ т-ше Н. А. Она не обучалась рисованію, но обладаетъ въ достаточной степени вкусомъ и природными способностями; я внушилъ ей рисунокъ собаки, стоящей въ профиль; на этотъ разъ результатъ былъ лучшій, и получился рисунокъ животнаго съ немногими тяжелыми формами, но не очень дурно исполненный. Но опять возникаетъ вопросъ: действительно ли она только обрисовывала контуръ внушенного ей изображенія или же, имѣя въ умѣ идею собаки, она просто рисовала ее такою, какою она ее себѣ представляла, не калькируя тщательно галлюцинацій? Дать окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма трудно, и, быть можетъ, слѣдуетъ произвести новые опыты при иныхъ условіяхъ.

Но изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ опытовъ, какъ мнѣ кажется, можно заключить, чтовшущенная галлюцинація не имѣть реальности и отчетливости объективнаго образа и что воображеніе субъекта, весьма вѣроятно, играетъ здѣсь большую роль. Я сравнилъ бы зрительную галлюцинацію съ общимъ представлениемъ предмета или человѣка, на котораго бросаются взглядъ мимоходомъ: получается общее впечатлѣніе, но подробности отъ насъ ускользаютъ.

Однако, возможно, что посредствомъ упражнений зритель-
ная галлюцинація приобрѣтутъ точность дѣйствительного
восприятія. Сновидѣнія, повидимому, иногда достигаютъ этой
степени точности, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ людей
(ибо этого не бываетъ у меня), а галлюцинаціи сумасшед-
шихъ, безъ сомнѣнія, достигаютъ до нея. У соннамбуль, вѣ-
роятно, можно было бы достигнуть того же результата, вну-
шавъ одну и ту же галлюцинацію нѣсколько разъ и настай-
вая на ней; но я не хотѣлъ дѣлать подобного опыта, кото-
рый, по моему мнѣнію, не вполнѣ безопасенъ.

Весьма рѣдки тѣ случаи, когда внушеніе вполнѣ удастся въ первый же разъ.

М. Н. во время его сна внушаютъ, что послѣ пробужденія онъ увидитъ въ углу комнаты епископа. Такъ какъ послѣ пробужденія онъ не смотритъ въ назначенный уголъ, то ему говорятъ:

— Посмотрите въ этотъ уголъ.

Онъ смотрѣть туда, и его глаза принимаютъ выраженіе, которое бываетъ, когда видать что нибудь, не различая хорощенько, что это такое.

— Что вы тамъ видите?

— Не знаю хорошенько; кого-то.

— Кого?

— Не знаю.

И онъ продолжаетъ смотрѣть нѣсколько удивленно.

— Каѣмъ онъ одѣтъ?

— Въ золотыя одѣжды.

— Кто же это?

— На немъ митра; а! это—епископъ.

Видѣніе было, очевидно, мало отчетливо и выяснилось только мало по малу, пока не достигло своей наибольшей интенсивности. Это былъ первый опытъ внушенія данному субъекту зрительной галлюцинаціи.

Слуховые галлюцинаціи, повидимому, обладаютъ гораздо большею отчетливостью.

При этихъ галлюцинаціяхъ, которая такъ легко вызываются посредствомъ гипноза, субъекты слышать слова отчетливо, и эти слова имѣютъ весьма точный смыслъ. Извѣстно, какъ часты эти галлюцинаціи у сумасшедшихъ и съ какимъ неотвратимымъ автоматизмомъ сумасшедше выполняютъ самыя преступныя дѣйствія, когда это повелѣваютъ имъ слышимые ими голоса.

Галлюцинаціи могутъ также распространяться и на внутреннія ощущенія, на мускульную чувствительность, потребности.

Нѣтъ ничего легче, какъ внушить субъекту всѣ роды ощущеній, источникомъ которыхъ служатъ наши внутренности: заставить ощущать внутреннія боли, возбудить по произволу голодъ или жажду, заставить испытать жаръ или ознобъ и т. п.; всѣ подобные опыты въ настоящее время слишкомъ извѣстны, и я не буду на нихъ останавливаться.

Но существуетъ извѣстная категорія явлений, которая до сихъ поръ оставлялась въ сторонѣ; я назову эти явленія *двигательными галлюцинаціями*. Можно внушить загипнотизованному, что онъ дѣлаетъ такое или иное движеніе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ остается совершенно неподвижнымъ.

Я внушилъ м-ре А. Е., что она вальсируетъ на балу, и двигательная галлюцинація была такъ сильна, что А. Е. обнаруживала всѣ явленія, вызываемыя обыкновенно вальсированиемъ.

Представленія двигательнаго акта въ мозгу достаточно, чтобы заставить субъекта вѣрить, что самый актъ совершился; и такъ, это настоящая галлюцинація. Дѣйствіе, которое не существуетъ, признается дѣйствительно существующимъ един-

ствено потому, что желаніе этого дѣйствія существуетъ въ идео-моторномъ центрѣ. Эти двигательныя галлюцинаціи, какъ извѣстно, весьма обыкновенны въ сновидѣніяхъ.

Сколько времени послѣ пробужденія могутъ продолжаться галлюцинаціи?

Легче всего производить опыты надъ зрительными галлюцинаціями; въ самомъ дѣлѣ, нельзя дать постоянную галлюцинацію слуха, осязанія, даже обонянія или вкуса, не причиняя этимъ тѣжелаго неудобства субъекту, тогда какъ безъ всякаго неудобства можно, напримѣръ, заставить его видѣть свою одежду не того цвета, какого она на самомъ дѣлѣ.

При этомъ мы должны отличать два разныхъ случаевъ: одинъ, когда субъекту при внушеніи точно опредѣляютъ время, въ теченіе которого должна длиться вызванная галлюцинація, и другой, когда продолжительность галлюцинаціи не опредѣляется.

Въ первомъ случаѣ галлюцинація, вообще говоря, длится предписанное время, на сколько я могу обѣ этомъ судить на основаніи примѣровъ, наблюдавшихся мною; правда, я никогда не назначалъ особенно большой продолжительности для галлюцинаціи, боясь, чтобы это не имѣло какихъ-нибудь опасныхъ послѣдствій.

Когда продолжительность не назначена, галлюцинаціи имѣютъ разнообразную продолжительность: нѣсколько минутъ, нѣсколько часовъ, нѣсколько дней, причемъ причину этого разнообразія не всегда можно опредѣлить¹⁾.

Способъ, какимъ галлюцинація исчезаетъ, также заслуживаетъ вниманія; она не исчезаетъ сразу и внезапно, но изглаживается постепенно и иногда по частямъ.

Вотъ примѣръ.

Въ субботу, 12 июля, г. Льебо внушаетъ м-ру А. Е., что послѣ пробужденія она увидитъ себя въ голубомъ платьѣ, а свою подругу—въ розовомъ (обѣ они одѣты въ черное); внушеніе осуществляется и исчезаетъ слѣдующимъ образомъ. Ея платье казалось ей голубымъ до вечера воскресенья; въ по-

¹⁾ Бине и Ферѣ рассказываютъ слѣдующій случай, сообщенный имъ Лондономъ. Одна истерическая особа находилась въ состояніи сомнамбулизма; Лондонъ подошелъ къ ней и, показывая клише, изображавшее видъ Парижевъ, сказалъ ей: „Посмотрите, это вашъ портретъ; вы здесь совершенно голая“. Послѣ пробужденія больная случайно замѣтила клише; она крайне раздражилась, увидя на немъ свое изображеніе въ голомъ видѣ, схватила его и разбила. Но съ этого клише было уже получено два фотографическихъ снимка, которые и были тщательно спрятаны. Каждый разъ, какъ она ихъ видѣть, она топаетъ ногами отъ гнѣва, ибо всегда видитъ тамъ себя голою. Съ тѣхъ поръ прошло уже два года, а галлюцинація все еще продолжается. Binet et Féfé. „Le magnét-animal“, р. 178).

недѣльникъ утромъ она еще видѣть свою подругу въ розовой юбкѣ, но съ чернымъ корсажемъ, и только въ понедѣльникъ въ полдень галлюцинація вполнѣ исчезла.

Я оставилъ въ сторонѣ *ретроактивныи*¹⁾ галлюцинаціи, значение которыхъ такъ хорошо выяснено Льежуа, и перейду къ одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ исторіи гипнотизма, къ *отрицательнымъ галлюцинаціямъ*.

Я не остановлюсь на вопросѣ о пригодности этого термина²⁾ и ограничусь тѣмъ, что отошлю читателя къ письму доктора Бернгейма³⁾, при томъ же, название не имѣть особыхъ значенія. Извѣстно, что понимаютъ подъ именемъ *отрицательной галлюцинаціи*. Посредствомъ внушенія, сдѣланного во время сна или во время бодрствованія, можно у человѣка, способнаго къ гипнотизаціи, такъ сказать, наложить запрещеніе на какой нибудь предметъ или на какую нибудь присутствующую особу, такимъ образомъ, чтобы этотъ предметъ или эта особа какъ бы не существовали для него. Въ этихъ явленіяхъ есть нѣчто, что смущаетъ воображеніе болѣе, чѣмъ что либо изучавшееся нами до сихъ поръ.

Когда эти отрицательныи галлюцинаціи касаются простыхъ ощущеній, онъ еще довольно хорошо могутъ быть объяснены. Когда я говорю субъекту: вы не можете видѣть краснаго, то можно предположить, что при этомъ парализуются извѣстные элементы ретини (или соотвѣтствующіе элементы мозга), подобно тому, какъ говоря: вы не можете сдѣлать такого то движенія, я парализую извѣстную группу мускуловъ.

Но сдѣлать такъ, что извѣстная присутствующая особа исчезнетъ для субъекта такимъ образомъ, что онъ не можетъ ни видѣть, ни слышать, ни ощутить ее—это нѣчто болѣе неподдающееся объяснению, чѣмъ возможность вызвать присутствующую особу. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ еще понятно,

¹⁾ Ретроактивная галлюцинація суть, собственно говоря, галлюцинаціи памяти. Они состоять въ слѣдующемъ: можно внушить субъекту, что въ извѣстный моментъ его жизни съ нимъ случилось то-то и то-то, конечно, это внушеніе можно сдѣлать такъ тщательно и съ такими подробностями, что рассказъ галлюцинирующаго не возбудить ни малѣйшаго сомнѣнія въ другихъ людяхъ. Важность и опасность этого явленія очевидна. Льежуа, Бернгеймъ и другие указали, что такимъ образомъ можно заставить вполнѣ добровольнаго человѣка дать ложное свидѣтельское показаніе, можно внушить человѣку, что онъ занялъ у другаго извѣстную сумму денегъ и т. п.

П. М.

²⁾ Терминъ: „отрицательная галлюцинація“ былъ, по справедливости, признанъ неудовлетворительнымъ и, вместо него, было предложено выраженіе: „систематическая анестезія“.

П. М.

³⁾ Bergneis, „Revue Scientifique“.

что господствующая идея можетъ пріобрѣсти такую интенсивность, что превращается въ ощущеніе и обусловливаетъ такимъ образомъ галлюцинацію; но при отрицательныхъ галлюцинаціяхъ труднѣе допустить подобное объясненіе.

Но что еще болѣе странно, это то, что можно вызвать только частичное исчезновеніе какой либо особы. Можно сдѣлать такъ, что субъектъ не будетъ ее видѣть, но будетъ слышать его; затѣмъ онъ можетъ ее видѣть и слышать, но не чувствовать ея прикосновенія. Легко себѣ представить, какія комбинаціи опытовъ, какія странныя сцены можно подобнымъ образомъ придумать; кажется, будто здѣсь входишь въ область чудеснаго и, однако, это чудесное есть самая точная и самая несомнѣнная дѣйствительность.

Всякій можетъ воспроизвести эти опыты, если только онъ знакомъ съ приемами гипнотизаціи и оперируетъ надъ подходящими субъектами. Я ограничусь сообщеніемъ, въ качествѣ примѣра, слѣдующаго опыта, который я произвелъ вмѣстѣ съ г. Льежуа въ присутствіи доктора Льебо и некоторыхъ другихъ. Этотъ опытъ, кроме того, что онъ очень сложенъ, заслуживаетъ еще вниманія и съ другой точки зренія.

Г. Льежуа внушиаетъ м-те Н. А., во время ея гипнотического сна, что послѣ пробужденія она не будетъ ни видѣть меня, ни слышать; я говорю ей—она не отвѣчаетъ мнѣ; я беру ее за руку—она отлично это сознаетъ.

Тогда я пробую слѣдующій опытъ. Я дѣлаю пассы передъ глазами м-те Н. А., которая совершенно бодрствуетъ, бесѣдуетъ съ присутствующими и слышитъ всѣхъ, исключая меня. Послѣ извѣстнаго числа пассовъ, она засыпаетъ.

Въ этомъ снѣ она находится въ сношениі только со мною; она меня слышитъ, отвѣчаетъ мнѣ, она не видѣть и не слышитъ никого изъ присутствующихъ; г. Льежуа говорить ей—она ему не отвѣчаетъ; онъ пытается ее разбудить—это ему невозможно. Удовостѣрившись достаточно въ этомъ ея состояніи, я ее пробуждаю.

Едва только она была разбужена, какъ она возвратилась въ то же состояніе, въ которомъ была, прежде чѣмъ я ее усыпалъ, т. е. она меня не видѣла и не слышала, она могла входить въ сношеніе со мною только при помощи осязанія, тогда какъ всѣхъ присутствующихъ она и видѣла, и слышала. Для того, чтобы она меня вновь увидѣла и услышала, нужно было, чтобы г. Льежуа уничтожилъ отрицательную галлюцинацію.

Въ тотъ же день я повторилъ опытъ съ м-ле А. Е. Я ее усыпалъ и внушилъ, что она не будетъ ни видѣть,

ии слышать г. Льежуа. Говоря коротко, опытъ былъ произведенъ такимъ же образомъ и привелъ къ такимъ же результатамъ, какъ и въ первый разъ. На другой день тѣ же опыты были произведены съ тѣмъ же успѣхомъ передъ нѣкоторыми лицами. Нужно замѣтить, что пассы дѣлались на разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ отъ субъекта. Я ограничусь упоминаніемъ объ этомъ опыте, къ которому я буду имѣть случай возвратиться позднѣе.

Правда, въ этихъ опытахъ съ отрицательной галлюцинацией можно всегда предполагать притворство. Я не могу здѣсь рассматривать вопроса о притворствѣ, относительно которого я уже сказалъ нѣсколько словъ выше. Убѣжденіе можно составить только тогда, когда самъ изучашъ вопросъ, а не знакомишься съ нимъ по наслышкѣ; такъ состоялось мое убѣжденіе, и все, что я могъ бы сказать, очевидно, неизмѣнило бы способа мышленія невѣрующаго¹⁾.

¹⁾ Если авторъ, вообще, слишкомъ бѣгло прошелъ важный вопросъ о систематической анестезіи (отрицательной галлюцинаціи, по его терминологии), то въ вопросѣ о притворствѣ при подобныхъ опытахъ онъ становится на совершенно неудовлетворительную почву личного убѣжденія; такой приемъ можетъ только усилить недовѣріе сомнѣвающихся. Между тѣмъ, экспериментаторы не такъ ужъ безсильны противъ притворства: существуютъ приемы, доказывающіе несомнѣнно дѣйствительность подобныхъ явлений. Читатель помнить, конечно, о свойствахъ магнита, о которыхъ я упоминалъ въ одноимѣнномъ изъ предыдущихъ примѣчаний; онъ помнить, что магнитъ возвращаетъ субъекту возможность видѣть, слышать и осознавать то, что ему было запрещено видѣть, слышать или осознавать; руководясь этимъ, мы получаемъ такой приемъ: стоять только незамѣтно приблизить магнитъ къ субъекту, и если онъ будетъ продолжать не видѣть и не слышать данного лица, то мы можемъ заподозрить его въ притворствѣ; если же эта систематическая анестезія прекратится, то мы получимъ доказательство того, что она была не притворною. Но есть еще и другіе случаи, когда можно получить объективное доказательство дѣйствительности资料 самого явленія. Вообще, въ виду важности этого явленія, я приведу изъ не разъ цитированного иною сочиненіемъ Бине и Фере описанія нѣкоторыхъ опыта, производившихся ими, отмѣту нѣкоторые выводы, къ которымъ они пришли, и т. п.

Бине и Фере внушали одной больной во время ея сомнамбулическаго сна, что постъ пробужденія она не будетъ видѣть Фере, но будетъ слышать его голосъ. Она проснулась; Фере становится передъ нею и протягиваетъ ей руку; она остается неподвижною. Спустя нѣкоторое время она выражаетъ удивленіе, почему неѣть Фере, который только-что бытъ здѣсь, въ лабораторіи; ей отвѣчаютъ, что Фере ушелъ, и что она можетъ возвратиться въ свою комната. Тогда Фере становится въ дверяхъ; пытаясь выйти изъ комнаты, больная наталкивается на невидимое препятствіе, на Фере. Это неожиданное столкновеніе заставило ее задрожать; она еще разъ попыталась выйти, но, встрѣтивъ опять то же небольшое препятствіе, въ страхѣ отказывается подходить къ двери.

Тогда берутъ шляпу и показываютъ ей, чтобы она убѣдилась, что это дѣйствительно настоящая шляпа; послѣ этого Фере надѣваетъ на себя эту шляпу; больная очень удивлена, видя, что шляпа виситъ на воздухѣ. Но удивленіе ея еще болѣе возрастаетъ, когда Фере снимаетъ шляпу и начинаетъ ею раскланиваться; больная видитъ, что шляпа описываетъ кривую

Эти отрицательные галлюцинации представляютъ иногда явления, которые, съ первого взгляда, кажутся странными и трудно объяснимыми и, однако, послѣ некотораго размышленія мы увидимъ, что эти явленія обнаруживаются, съ какою логикою.

по воздуху: она поражена. Затѣмъ она восклицаетъ: это фокусы; она думаетъ, что плащъ виситъ на ниткѣ; она становится на стулъ, чтобы найти эту нитку, но тщетно. Послѣ этого накидываютъ на Фере плащъ; больнаяглядитъ пристально и съ удивленіемъ видѣтъ, что плащъ колеблется и принимаетъ форму человѣка. Затѣмъ начинается такого рода представление: мебель движется сама собою, разъединенные кости скелета соединяются и т. д.

Послѣ этого Фере становится сзади больной и въ то время, какъ она спокойно бесѣдуетъ съ окружающими, она прикасается то къ ея носу, то къ щекѣ, то ко лбу и т. п. Всякий разъ больная подносить свою руку къ лицу спокойно, безъ всякаго страха; на вопросъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ, она отвѣчаетъ, что третья лицо, потому что оно чешется. Затѣмъ ей предлагаются сдѣлать сильный ударъ по воздуху. Въ тотъ моментъ, когда она поднимаетъ руку, Фере останавливаетъ ея руку. "Что случилось?" спрашиваютъ ее. "Какъ будто судорога", — отвѣчаетъ она. Такимъ образомъ она пытается во что бы то ни стало объяснить всякое явленіе. Потребность объясненія, существующая въ нормальномъ состояніи, здѣсь доходитъ до крайности.

Теперь обратимъ вниманіе на некоторые подробности этого состоянія. Если невидимымъ дѣлается какой-нибудь маленький, не сложный предметъ, то субъектъ не видѣть только его; но если сдѣлать невидимымъ человѣка, то получается болѣе интересная картина: субъектъ не только не видѣть самого человѣка и одежды, которая на немъ надѣта, но онъ не видѣть даже и тѣхъ предметовъ, которые этотъ человѣкъ вытягиваетъ изъ своего кармана, напр., носового платка, часы, ключа и т. п. Если сказать субъекту: вы не будете ни видѣть, ни осознать этого флакона, и затѣмъ положить ему между руками флаконъ, то хотя онъ и не будетъ ни видѣть, ни осознать его, но онъ, все-таки, почувствуетъ, что между руками что-то есть, что мѣшаетъ ему приблизить руки другъ къ другу. Здѣсь происходитъ разъединеніе мускульного чувства и чувства осознанія; благодаря этому, одна большая могла даже составить себѣ приблизительное понятіе о формѣ невидимаго и неосознанаго предмета.

Скрываеть ли невидимый предметъ то, что помѣщается сзади него? Иногда скрываеть. Но чаще невидимый предметъ не образуетъ перерыва въ полѣ зрѣнія, не скрываетъ предметовъ, помѣщенныхъ за нимъ. Такъ, когда невидимый Фере становился передъ дверью, больная продолжала утверждать, что она видѣть всю дверь, видѣть ручку двери, которая была, однако, закрыта фигурою Фере. Здѣсь развивается самоизъвольная галлюцинація, для того, чтобы наполнить пробѣлъ въ полѣ зрѣнія, образуемый невидимымъ предметомъ. Это самовнушение напоминаетъ обыденное физиологическое явленіе, а именно: въ сѣтчаткѣ глаза существуетъ часть, не чувствительная къ свѣту; эта часть находится на мѣстѣ входженія зрительного нерва; соответствующая площадь въ полѣ зрѣнія называется *слепымъ пятномъ*. И, однако, мы не замѣчаемъ этого перерыва въ полѣ зрѣнія, мы наполняемъ его окружающими предметами.

Теперь обратимся къ вопросу о притворствѣ. Оглушительный шумъ, вызываемый внезапнымъ и рѣзкимъ ударомъ въ китайский гонгъ-гонгъ (металлический бубень) вызываетъ у некоторыхъ гипнотическихъ субъектовъ каталепсию. Быне и Фере дѣлали опыты надъ двумя подобными субъектами. Во время гипнотического сна, больной было внушенъ, что послѣ пробужденія она не будетъ видѣть ни гонгъ-гонга, ни булавы, которою ударяютъ въ гонгъ-гонгъ, и не будетъ слышать шума, вызываемаго ударомъ. Затѣмъ, послѣ пробужденія къ самому ея уху было поднесено гонгъ-гонгъ, (причемъ

гичностью событий координируются въ умѣ субъекта. Вотъ одинъ примѣръ.

22 іюля 1885 г. я усыпляю въ своей лабораторіи M-Н-Л., чтобы изслѣдоватъ время реакціи на осязательныя ощущенія

она не выражала обычного своего страха) и по немъ жестоко ударили булавою. Каталепсія не послѣдовала. Больная выразила только легкое удивленіе; по ея словамъ, она слышала какъ бы порывъ вѣтра въ каминѣ. Послѣ этого ее вновь усыпили и уничтожили предыдущее внушеніе, т.-е. больная послѣ пробужденія вновь видѣла и слышала гонгъ-гонгъ; при этомъ даже гораздо болѣе слабые удары въ гонгъ-гонгъ вызывали глубокую каталепсію.

Вотъ еще любопытный способъ провѣрки. Истерические больные имѣютъ такъ называемыя истерогенные области, т.-е. давленіе въ некоторыхъ мѣстахъ ихъ тѣла вызываетъ у нихъ истерические припадки. Бине и Фере внушили больной, что она не будетъ видѣть одного изъ нихъ и не будетъ чувствовать его прикосновеній; это незвидимый ею экспериментаторъ могъ производить энергическое давленіе въ истерогенной области, не вызывая припадка; больная не дѣлала ни малѣшаго движенія для самозащиты, она только жаловалась на неопредѣленное давленіе; тогда какъ она со страхомъ отскакивала отъ всякаго видимаго ею человѣка, который подносилъ руку къ той же области.

Какова продолжительность систематической анестезіи? У особъ истерическихъ эта анестезія обыкновенно прекращается послѣ припадка; въ другихъ случаяхъ она можетъ (особенно относительно такихъ небольшихъ предметовъ, какъ карандашъ, часы и т. п.) длиться мѣсяцами. Самый способъ исчезновенія анестезіи интересенъ: сначала субъектъ не видѣтъ того лица, относительно которого ему внушиена анестезія; затѣмъ онъ начинаетъ его видѣть, но не узнаетъ, и только спустя нѣкоторое время послѣ этого внушенная анестезія вполнѣ исчезаетъ.

Однако, иногда бываютъ отклоненія отъ этого нормального хода. Такъ, одной больной внушили во время сна, что послѣ пробужденія она не будетъ видѣть однаго господина, который при этомъ присутствовалъ и имъ котораго она знала. Послѣ пробужденія она видѣла его, но не узнавала. Мало того, она забыла его имя, забыла о самомъ его существованіи. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ ей внушили галлюцинацію портрета этого господина; теперь, когда она забыла даже о его существованіи, ей показали картонъ, на которомъ былъ этотъ минимумъ портретъ, и она, сравнивая его съ оригиналомъ, вскорѣ узнала этого господина.

Было бы ошибочно думать, что систематическая анестезія ограничивается только разстройствомъ дѣятельности органовъ чувства; иѣть, она можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ болѣе глубокаго разстройства. Такъ, когда было внушено больной, что она не будетъ видѣть, но будетъ слышать г. Фере, то, слыша послѣ своего пробужденія невидимый голосъ, она сначала начала искать Фере по всей залѣ, затѣмъ съ беспокойствомъ спросила у присутствующихъ о причинѣ этого явленія. Ей отвѣчали, что Фере умеръ и что съ нею говорить его душа. Больная особа интеллигентная, и почти навѣрно, будучи въ нормальномъ состояніи, она поняла бы, что надо нею шутить, но теперь она охотно признала это объясненіе. Затѣмъ голосъ Фере раздается вновь; она сообщаетъ, что умеръ ночью, что его перенесли въ анатомическій театръ. Больная выражаетъ глубокую печаль; она спрашиваетъ, когда будуть хоронить Фере, выражаетъ желаніе присутствовать при богослуженіи. "Бѣдный малый, говорить она,—онъ былъ недурной человѣкъ". Тогда Фере начинаетъ вздыхать, онъ жалуется на то, что его анатомировали и т. п. Съ больною едва не сдѣлался припадокъ, который быть, однако, предупрежденъ присутствующими. Этотъ опытъ показываетъ, что и послѣ пробужденія, когда субъектъ находится, повидимому, въ вполнѣ нормальномъ состояніи, систематическая анестезія, если она была ему внушена, продолжаетъ влиять на его духовныя отправленія.

щенія; во время сна, я вишаю ей, что послѣ пробуждѣнія она не будетъ видѣть г. Х., который находился съ нами въ лабораторіи. И дѣйствительно, послѣ сна пробужденія г. Х. исчезъ для нея; она удивляется тому, что не видѣть его, и

Этотъ выводъ, къ которому пришли Бине и Фере, можно сблизить съ утверждениемъ Дельбера, который (какъ я уже говорилъ въ одномъ изъ пріѣзжаній) отрицає дѣйствительность сомнамбулическаго бодрствованія; онъ утверждаетъ, что эти мнемободрствующие люди въ моментъ выполнения внутреннаго дѣйствія, появленія внутренней галлюцинаціи и т. п., находятся въ состояніи настоящаго сомнамбулизма. Такимъ образомъ въ обоихъ случаѣахъ, благодаря тому, что внутренне продолжаетъ влиять на умъ субъекта, въ качествѣ ли частичнаго разстройства органовъ чувствъ, или въ потенциальной формѣ, какъ возможность (и даже необходимость) будущихъ галлюцинацій, дѣйствій и т. п., состояніе субъекта все еще продолжаетъ обнаруживать наиболѣе характерную, (собственно говоря, единственную характерную) черту сомнамбулизма: пассивность организма и, какъ слѣдствіе этого, его замѣчательную пластичность, т.-е. неспособность индивида самому опредѣлить свои дѣйствія, идеи и т. п. и легкую измѣняемость этихъ дѣйствій, идей и т. п. подъ влияніемъ посторонняго фактора. П. М.

P. S. По поводу спора о томъ, какое выраженіе удачнѣе: „отрицательная галлюцинація“ или „систематическая анестезія“, я приведу возраженіе Бернгейма, защищающаго свой терминъ: „отрицательная галлюцинація“ (Bernheim, „De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique“. Deuxième édition corrigée et augmentée, p. 64—6).

Выраженіе отрицательная галлюцинація, говоритъ Бернгеймъ, — посредствомъ которого мы обозначаемъ это явленіе, подверглось критикѣ со стороны гг. Бине и Фере. „Это название, говорятъ они, отмѣнно—дурно выбрано, ибо здѣсь вовсе не идетъ дѣло о галлюцинаціи. Нельзя хорошо понять природу этого разстройства ощущеній иначе, какъ сравнивая его съ систематическимъ параличомъ органовъ движенія... Для глаза, какъ и для руки, мы встрѣчаемся здѣсь съ особаго рода задержкой, которая производитъ систематический параличъ.“ („Rev. phil“, janvier 1885).

Мыѣ кажется, что мои уважаемые оппоненты заслуживаютъ того же упрека, который они мыѣ дѣлаютъ: они плохо поняли природу и значение этого явленія.

Когда я посредствомъ внушенія заставляю загипнотизованного или бодрствующаго, но способнаго къ гипнотическому сну, человѣка видѣть какой-нибудь воображаемый предметъ или отсутствующаго человѣка, то я создаю въ его мозгу извѣстный образъ, я вызываю зрительную галлюцинацію.

Если у того же субъекта и посредствомъ того же приема я дѣлаю не-видимымъ находящагося передъ нимъ человѣка или вещь, то я вовсе не парализую его глаза; субъектъ продолжаетъ видѣть все, исключая того, что ему внушено не видѣть. Я изглаживаю въ его мозгу извѣстный чувственный образъ; я нейтрализую или дѣлаю отрицательнымъ восприятіе этого образа: это я и называю отрицательной галлюцинацией.

Въ обоихъ случаяхъ психическихъ или психо-чувственныхъ явленія одного и того же порядка; въ обоихъ случаяхъ я вызываю галлюцинацію.

Затѣмъ, во всѣхъ сложныхъ галлюцинаціяхъ, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ, оба явленія сосуществуютъ. Сумасшедшій воображаетъ себя въ тюрьмѣ: онъ *видитъ* тюремныя стѣны, тюремщика, дѣнь, сковавшую его—вотъ чувственные образы, созданные его мозгомъ. Но, съ другой стороны, онъ *не видитъ* дѣйствительныхъ предметовъ, которые находятся вокругъ него, онъ не видитъ людей, окружающихъ его—вотъ дѣйствительные чувственные образы, изглаженные его мозгомъ.

Развѣ можно утверждать, что изъ этихъ двухъ порядковъ явлений, только одинъ первый составляетъ галлюцинацію, а что второй не есть галлюцинація? Выраженіе отрицательная галлюцинація кажется мнѣ вполнѣ пригод-

говорить о немъ, какъ объ отсутствующемъ¹); г. X. говорить ей, она его не слышитъ; но когда онъ ударяетъ по столу, она слышитъ шумъ и спрашиваетъ, откуда онъ.

V. О самопроизвольности въ сомнамбулизмѣ.

«Характерная черта дѣйствій, совершенныхъ значительное время спустя послѣ внушеній, состоить въ томъ, что субъекту кажется, будто побудительная причина, заставляющая выполнить это дѣйствіе въ моментъ, когда появляется идея о немъ, исходить отъ него самого, тогда какъ въ дѣйствительности, находясь подъ господствомъ побужденія, которое его заставили принять, онъ стремится къ цѣли съ фатальнойностью брошенную камня, а не съ тѣмъ обдуманнымъ и разсчитаннымъ усилиемъ, которое является причиной всѣхъ нашихъ разумныхъ дѣйствій».

Эти слова д-ра Льбо классически характеризуютъ состояніе воли при искусственномъ сомнамбулизмѣ.

Я могу сказать загипнотизированному во время его сна: черезъ десять дней, въ такомъ-то часу, вы сдѣлаете то-то; я могу написать это на бумагѣ, отмѣтить число и запечатать ее. Въ назначенный день и часъ дѣйствіе будетъ выполнено: субъектъ поступитъ точка въ точку такъ, какъ ему было внушено; дѣйствую, онъ будетъ убежденъ, что онъ свободенъ, онъ поступаетъ такъ потому, что хочетъ этого, что онъ могъ бы поступить иначе; однако, если я попрошу его распечатать бумагу, онъ найдетъ, что тамъ за десять дней впередь было предсказано дѣйствіе, которое онъ только что совершилъ. Слѣдовательно, мы можемъ считать себя свободными и не быть, однако, таковыми. На сколько же можемъ мы полагаться на свидѣтельство нашего сознанія, и не имѣемъ ли мы права отвергнуть это свидѣтельство, разъ что оно можетъ такъ обманывать насъ? И что станетъ съ доводомъ въ пользу свободы воли, ос-

тавляемъ для опредѣленія психического механизма явленія, имѣющаго связь съ положительной галлюцинацией.

П. М.

¹) По поводу этого нужно сказать два слова. Я не разъ видѣлъ, что субъекты, приведенные въ подобное состояніе отрицательной галлюцинаціи, дѣлали довольно непрятныя замѣчанія о людяхъ, которыхъ они считали отсутствующими.—«Г. X.! у него видъ сумасшедшаго!» сказала однажды мѣс. А. Е. при подобныхъ обстоятельствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, известно, что если кто-нибудь уходитъ изъ общества, то очень часто его уходъ является поводомъ къ маленькому разговору, не всегда благожелательному, на счетъ его.

нованномъ на имѣющемся у насъ чувствѣ свободы. Позволю себѣ сдѣлать выписку изъ моихъ „Элементовъ физиологии“:

„Мозговая дѣятельность въ извѣстный моментъ предста-
вляетъ совокупность ощущеній, идей, воспоминаній, изъ ко-
торыхъ только нѣкоторыя входятъ въ сознаніе настолько
сильно, что мы имѣемъ о нихъ точное и ясное представление,
тогда какъ другіе только проходятъ, не оставляя продолжи-
тельныхъ слѣдовъ; первыя можно бы сравнить съ отчетли-
выми и ясными ощущеніями, которыя даютъ зрѣніе въ цен-
тральной области желтаго пятна ¹⁾, а вторыя—съ неопре-
дѣленными ощущеніями, образующимися на периферіи сѣт-
чатки. Поэтому весьма часто случается, что въ извѣстномъ пси-
хическомъ процессѣ, составленномъ изъ послѣдовательного ряда
актовъ мозга, извѣстное число промежуточныхъ звеньевъ ускольз-
заютъ отъ насъ. Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что большая
часть явлений, происходящихъ въ насъ подобнымъ образомъ,
происходить безъ нашего вѣдома и (что особенно важно) что
эти ощущенія, эти идеи, эти эмоціи, на которыхъ мы не
обращаемъ никакого вниманія, могутъ, однако, дѣйствовать
возбуждающимъ образомъ на другіе мозговые центры и яв-
ляться такимъ образомъ *невѣдомою точкой исхода для дви-
женій, идей, побужденій, сознаніе которыхъ мы уже имѣемъ* ²⁾.“

Эти идеи получаютъ новое подтвержденіе въ томъ, что
мы замѣчаемъ при изученіи сомнамбулизма и специально при
наблюденіи состоянія воли сомнамбуль.

Особенно замѣчательно то, что если внушенное дѣйствіе
нѣсколько странно, нѣсколько необычайно, субъектъ подъис-
киваетъ основанія, чтобы сдѣлать то, что онъ дѣлаетъ, и
находитъ ихъ.

Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда внушенное дѣй-
ствіе имѣетъ слишкомъ странный или преступный характеръ,
вниманіе субъекта возбуждено, и онъ самъ удивляется если
не возникновенію самой идеи (ибо всякий знаетъ, какія стран-
ныя идеи пробѣгаютъ иногда въ нашемъ мозгу), то тому,
что эта идея прината его умомъ и прочно вкоренилась въ
немъ; тогда онъ чувствуетъ, что его воля бессильна; онъ со-
зnaетъ, что не можетъ поступить иначе, что никакое сопро-
тивление съ его стороны невозможно. Его можно тогда срав-
нить съ помѣшаннымъ, который подъ вліяніемъ *idée fixe*

¹⁾ Желтое пятно и заключающееся въ серединѣ его *fovea centralis retinæ* (центральная ямка сѣтчатки) есть место сѣтчатки глаза, дающее на-
больше отчетливыхъ зрительныхъ ощущеній. *П. М.*

²⁾ Beaunis, „Éléments de Physiologie“, 2-e édit., p. 1351.

убиваешь, крадешь, поджигаешь, находясь въ состояніи полнейшей невмѣнемости.

Однако, не вся самопроизвольность уничтожается при вызванномъ сомнамбулизмѣ, и я могу привести нѣсколько примѣровъ.

М-Не А. Е. усыплена; я приближаюсь къ ней и спрашиваю:

- Хотите видѣть сонъ?
- Мне все равно.
- Какой сонъ хотите вы видѣть?
- Какой вамъ угодно.
- Хотите отлично позавтракать?
- Нѣтъ.

Я перечисляю такимъ образомъ нѣсколько сновидѣній, которыхъ я ей предлагаю. На всѣ она даетъ отрицательный отвѣтъ.

- Хотите прогуляться?
- Да.
- Гдѣ?
- Въ саду т-ре Х.
- Вы тамъ. Довольны вы?
- Да.
- Что вы тамъ дѣлаете?

— Я гуляю по террасѣ (она сидѣтъ неподвижно) и т. п.

Она сохранила довольно самостоятельности, чтобы сдѣлать выборъ между различными, предложенными ей, сновидѣніями.

Я рѣшилъ испытать эту самостоятельность нѣсколько инымъ способомъ, дѣля субъекту внушенія, которыхъ я назову *неопределенные*.

Та же особа находится въ физиологической лабораторіи, куда я просилъ ее прійти для нѣкоторыхъ физиологическихъ опытовъ. Во время ея сна, я внушилъ ей, что послѣ пробужденія она увидитъ нѣчто очень хорошее, что ей очень понравится, и что она будетъ весьма довольна. Я ее разбудилъ, затѣмъ вновь усыпалъ, чтобы спросить ее, что она видѣла. Она видѣла дамъ въ прекрасномъ саду, имѣвшихъ роскошные туалеты, драгоценныя вещи, великолѣпныя одежды. (Она модистка и, сверхъ того, имѣть большой вкусъ относительно туалета).

Другой разъ я попытался сдѣлать ей иного рода *неопределенное внушеніе* и уже въ состояніи бодрствованія. Она только что пришла къ д-ру Льбо и совершенно бодрствовала. Я ей сказалъ:

— Черезъ минуту вы захотите сдѣлать нѣчто смѣшиое, что васъ очень забавить.

— Но что такое?

— Не знаю, но это будетъ нѣчто очень смѣшиое и оно заставитъ васъ смеяться.

Затѣмъ я ее оставляю. Черезъ минуту я вижу, какъ она смеется и закрываетъ лицо руками.

— О чѣмъ вы думаете?

— Ни о чѣмъ.

— Да?

— Я этого не сдѣлаю.

— А я вамъ говорю, что вы это сдѣлаете.

— Нѣть.

— Хотите пари?

— Нѣть.

И она все смотритъ въ уголъ комнаты, гдѣ стоитъ этажерка. Затѣмъ она выходитъ изъ комнаты и идетъ въ садъ; я иду за нею и нахожу ее стоящею и усыпленною.

— Почему вы себя усыпили?

— Потому что не хочу дѣлать того, что вы мнѣ приказали.

— Я вамъ ничего не приказывалъ; я даже не знаю, о чѣмъ вы думаете.

— Я сама это хорошо знаю.

— Почему же вы не хотите этого сдѣлать?

— Потому что надо мною будуть смеяться.

— Однако, вы это сдѣлаете?

— Да, я сдѣлаю это.

— Отлично; я не хочу васъ мучить—я освобождаю васъ отъ внушенія; но скажите сначала, о чѣмъ вы думали?

— Я думала одѣтъ моимъ платкомъ маленькую статуэтку, которая стоитъ на этажеркѣ.

Забавная мысль была, какъ видите, нѣсколько дѣтскою; но это превращеніе въ конкретную идею такого неопределеннаго внушенія, какъ внушеніе простаго чувствованія, мнѣ показалось любопытнымъ съ точки зрѣнія психологической.

Подобный же опытъ, произведенный надъ м-те Н. А., не привелъ ни къ какому результату.

Способъ, посредствомъ котораго внушенія реализуются у субъектовъ, и средства, которыя они иногда употребляютъ для противодѣйствія этимъ внушеніямъ, даютъ драгоценныя указанія на состояніе воли при сомнамбулизмѣ. Съ точки зрѣнія психологической, нѣть ничего любопытнѣе, какъ слѣдить по ихъ лицу за зарожденіемъ и развитіемъ внушенной

имъ мысли. Идетъ, напримѣръ, самый обыкновеннѣйшій разговоръ, не имѣющій никакого отношенія къ сдѣланному внушению. Вдругъ, гипнотизаторъ, который знаетъ въ чёмъ дѣло и, который слѣдить за субъектомъ, не показывая вида, замѣчаетъ, въ извѣстный моментъ, нѣчто въ родѣ остановки въ процессѣ мышленія, внутренній толчекъ, который обнаруживается какимъ-нибудь неуловимымъ знакомъ: взглядомъ, жестомъ, складкой на лицѣ—все равно чѣмъ; затѣмъ разговоръ продолжается, но мысль вновь возникаетъ, хотя еще слабая и неопределенная; замѣчается нѣсколько удивленный взглядъ; чувствуется, что что-то неожиданное пропаѓаетъ по временамъ черезъ умъ, какъ молния; скоро, однако, идея начинаетъ мало-по-малу усиливаться; она все болѣе и болѣе овладѣваетъ умомъ; начинается борьба; глаза, движения, все обнаруживаетъ, все говорить о внутренней борьбѣ; можно слѣдить за колебаніемъ мысли; субъектъ еще слушаетъ разговоръ, но машинально; онъ находится въ другомъ мѣстѣ; все его существо подчинено *idée fixe*, которая все болѣе и болѣе вкореняется въ его мозгу; но вотъ настаетъ моментъ—всякое колебаніе исчезаетъ, все его лице замѣчательно выражаетъ рѣшимость; онъ поднимается и выполняетъ внушенное дѣйствие.

Легко понять, что характеръ этой сцены измѣняется, смотря по тому, будеъ-ли внущенное дѣйствие смѣшнымъ, печальнымъ, забавнымъ, страннымъ или преступнымъ; но всегда общее выражение физіономіи передаетъ съ необыкновенною вѣрностью и невѣроятною силой внутреннія движениа, предшествующія выполненію, и всю эту борьбу между волею субъекта и фатальнойностью идеи, вызванной гипнотизмомъ. Подобное зрѣлище было бы весьма поучительно для художниковъ, актеровъ, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ дѣло съ этимъ высшимъ качествомъ искусства: передачей выраженія.

Эта внутренняя борьба бываетъ болѣе или менѣе долгою, болѣе или менѣе энергическою, смотря по природѣ внушеннаго дѣйствія и особенно смотря по самому состоянію сомнамбула. Если субъектъ былъ часто гипнотизованъ и особенно если онъ былъ гипнотизованъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, то этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ надъ нимъ такую власть, что самыя необычайныя, самыя тяжелыя, даже самыя опасныя дѣйствія выполняются безъ видимой борьбы и безъ замѣтной попытки къ сопротивленію.

Затѣмъ, субъекты не всегда находятся въ тожественныхъ условіяхъ; бываютъ дни, когда они труднѣе повинуются и

болье сопротивляются внушеніямъ. Это случалось иногда съ м-ле А. Е. „Вы сегодня упрямы“, говорилъ я ей. Это особенно случается, если проходитъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ субъектъ не былъ усыпленъ; въ этихъ случаяхъ, повидимому, тѣсная связь между гипнотизаторомъ и гипнотизуемымъ ослабляется.

Наоборотъ, если субъектъ былъ усыпленъ нѣсколько дней сряду и нѣсколько разъ въ день, то внушеніе осуществляется съ величайшою легкостью.

Во всякомъ случаѣ, даже когда субъектъ сопротивляется, всегда возможно заставить его исполнить желаемое дѣйствіе, стоитъ только настаивать на этомъ и дѣлать внушенія энергически. Въ сущности, тутъ полный автоматизмъ, и субъектъ сохраняетъ лишь столько воли и самонпроизвольности, сколько захочетъ оставить ему гипнотизаторъ.

Поэтому, въ противность мнѣнію Питра¹⁾, я расположењъ признать въ принципѣ безответственность сомнамбуль. Случаи сопротивленія внушеніямъ тщательно отмѣчались; ихъ можно найти въ трудахъ Бернгейма и Питра; но эти примѣры рѣдки, и я убѣжденъ, что посредствомъ постепенного упражненія и своего рода воспитанія всегда можно достигнуть того, чтобы заставить сомнамбула выполнить дѣйствіе, которое для него наиболѣе непріятно. Самъ Питръ принужденъ допустить, что „врачъ, призванный дать свое заключеніе о степени ответственности человѣка, совершившаго безнравственное или преступное дѣйствіе подъ вліяніемъ внушенія, всегда долженъ будетъ признать неответственность обвиняемаго передъ закономъ“.

Какъ бы то ни было, не будь неумѣстнымъ изучить способы, посредствомъ которыхъ гипнотизуемые могутъ сопротивляться внушеніямъ, и различные приемы, которые они употребляютъ для этой цѣли, однимъ словомъ, тѣ причины, благодаря которымъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, внушенія не удаются. Начну съ двухъ наблюдений, представляющихъ примѣры подобныхъ сопротивленій внушеніямъ и которыхъ, сверхъ того, интересны и съ другихъ точекъ зренія.

М-ле А. Е. усыпана простымъ приказаниемъ: „Спите“. Когда она заснула, я сказалъ ей:

— Слушайте хорошенько: когда васъ разбудятъ, вы пойдете въ столовую, отворите нижнюю дверь буфета и возьмете изъ корзинки для серебра серебряную ложечку. Послѣ этого, боясь, чтобы ее не нашли у васъ, вы ее спрячете въ кар-

¹⁾ Pitres, „Des Suggestions hypnotiques“.

мень вашей подруги, такъ чтобы она этого не замѣтила (ея подруга, м-ше Н. А., при этомъ присутствовала). Вы не будете помнить, что это я приказалъ вамъ сдѣлать, и если васъ спроситъ кто нибудь объ этомъ, вы не будете ничего знать.

Затѣмъ я ее пробуждаю. Спустя мгновеніе, ея лицо выражаетъ настоящее беспокойство; она странно смотритъ на часы; затѣмъ, послѣ минуты колебанія, она поднимается и идетъ рѣшительнымъ шагомъ въ столовую. Мы слышимъ, какъ открывается буфетъ, слышимъ затѣмъ звукъ перебираемаго серебра, а немногого спустя—шелестъ бумаги. Затѣмъ она возвращается въ комнату, въ которой мы находимся; она очень красна и очень взволнована.

— Что ты тамъ дѣлала? спрашиваетъ ее м-ше Н. А.

— Я? Ничего.

И она продолжаетъ бесѣдоватъ съ нами самымъ естественнымъ образомъ. Мы выходимъ изъ комнаты и гуляемъ по саду. Спустя некоторое время, видя, что вторая половина внушенія не осуществляется (она должна положить ложечку въ карманъ подруги), я ее снова усыпляю, продолжая гулять, и затѣмъ спрашиваю у нея:

— Что вы только-что сдѣвали?

Тогда она отвѣчаетъ самымъ спокойнымъ голосомъ, какъ бы принявши уже рѣшеніе и готовая на все:

— Я украла серебряную ложку.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Вы, вѣдь, знаете, что это очень дурно?

— Я не могла поступить иначе, это не моя вина: меня что то принуждало.

— Что вы съ нею сдѣвали?

— Я положила ее въ мой свертокъ (свертокъ былъ обернутъ бумагой и находился въ столовой).

— Почему вы не положили ее въ карманъ вашей подруги?

— Я не хотѣла, чтобы ее подозрѣвали; украла я, и все должно пастъ на меня.

— Чтобы вы сдѣвали съ этой ложкой? Гдѣ бы вы ее спрятали? Въ вашей комнатѣ?

— Я бы ее не сохранила; я не захотѣла бы пользоваться украденою ложкой; я бы ее выбросила.

Послѣ пробужденія она ничего не помнитъ.

М-ше Н. А., которая присутствовала при этой сценѣ, сказала мнѣ, что она не думаетъ, чтобы она поддалась по-

добному внушению; я предложилъ ей испытать это. Я усыплюю ее фиксацией взгляда, причемъ она предупредила меня, что употребить всѣ усилия, чтобы противостоять внушению. Усыпивши ее, я сказалъ ей:

— Послѣ пробужденія вы возьмете ту же ложечку и спрячете въ свой карманъ. Затѣмъ я прибавилъ: какъ бы сильно вы ни боролись, вы не будете въ состояніи поступить иначе.

Я пробуждаю ее. Тогда передъ нами разыгрывается одна изъ любопытнѣйшихъ сценъ: внутренняя борьба, происходящая въ ея умѣ; ея весьма выразительное и весьма подвижное лицо обнаруживаетъ весь ходъ жесткой борьбы между ея волею и властью сдѣланнаго ей внушенія; ея черные глаза выражаютъ всю сосредоточенность мысли, занятой идеей воровства, которая водворилась въ ея умѣ; ея лицо выражаетъ мрачную рѣшимость; художнику, который захотѣлъ бы изобразить Клитемнестру или леди Макбетъ, оставалось бы только точно скопировать образецъ, который мы имѣли передъ глазами.

Очевидно, происходитъ ожесточенная борьба между добромъ и зломъ; но какъ бы ни была ожесточенна эта борьба, она непродолжительна. М-ти Н. А. поднимается съ своего кресла; по ея суровой, нѣсколько жесткой вѣшности видно, что она приняла рѣшеніе; она идетъ къ окошку, останавливается на мгновеніе, вновь идетъ, снова останавливается, затѣмъ идетъ прямо къ буфету, отворяетъ его, беретъ ложку и прячетъ въ карманъ. Въ этотъ моментъ всякой слѣдъ недавней внутренней борьбы исчезаетъ, ея лицо принимаетъ свое обыденное выраженіе; она спокойна, слегка улыбается. Мы послѣдовали за нею въ столовую.

— Что вы тамъ дѣлаете? спросилъ я.

— Ничего.

— Что вы только-что сдѣлали?

— Ничего, отвѣчаетъ она съ самымъ невиннымъ видомъ.

Я смотрю на нее и говорю: Спите. Она немедленно засыпаетъ.

— Что вы только-что сдѣлали?

— Я украла серебряную ложку.

— Зачѣмъ?

— Я не могла поступить иначе.

— Что бы вы съ нею сдѣлали?

— Я бы ее сохранила.

Я вновь пробуждаю ее. Она ничего не помнитъ и очень удивлена, когда я говорю ей, что она взяла серебряную ложку,

какъ и ея подруга. Это былъ первый случай для обоихъ субъектовъ, когда имъ сдѣлали подобного рода внушеніе.

Эти два наблюденія интересны не только съ точки зре-
нія сопротивленія внушеніямъ; они показываютъ еще, до чего
можно дойти при помощи гипнотизма въ томъ, что я назову
изслѣдованіемъ человѣческой души. Извѣстны зондироваія,
произведенныя въ послѣднее время естествоиспытателями для
изученія дна моря; бросаютъ зондъ и вытягиваютъ на бортъ
корабля образцы, которые показываютъ, какова животная
жизнь въ глубинѣ океана¹⁾). Не то ли самое имѣемъ мы
здѣсь? Бросаютъ, такъ сказать, зондъ въ глубину человѣчес-
кой души и извлекаютъ фразы, идеи, чувствованія, которыхъ
дозволяютъ проникнуть въ глубину нравственной жизни, въ
то, что имѣется у насъ самаго скрытаго и самаго таинст-
венного.

Вотъ двѣ молодыя женщины, приблизительно одинако-
ваго воспитанія, живущія въ одной и той же средѣ; не
нужно было бы долго наблюдать ихъ, чтобы получить поня-
тие объ ихъ умѣ, ихъ характерѣ, ихъ недостаткахъ и ихъ
достоинствахъ; но самого нравственнаго существа, существа
скрытаго, лежащаго въ самой глубинѣ насъ самихъ и могу-
щаго обнаружиться подъ вліяніемъ даннаго импульса—этого
вы не узнали бы; да и онѣ сами не знаютъ его. Вы ихъ гип-
нотизуете, и это нравственное существо обнаруживается съ
полною откровенностью. Повидимому, обѣ онѣ созданы по од-
ному образцу, и, однако, какая между ними разница! Очевидно,
что въ нравственномъ отношеніи одна гораздо выше
другой. Развѣ отвѣты обоихъ субъектовъ не бросаютъ неожи-
даннаго свѣта на то, что у нихъ есть самаго скрытаго и са-
маго интимнаго, и развѣ мы не имѣемъ здѣсь настоящаго
психологического опыта?

Но возвращусь къ сопротивленію внушеніямъ. Въ иныхъ
случаихъ эта внутренняя борьба можетъ продолжаться очень
долго, но субъектъ въ концѣ концовъ всегда уступить.

Я наблюдалъ подобный случай на т-ре Н. А. Ей было
внушено (во время ея бодрствованія), что она возьметъ порт-
моне изъ кармана М. Л. Она сопротивлялась; прошло болѣе
получаса, она не выполняла внушенія. Повидимому, она даже
не думала болѣе о немъ и спокойно бесѣдовала съ окружа-
ющими; но когда она стала уходить, когда ея нога была уже
на порогѣ двери, она вдругъ возвратилась назадъ, подошла
къ М. Л. и взяла его портмоне. Это произошло два дня послѣ

¹⁾ См. *Expedition du Talisman (Science et Nature. Paris. 1884).*

веровства ложки. Борьба продолжалась дольше, но она была безспорно менѣе жестокою, и т-те Н. А. уступила и на этот разъ; непреоборимое влияніе внушенія было сильнѣе ея воли.

Въ некоторыхъ случаяхъ сопротивленіе внушенію принимаетъ другія формы.

Штирь упоминаетъ о сомнамбулѣ, которая не позволяла пробуждать себя, когда ей было внушено, что послѣ пробужденія она совершила дѣйствіе, которое было для нея особенно непріятно..

У т-ле А. Е. я замѣтилъ совершенно особенный пріемъ сопротивленія, примѣръ котораго я є уже далъ выше. Если я дѣлалъ ей внушеніе въ состояніи бодрствованія, ей не разъ удавалось, потому ли, что внушеніе было ей непріятно, или потому, что она просто хотѣла попытаться сопротивляться, самопроизвольно усыплять себя въ тотъ моментъ, когда ей слѣдовало выполнить внушенное дѣйствіе. Въ этомъ самопроизвольномъ снѣ она была въ сношеніи только со мною, какъ будто бы усыпилъ ее я самъ. Сначала это средство ей удавалось; но узнавши его, я принялъ предосторожности: когда я хотѣлъ сдѣлать ей внушеніе, но опасался сопротивленія съ ея стороны, мнѣ стоило только прибавить: „И я запрещаю вамъ засыпать“, чтобы внушеніе было выполнено безъ всякой попытки съ ея стороны усыпить себя.

Интересно наблюдать, съ какою изобрѣтательностью за-гипнотизованные отыскиваютъ средства для сопротивленія непріятнымъ для нихъ внушеніямъ. Наряду съ открытымъ сопротивленіемъ, которое они пытаются оказывать, но которое имъ, вообще, не удается, существуетъ еще сопротивление скрытое, замаскированное, которое имъ иногда удается, потому что гипнотизаторъ не обдумаетъ всего.

Такъ, я внушилъ однажды т-ле А. Е., что она не будетъ въ состояніи произносить ни одной гласной, исключая гласной о, и что каждый разъ, когда ей встрѣтится въ словѣ иная гласная, она замѣнитъ ее гласною о. Сдѣлавши свое внушеніе, я ее разбудилъ, но я забылъ внушить ей, чтобы она говорила; поэтому она замолчала, какъ нѣмая, и это длилось почти полчаса, пока я, чтобы не мучить ея, уничтожилъ внушеніе.

Вообще, гипнотизаторъ долженъ весьма внимательно относиться къ тѣмъ словамъ, которые онъ говоритъ субъекту, надъ которыми онъ производить опытъ: онъ долженъ вполнѣ проникнуться тою мыслью, что ничто сказанное имъ не теряется для гипнотизуемаго, все вниманіе котораго сосредото-

чию на томъ, кто его усыпляетъ, и что слова, повидимому, самыя незначительныя, которыхъ произносятся машинально, безъ сознанія, жадно воспринимаются субъектомъ и могутъ сдѣлаться для него исходнымъ пунктомъ идей и внушеній, происхожденіе которыхъ впослѣдствіи можно будетъ объяснить только съ трудомъ.

Въ некоторыхъ случаяхъ сопротивление внушенію принимаетъ особенную форму, которая требуетъ полнаго вниманія гипнотизатора и о существованіи которой нужно знать заранѣе, это—различные нервные припадки, слезы, конвульсіи и т. п. Эта форма наблюдается особенно у истерическихъ особы и гораздо рѣже у особы здоровыхъ. Однако, даже и у этихъ послѣднихъ припадки могутъ появиться, если ихъ подвергаютъ слишкомъ частымъ опытамъ, непріятнымъ внушеніямъ, если внушаютъ имъ слишкомъ сильныя чувства; примѣры этого можно найти почти у всѣхъ авторовъ, занимавшихся этими вопросами¹⁾. Въ этомъ отношеніи необходимо быть слишкомъ осторожнымъ, и когда считаешь нужнымъ сдѣлать подобного рода внушеніе, слѣдуетъ внимательно сдѣлать за субъектомъ и прерывать внушеніе, лишь только замѣтить наступленіе эмоціональнаго состоянія, которое можетъ заставить опасаться припадка.

Нужно еще отмѣтить одну особенность, а именно: наряду съ сопротивлениемъ, оказываемымъ гипнотизируемымъ внушенію, существуетъ иногда сопротивление исчезновенію внушенія. Я уже упомянулъ объ одномъ подобномъ случаѣ; приведу теперь другой:

Во время сиа m-lle A. E. я внушилъ ей, что она на балу и вальсируетъ (она очень любить балы). Я говорю ей:

- Вы вальсируете?
- Да.

Она сидѣть неподвижно. Мало по малу ея дыханіе ускоряется; ея обыкновенно блѣдное лицо расцвѣтаетъ, она красна и, повидимому, нѣсколько запыхалась.

- Остановитесь, говорю я ей,—не вальсируйте болѣе.
- Нѣтъ, я хочу продолжать.
- У васъ закружится голова.
- Нѣтъ.
- Остановитесь.
- Нѣтъ.

Затѣмъ мнѣ нужно было сдѣлать нѣсколько энергиче-

¹⁾ См. Cullere, „Magnetisme et Hypnotisme“. Paris. 1885.

Бони. Гипнотизмъ.

скихъ приказаний, пока она согласилась и сказала: „Я оста-
навливаюсь“. И сейчас же ея лицо, весьма живо выражав-
шее радость, принимаетъ видъ спокойнаго безстрастія, свой-
ственнаго гипнотическому сну; въ тоже время ея кровообра-
щеніе и дыханіе замедляются и дѣлаются правильными.

Есть некоторые особенные случаи, когда внушения не удаются.

Такъ, если я говорю сомнамбуль: „Никто не будетъ въ состояніи сдѣлать вамъ внушеніе втеченіе двухъ недѣль“, то втеченіе этого времени ее можно будетъ усыпить, но никакое внушеніе не удастся.

Впрочемъ, то же можно сказать и о снѣ, какъ это мы видѣли выше.

Отказ отвечать на вопросы во время гипнотического сна есть также одна изъ формъ сопротивленія. Этотъ отказъ бываетъ иногда весьма упорнымъ и сопротивление можетъ продолжаться долго; но если гипнотизаторъ энергически поддерживаетъ свою волю посредствомъ усиленного утвержденія, если онъ одновременно усиливаетъ глубину и интенсивность гипнотического сна, то онъ всегда восторжествуетъ. Только вопросы должны быть точными и часто бываетъ необходимо умножать ихъ. Здѣсь опять нужно принять во вниманіе, что гипнотизуемый сохранилъ сознаніе и остатокъ воли, что онъ склоненъ увернуться отъ нѣкоторыхъ вопросовъ и что его отвѣты будутъ прямо относиться къ предложенными вопросамъ. Онъ можетъ отказаться отвѣтить на общіе вопросы, но весьма рѣдко онъ отказывается отвѣтить на точный вопросъ, относящейся къ какому нибудь факту или къ опредѣленному пункту.

Нѣть надобности настаивать на опасности, представляющей
этою почти полную невозможностью не отвѣтить на во-
просы. Полезно, однако, знать, до чего можно дойти въ этомъ
отношениі; я приведу два примѣра, которые, впрочемъ, были
единственными, когда я простеръ свою нескромность и
сколько далеко.

Я спрося

— Любите ли вы когонибудь

— Нѣтъ

— Любили ли вы когонибудь?

— 10 —

— Да.
— Кого?

— 1000:
M. X

— Любите ли вы еще его?

— Я думаю о чём-нибудь

и думают о нем в городе Константино-
польском.

Второй примѣръ относится къ тому времени, когда я былъ еще студентомъ. М-се X. была, какъ говорятъ англичане, *sleep-talking*: она говорила громко во время сна. Однажды я воспользовался, быть можетъ, нѣсколько нескромно, тѣмъ моментомъ, когда она такимъ образомъ говорила во время сна, чтобы отвѣтить ей и завязать съ нею настоящій разговоръ. Она была въ состояніи совершенно аналогично мъ состоянію вызванного сомнамбулизма; я заставилъ ее рассказать мнѣ всю ея прошлую жизнь, и, между прочимъ, она сообщила мнѣ, что у нея было ребенокъ, чего никто изъ окружающихъ не зналъ и что она тщательно скрывала. Попавъ въ пробужденія, она была крайне испугана, когда я рассказалъ ей все, что она мнѣ сообщила, и умоляла меня сохранить тайну, разглашеніе которой могло бы имѣть для нея самыя тяжелыя послѣдствія.

Подобнаго рода факты уже наблюдались.

Демаркэ и Жиро-Тейлонъ¹⁾ упоминаютъ о дамѣ, которая, будучи загипнотизованною, стала сообщать имъ такія опасныя для нея тайны, что они поспѣшили разбудить ее.

Д-ръ Льебо²⁾ разсказываетъ, что одна молодая девушка, будучи усыпленною, сообщила ему такую полную свою исповѣдь, какъ будто она говорила своему духовнику.

Существуетъ ли, съ точки зрѣнія легкости сопротивленія, различіе между внушеніями, сдѣланными во время гипнотическаго сна, и внушеніями, сдѣланными въ состояніи бодрствованія? А priori казалось бы, что подобное различіе должно существовать и что субъектамъ легче сопротивляться внушеніямъ, сдѣланнымъ въ состояніи ихъ бодрствованія. И, дѣйствительно, это обыкновенно случается, по крайней мѣрѣ, у людей, которыхъ не слишкомъ часто гипнотизировали и надъ которыми воля гипнотизатора не пріобрѣла еще слишкомъ большой власти. Но если человѣкъ дошелъ до того состоянія, когда онъ безусловно подчиненъ волѣ гипнотизатора, тогда сопротивленіе для него такъ же трудно въ состояніи бодрствованія, какъ и въ гипнозѣ. Поэтому я не выражусь такъ утвердительно, какъ д-ръ Бремо, когда онъ говоритъ:

„Явленія внушенія въ состояніи бодрствованія (весьма отличаюшись этимъ отъ аналогичныхъ явлений, полученныхъ въ состояніи хорошо выраженаго гипноза) подчинены волѣ и разуму самого субъекта, и всякий индивидъ, мужчина или женщина, который подчинился внушенію въ состояніи бодрствованія“.

¹⁾ Demarquay et Giraud-Teulon, „Recherches sur l'hypnotisme“. Paris. 1860.

²⁾ Liébeault, „Le Sommeil“.

ствованія, сдѣлается совершенно непокорнымъ въ этомъ самомъ состояніи бодрствованія, лишь только ему покажутъ (что, въ сущности, легко сдѣлать), какое участіе принимало его воображеніе въ выполненіи этихъ дѣйствій"¹⁾.

По моему мнѣнію, здѣсь все зависитъ отъ интенсивности вызванного сомнамбулическаго состоянія. Я показалъ выше, что это состояніе бодрствованія нельзя сравнивать съ обыкновеннымъ бодрствованіемъ: это настоящее сомнамбулическое состояніе, совершенно особенное, въ которомъ дѣятельность мозга глубоко измѣнена. Большинство людей, надъ которыми производились мои наблюденія, отлично знаютъ, что здѣсь неѣтъ ничего чудеснаго; они приняли мѣры противъ попытокъ внушенія; имъ было отлично объяснено, что полученные явленія суть результатъ ихъ воображенія, что дѣйствительная причина лежитъ въ нихъ самихъ, а не въ гипнотизаторѣ; несмотря на все это, они повиновались внушению.

Это произошло потому, что *одного воображенія* субъекта еще недостаточно, чтобы внушеніе осуществилось; нужно еще, чтобы внушеніе было сдѣлано при особенномъ состояніи ума субъекта, при вызванномъ снѣ или при сомнамбулическомъ бодрствованіи. Справедливость этого доказывается слѣдующими фактами.

М-Це А. Е. была утромъ усыплена Льебо. Уходя вмѣстѣ съ нею отъ Льебо, я сказалъ ей, среди бесѣды о разныхъ предметахъ: „Кстати, знаете ли, что д-ръ Льебо во время вашего сна внушилъ вамъ, что вы заснете на пять минутъ въ три часа пополудни“. На другой день утромъ я спросилъ у ея подруги, спала ли она наканунѣ. Она не только не спала, но даже сказала въ три съ половиною часа: „Странно, у меня не было охоты спать“. Однако, она имѣла, вслѣдствіе моихъ словъ, идею о томъ, что должна заснуть въ три часа, но одна эта идея не могла вызвать сна, потому что она не была ей *внушена*. Если бы, вмѣсто того, чтобы сказать ей: „Г. Льебо внушилъ вамъ заснуть“, что въ дѣйствительности, была неправда, я сказалъ ей просто: „Вы заснете на пять минутъ въ три часа“, она неизбѣжно заснула бы, какъ это я наблюдалъ много разъ.

Другой случай. Передъ отѣзdomъ своимъ изъ Нанси, я далъ той же А. Е. жетоны, говоря ей: „Когда вы захотите усыпить себя, бросьте только этотъ жетонъ въ стаканъ съ сахарною водою и вы немедленно уснете“. Такъ какъ я со-

¹⁾ Brémaud, „Société de biologie“ p. 279.

общилъ ей еще болѣе простое средство для самоусыпленія; о чмъ уже было сказано выше, то она не прибѣгала къ помоши жетоновъ. Однако, ей захотѣлось однажды испытать ихъ, но такъ какъ ея память въ обыденномъ состояніи очень слаба, то она не могла вспомнить, какую жидкость должна она при этомъ употребить. Она сдѣлала попытку съ обыкновенной водою — неудача; съ виномъ — опять неудача; съ подкрашенной водою — такой же отрицательный результатъ; съ сахарною водою — сонъ немедленно наступилъ, какъ было мною внушено. Очевидно, воображеніе не могло играть здѣсь никакой роли, ибо она совершенно не помнила, какая жидкость должна была ее усыпить, и все это произошло, такъ сказать, за кулисами и безъ ея вѣдома.

VI. О состояніи ума при искусственномъ сомнамбулизмѣ.

Каково состояніе ума загипнотизованного во время его сна? Дѣятеленъ ли при этомъ умъ и думаютъ ли субъекты о чмъ нибудь? Основываясь на своихъ наблюденіяхъ, я склоненъ предполагать, что тутъ мы встрѣчаемъ случай полнаго покоя мышленія, пока субъекту не сдѣлано внушенія. Если спросить субъекта, погруженного въ гипнотический сонъ (а я часто дѣлалъ этотъ вопросъ): О чмъ вы думаете? Онъ почти всегда отвѣтитъ вамъ: *ни о чмъ*. Слѣдовательно, загипнотизованный находится въ состояніи настоящей умственной инерціи или, скорѣе, умственного покоя, что, въ сущности, вполнѣ согласуется съ его вѣшнимъ видомъ; тѣло его неподвижно, лицо безстрастно; вся фигура его принимаетъ такое выраженіе спокойствія и безмятежности, какого она рѣдко достигаетъ при обыкновенномъ снѣ. Конечно, у загипнотизованныхъ нѣть ни сновидѣній, ни какихъ либо мыслей, ибо, несмотря на то, что они, будучи вновь усыплены, отлично помнятъ все, что произошло съ ними во время ихъ сна, они ничего не могутъ припомнить изъ того гипнотического сна, въ которомъ имъ не было сдѣлано внушенія.

Поэтому, вопреки мнѣнію многихъ врачей, я считаю гипнотический сонъ безъ внушеній болѣе возвстановляющимъ, чмъ обыкновенный сонъ, и на основаніи наблюдений, сдѣланныхъ мною у Льбо, а также и моихъ собственныхъ опытовъ, я думаю, что часть цѣлебнаго дѣйствія, производимаго гипнотизмомъ, должна быть приписана этому благотельному свойству искусственного сна. Я не буду на-

стаивать здѣсь на этомъ вопросѣ, я упоминаю о немъ только мимоходомъ.

Единственная вещь, важная съ точки зрења психологической, это—бездѣятельность, полный покой мысли во время гипнотического сна.

Часто задавали вопросъ, бездѣятеленъ ли мозгъ при обыденномъ снѣ, и много доводовъ было приведено за и противъ; мнѣ кажется, что факты, которые я только что привѣль, позволяютъ разрѣшить вопросъ, и я думаю, что при глубокомъ естественномъ снѣ мозгъ, въ сущности, такъ-же бездѣятеленъ, какъ и при снѣ искусственномъ.

Эта бездѣятельность мысли, какъ мы видѣли, есть только условная бездѣятельность; достаточно малѣшаго внушенія, малѣшаго слова, произнесенного гипнотизаторомъ, чтобы эта бездѣятельность уступила мѣсто дѣятельности, которая можетъ оказаться очень значительною, быть можетъ, даже болѣею, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, сужденія загипнотизованныхъ мнѣ казались весьма здравыми, и они разсуждали вообще весьма правильно и логически. „Больше всего насъ поражала, — говорить д-ръ Льебо,—сила ихъ дедукціи; къ какимъ-бы выводамъ ни привела ихъ умственная дѣятельность, но ходъ ихъ разсужденій былъ скоръ и логиченъ“; и я вполнѣ согласенъ съ этими словами. Я не считаю правильнымъ рассматривать загипнотизованного „какъ безсознательную машину, неспособную разсуждать и имѣть сужденія“¹⁾). Справедливо только то, что имъ нуженъ первый толчекъ, внушеніе; но разъ что этотъ толчекъ данъ, интеллектуальная машина (продолжаемъ сравненіе) приходитъ въ движеніе и можетъ даже дѣйствовать правильнѣе и точнѣе, чѣмъ въ состояніи бодрствованія.

Однако, я не могъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, замѣтить на тѣхъ людяхъ, которыхъ я наблюдалъ, чудесныхъ явлений, допускаемыхъ некоторыми магнетизаторами, какъ, напримѣръ, отгадываніе мыслей, ясновидѣніе, даръ предсказанія и т. п. Каждый разъ, когда внушеніе, которое я хотѣлъ сдѣлать, не было выражено тѣмъ или инымъ способомъ, когда я только думалъ о немъ, оно не удавалось. Никогда также субъектъ не могъ отгадать, какого рода вещь держу я въ руки; никогда онъ не могъ сказать, о чёмъ я думалъ или что я дѣлалъ въ тотъ или другой моментъ. Я не думаю, однако, совершенно отрицать эти явленія, въ виду утвержденій весьма

¹⁾ Pitres, p. 19.

авторитетныхъ ученыхъ; я могу сказать: (только, что самъ я ихъ никогда не наблюдалъ!). Что касается предсказаний, то я скажу о нихъ то же самое. Можно предсказать дѣйствие, которое совершилъ субъектъ, ибо это дѣйствие было ему внушено; но я никогда не встречалъ субъекта, который бы возвѣстилъ заранѣе о какомъ-нибудь событии и которого предсказание осуществилось бы.

Существуетъ только одного рода исключеніе, дѣйствительность которого была уже часто засвидѣтельствована (и я самъ наблюдалъ подобные примѣры). Можетъ случиться, что сомнамбулы, страдающіе какою-либо болѣзнью, особенно нервными припадками, предсказываютъ день и часъ болѣзниенного припадка, говорятъ, выздоравливаютъ ли они или нетъ, предвидялъ время своего выздоровленія, но весьма вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ самовнушеніемъ.

Я замѣчалъ еще нѣсколько разъ одно явленіе, которое мнѣ кажется стоящимъ въ сомнѣнія, а именно, что нѣкоторые субъекты узнаютъ посредствомъ осозанія (или, по крайней мѣрѣ, безъ помощи зрѣнія и слуха) поль и приблизительный возрастъ людей, съ которыми ихъ приводятъ въ сношеніе.

Сверхъ того, когда ихъ приводятъ въ сношеніе съ больною особою, которой они не знаютъ, то случается иногда (и слишкомъ часто для того, чтобы это было простымъ случаемъ), что они отгадываютъ, какая часть тѣла больна у этой особы. Нѣкоторые сомнамбулы, въ особенности ш-те М., кажутся мнѣ замѣчательными съ этой точки зрѣнія. Но нужно также сказать, что они часто ошибаются.

Всѣ эти явленія, какими бы странными они намъ не казались, могутъ быть, однако, объяснены усиленной дѣятельностью органовъ чувствъ, чрезмѣрной гиперестезіей чувствъ, существованіе которой при сомнамбулизмѣ доказано; мы должны, быть можетъ, сдѣлать исключеніе только для послѣднаго явленія, для которого нужно предположить особенную органическую чувствительность.

Къ изслѣдованию состоянія ума загипнотизованныхъ примѣкается одинъ вопросъ, который меня особенно интересовалъ и который я старался изучить и разрѣшить. Могутъ ли сомнамбулы лгать во время своего сна?

¹⁾ Я могъ бы здѣсь сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ состояніи вопроса объ умственномъ внушеніи, но такъ какъ авторъ говоритъ объ этомъ явленіи еще и въ „Приложеніи“, то я и отлагаю свою замѣтку до этого „Приложения“.

П. М.

Питръ¹⁾ отвѣтъ на этотъ вопросъ утвердительно. По его мнѣнію, нѣкоторые субъекты могутъ лгать во время гипнотического сна сознательно и произвольно. Будучи спрошены о фактахъ, которые они знаютъ, о событияхъ, которыхъ они твердо помнятъ, они могутъ давать отвѣты, противные истинѣ²⁾; въ подтверждение своего мнѣнія, онъ приводить примѣръ одной дамы, которую онъ заставилъ, посредствомъ внушенія во время ея сна, совершить убийство, и которая при слѣдующемъ снѣ созналась въ этомъ убийствѣ, только будучи подавлена вопросами и послѣ энергического отрицанія.

Что касается меня, я никогда не могъ поймать во лжи ни одного изъ тѣхъ субъектовъ, которыхъ я наблюдалъ; они иногда отказывались отвѣтить на мои вопросы; если мои вопросы были имъ непріятны, они просто говорили: „я ничего не хочу отвѣтить“, и умолкали; никогда не сказали мнѣ ничего противнаго истинѣ. Нѣсколько разъ я думалъ, что поймалъ ихъ въ ошибочномъ изображеніи нѣкоторыхъ подробностей, но, послѣ провѣрки, долженъ былъ признать, что это я ошибался и что виновата была моя память, а не ихъ добросовѣстность.

Я выше говорилъ о случаяхъ, когда субъекты рассказывали такія подробности, о которыхъ они, конечно, предпочли бы умолчать, если бы это было въ ихъ власти. Я часто прерывалъ ихъ словами: „Вы говорите мнѣ неправду“ и всегда во время сомнамбулического сна ихъ отвѣтъ былъ одинаковъ: „Я не могъ бы (не могла бы) лгать“.

Впрочемъ, возможно, что, имѣя дѣло съ порочными натуройами, мы получили бы иной результатъ, и было бы любопытно узнать, какъ вели бы себя во время гипнотического сна профессиоанльные преступники, напримѣръ, воръ или убийца. Безспорно, подобныя изслѣдованія были бы затруднительны и пришлось бы быть настороже противъ вѣроятнаго притворства, но какъ бы то ни было, эти опыты представили бы большой интересъ съ психологической точки зренія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, при гипнотизмѣ нравственное существо человѣка вполнѣ обнаруживается не только посредствомъ дѣйствій, но и посредствомъ самыхъ сокровенныхъ мыслей и чувствъ; все обнаруживается: пороки, недостатки, причуды, доброты, страсти, все выставляетъ себя на показъ съ неумолимою

¹⁾ Pitres, „Des suggestions hypnotiques“.

²⁾ Pitres, page 60.

откровенностью, съ полною наивностью. Видѣть какъ на ладони душу какого-нибудь Ласенэра, какой предметъ изслѣдованія для философа! И кто знаетъ, не встрѣтиль ли бы онъ при этомъ изслѣдованіи какого-нибудь чистаго чувства, этого алмаза, затерянаго въ грязи, какого-нибудь военноминанія дѣтства, которое, будучи выдвинуто впередъ посредствомъ внушенія, могло бы сдѣлаться точкою исхода для нравственнаго обновленія преступника, для возвращенія его къ добру?

VII. О сношениі загипнотизованнаго съ гипнотизаторомъ.

Одинъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ искусственнаго сомнамбулизма, это—сношеніе субъекта съ тѣмъ, кто его усыпалъ.

„Наблюдение установило, говоритъ д-ръ Либо¹⁾,—что почти всѣ искусственные сомнамбулы находятся въ сношениі посредствомъ органовъ чувствъ со своими усыпителями, и ни съ кѣмъ, кромеъ нихъ“. Субъектъ слышитъ все, что говоритъ ему гипнотизаторъ, и не слышитъ никого, кромеъ него, если только сонъ достаточно глубокъ. По словамъ д-ра Либо (и я тоже наблюдалъ этотъ фактъ нѣсколько разъ, хотя и не могу утверждать, чтобы онъ былъ постояннымъ) сомнамбуль, будучи въ сношениі со своимъ усыпителемъ, повидимому, не слышитъ его, когда онъ обращается къ третьему лицу; нужно, чтобы гипнотизаторъ обратился прямо къ нему.

Это сношеніе съ гипнотизаторомъ устанавливается не только посредствомъ слуха, но и посредствомъ всякихъ другихъ ощущеній. Такъ, если гипнотизаторъ возьметъ за руку усыпленнаго субъекта, принявши всевозможныя предосторожности, чтобы не обнаружить своего присутствія, субъектъ, все-таки, немедленно отгадаетъ, что прикоснулся къ нему гипнотизаторъ, и будетъ повиноваться ему, сохранивъ позы и совершая движения, которыя гипнотизаторъ, не произнося ни одного слова, придаетъ его членамъ. Если, напримѣръ, при подобныхъ обстоятельствахъ, гипнотизаторъ подниметъ руку субъекта, эта рука и останется поднятою, но если кто другой, не находящійся въ сношениі съ субъектомъ, подниметъ его руку, рука упадеть, какъ безжизненное тѣло. Такимъ же образомъ, если рука была приведена въ каталептическое состояніе, эта каталепсія немедленно прекращается,

¹⁾ Liébeault, page 51.

если гипнотизаторъ, не говоря ни слова, береть ее, чтобы заставить ее сдѣлать движение, тогда какъ, если подобную попытку сдѣлаетъ другой человѣкъ, онъ встрѣтить непреодолимое препятствіе¹⁾); тоже самое нужно сказать еще и объ автоматическихъ движеніяхъ, которыхъ прекращаются только тогда, когда самъ гипнотизаторъ ихъ останавливается.

Если пассы дѣлаются на разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ отъ усыпленного субъекта (все равно, спереди или сзади его) онъ узнаеть, дѣлаются ли эти пассы тѣмъ, кто усыпилъ его, или посторонними лицами. Слѣдуетъ ли объяснять это явленіе чрезмѣрно возбужденностью чувства ослажданія? Я не знаю. Когда спрашиваютъ субъекта во время его сна: „Какимъ образомъ вы знаете, что это я дѣлалъ пассы?“ — „Я это чувствую“. Таковъ неизмѣнныи его отвѣтъ: онъ не можетъ дать другого объясненія.

Когда субъектъ находится, такимъ образомъ, въ сношеніи со своимъ гипнотизаторомъ, этотъ послѣдній можетъ привести его въ сношеніе съ кѣмъ либо изъ присутствующихъ посредствомъ различныхъ пріемовъ. Самый обыкновенный и наиболѣе усѣйшій состоить въ томъ, что берутъ руку одного изъ присутствующихъ, кладутъ ее на руку субъекта и, держа обѣ эти руки, говорять субъекту: „Я привожу васъ въ сношеніе съ этой особою; вы будете повиноваться ей, какъ мнѣ“. Тогда субъектъ находится въ сношеніи съ этой особою совершенно такъ же, какъ и съ гипнотизаторомъ.

¹⁾ Описывая, въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній, три гипнотическихъ состоянія: летаргію, каталепсию и сомнамбулизмъ, принадлежащіе школою Сальпетріера и отвергаемыя школою Нансі, я сказала, что эта послѣдня школа сводить все дѣло къ внушенію. Школа Нансі не думаетъ, конечно, отрицать дѣйствительность этихъ трехъ состояній, она не признаетъ только ихъ самостоятельного значенія, она объясняетъ ихъ происхожденіе, и это объясненіе сводится на внушеніе. Школа Сальпетріера говорить: Вотъ человѣкъ, вдавшій въ каталептическое состояніе; доказательство этому слѣдующее: мы вытянули ему руку, и она осталась неподвижною въ томъ состояніи, какое мы ей придали; на это школа Нансі отвѣтчаетъ: Рука осталась неподвижною не потому, что субъектъ былъ въ каталепсіи, а, наоборотъ, она приобрѣла каталептическую неподвижность потому, что, вытягивая руку субъекта, вы тѣмъ самымъ *внушили* ему сохранить то положеніе, какое вы ей придали; субъектъ совершенно пассивенъ, и если вы придаите ему известную позу, онъ не измѣнитъ ее, не нарушить вашей воли; но если это вздумаетъ сдѣлать посторонний человѣкъ, не имѣющій надъ нимъ власти, не могущій дѣлать ему внушенія, тогда субъектъ не сохранилъ позы: рука упадѣтъ обратно; да и самая каталептическая неподвижность существуетъ только для постороннаго лица; если руку субъекта беретъ гипнотизаторъ, то этимъ самымъ онъ дѣлаетъ ему внушеніе измѣнить позу, начать движение. Такое постоянное указание на роль внушенія при гипнотическихъ явленіяхъ слѣдуетъ считать одною изъ главныхъ заслугъ школы Нансі, ибо, дѣйствительно, вся сущность гипнотизма сводится на способность субъекта воспринимать внушенія.

Отъ чего въ действительности зависитъ это странное явленіе сношенія гипнотизатора съ загипнотизованнымъ? Нуазе и А. Бертранъ полагаютъ, что *субъектъ остается въ сношении съ гипнотизаторомъ потому, что онъ засыпаетъ, думая о немъ.* Льбо также принимаетъ это объясненіе и повторяетъ слѣдующее замѣчаніе А. Бертрана по этому вопросу: „То, что мы наблюдаемъ относительно этого на сомнамбулахъ, не отличается отъ того, что мы постоянно встречаемъ при обыкновенномъ снѣ. Мать, засыпающая у колыбели своего сына, даже и во время своего сна продолжаетъ бодрствовать надъ нимъ; но она бодрствуетъ только надъ нимъ, и, будучи нечувствительна къ гораздо болѣе сильнымъ звукамъ, она слышитъ малѣйшій крикъ, исходящій изъ устъ ея ребенка“.

При этой гипотезѣ, сношение создается однимъ воображеніемъ субъекта и между усыпителемъ и усыпленнымъ нѣть никакого специального, физического или физиологического, сношенія.

Д-ръ Льбо¹⁾, Карпентеръ²⁾, и большинство новѣйшихъ гипнотизаторовъ присоединяются къ этому мнѣнію.

Для д-ра Льбо, это — сосредоточеніе вниманія субъекта на томъ, кто его усыпляетъ. „Онъ сохраняетъ, говоритъ Льбо,—въ своемъ умѣ идею того, кто его усыпляетъ, и подчиняетъ этой идеѣ свое накопленное вниманіе и свои чувства“³⁾.

„Субъектъ, говоритъ Карпентеръ,—одержимъ предвзятымъ убѣжденіемъ, что извѣстной индивидуальности предназначено имѣть на него специальное вліяніе“⁴⁾.

По мнѣнію англійскаго писателя, это есть слѣдствіе господствующей идеи, и идея сношенія внушена, прямо или косвенно, самимъ гипнотизаторомъ, причемъ онъ иногда даже не отдаетъ себѣ отчета въ этомъ; слѣдовательно, это—внушеніе, подобное всякимъ другимъ внушеніямъ.

По Карпентеру, история месмеризма могла бы дать поразительное доказательство этому. Самъ Месмеръ и его непосредственные ученики не знали этого явленія сношенія, и этотъ мнимый законъ сношенія установился только впослѣдствіи Карпентеръ, производя опыты надъ людьми, которые никогда не присутствовали на магнитическихъ сеансахъ и не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этихъ явленіяхъ, увидѣль,

¹⁾ Liébeault, „Sommeil“.

²⁾ Carpenter, „Mental Physiology“ (Физиология Ума).

³⁾ Liébeault, page 52.

⁴⁾ Carpenter, p. 445, 4 éd.

что у субъектовъ, гипнотизуемыхъ такимъ образомъ въ первый разъ, сношениe существовало также хорошо съ посторонними лицами, какъ и съ самимъ гипнотизаторомъ. И онъ прибавляетъ, что люди, которые усыпляютъ сами себя впервые, не думая объ известномъ лицѣ болѣе, чѣмъ о другомъ, способны сообщаться со всѣми присутствующими и получать отъ нихъ внушенія.

Нѣкоторыя явленія, которыхъ я наблюдалъ, могли бы заставить и меня примкнуть къ этому мнѣнію. Существуютъ, однако, другія явленія, которыхъ трудно объяснить подобнымъ образомъ и которыхъ, повидимому, указываютъ на дѣйствительное сношеніе гипнотизатора съ гипнотизуемымъ. Я не могу распространяться объ этомъ вопросѣ, который принадлежитъ болѣе къ области физиологии, чѣмъ къ области психологии; однако, я напомню по этому поводу опытъ частичной отрицательной галлюцинаціи, произведенной мною и д-ромъ Льежуа надъ т-ре Н. А., который я описалъ въ параграфѣ „о внушенныхъ галлюцинаціяхъ“.

VIII. Заключеніе.

Въ предыдущихъ параграфахъ я разсмотрѣлъ важнѣйшія психологическія явленія искусственного сомнамбулизма.

За анализомъ и описаніемъ логически долженъ былъ бы слѣдоватъ синтезъ. Слѣдовало бы теперь истолковать эти явленія, подыскать имъ объясненія, разсмотретьъ, какъ освѣщаютъ они механизмъ мышленія, дать, наконецъ, общую теорію искусственного сомнамбулизма. Но подобная попытка была бы въ настоящее время преждевременною, и рѣшеніе нашего вопроса сдѣлается возможнымъ только тогда, когда будутъ лучше, чѣмъ въ настоящее время, изучены отправленія мозга и, особенно, физиология естественного сна. Въ этомъ отношеніи мы находимся, и, быть можетъ, долго еще будемъ находиться, въ періодѣ, когда возможенъ только анализъ и опытъ; синтезъ сдѣлается возможнымъ только позднѣе.

Можно, однако, и теперь группировать нѣкоторыя явленія и давать частныя объясненія известнымъ фактамъ, въ ожиданіи, пока общая теорія не будетъ въ состояніи координировать всѣ явленія.

Для Бреда, для Карпентера, для д-ра Льебо и для многихъ другихъ авторовъ, выступившихъ послѣ нихъ, большинство явленій гипноза объясняется *сосредоточеннымъ вниманиемъ, сосредоточениемъ мысли*. Извѣстно, и примѣръ этого

дается въ сновидѣніяхъ, что идеи могутъ обусловить появление ощущеній такихъ живыхъ и такъ похожихъ на дѣйствительныя ощущенія, что человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ ихъ реальности и въ реальности предметовъ, которые должны ихъ вызывать. Слѣдовательно, умъ можетъ непосредственно создавать ощущенія; я приведу одинъ подобный примеръ, взятый у Карпентера.

Одинъ судебнъй слѣдователь долженъ былъ распоряжаться вырытиемъ тѣла новорожденного ребенка, относительно кото-рого подозревали, что онъ былъ отравленъ матерью. Когда гробъ былъ вырытъ, слѣдователь заявилъ, что онъ уже слышитъ запахъ гниющаго трупа, почувствовалъ себя дурно и упалъ въ обморокъ. По вскрытию гробъ оказался пустымъ.

Вліяніе воображенія, или, скорѣе, господствующей идеи, на образованіе ощущеній хорошо видно на опытахъ барона Рейхенбаха.

Этотъ баронъ вообразилъ, что онъ открылъ новое невѣ-сомое вещество, которое онъ назвалъ *одомъ* и которое, будто бы, распространено во всѣхъ тѣлахъ и во всей все-лennой. По его словамъ, некоторые *восприимчивыя* особы испытывали вліяніе этого агента, который обнаруживался для нихъ въ формѣ теплыхъ или холодныхъ истечений и осо-бенно въ формѣ свѣтовыхъ явлений, когда они находились въ темнотѣ.

Каково бы ни было значение опытовъ барона Рейхенбаха, дѣйствительность которыхъ новѣйшія изслѣдованія какъ будто стремятся подтвердить, но Бредъ, въ своихъ провѣ-рочныхъ опытахъ, показалъ, что тѣ же явленія могутъ быть вызваны простымъ сосредоточеніемъ ума индивида, особенно, когда этотъ индивидъ ожидаетъ, что сейчасъ должно прои-зойти нечто.

Подобнымъ же образомъ могутъ быть объяснены и спириту-тическія явленія. Нѣть ничего удивительного въ томъ, что люди, вѣрющіе въ спиритизмъ, послѣ продолжительного и напряженного ожиданія, увидятъ, наконецъ, свѣтовыя явле-нія, ощутятъ запахъ цвѣтовъ, почувствуютъ легкое прикосно-веніе рукъ, движущихся въ воздухѣ, услышатъ голоса и му-зыкальные звуки.

Галлюцинація въ сновидѣніяхъ и галлюцинації у людей, загипнотизованныхъ, подлежать подобному же истолкованію.

Но что, въ сущности, объясняютъ эти слова: „сосредото-ченіе мысли, сосредоточеніе вниманія?“ Въ концѣ концовъ не слишкомъ много: это только простое и чистое констати-рованіе факта. Нужно, слѣдовательно, пойти далѣе.

Дюрану де-Гро (д-ръ Филипсъ)¹⁾ принадлежить честь попытки проникнуть глубже въ это явленіе. По его мнѣнію, сущность дѣла заключается въ сведеніи дѣятельности мышленія до минимума, посредствомъ ограничения его отправленія однимъ изъ наиболѣе простыхъ его видовъ, для чего его подвергаютъ исключительному вліянію простаго, однороднаго и непрерывнаго ощущенія (такова, напр., фиксация блестящаго предмета). Подобнымъ образомъ достигаютъ нѣкотораго рода остановки умственной дѣятельности во всемъ, исключая одного пункта; но нервная сила продолжаетъ образовываться въ мозгу, гдѣ она и накапливается, не будучи потреблена; это вызываетъ явленіе, которое онъ называетъ *нервнымъ приливомъ*. Эта нервная сила, накопленная подобнымъ образомъ въ мозгу, можетъ перемѣщаться или направляться въ ту или иную часть, въ тотъ или другой нервъ, въ тотъ или иной органъ чувства и, такимъ образомъ, можетъ значительно увеличивать его дѣятельность. Гипнотическая явленія суть только перемѣщеніе нервной силы, накопленной въ мозгу, перемѣщеніе, совершающееся по направленію, указанному гипнотизаторомъ. Это перемѣщеніе совершается подъ вліяніемъ внушенной идеи (*идеопластія* Дюрана де-Гро²⁾).

Что касается меня, я охотно допускаю это вліяніе вниманія и сосредоточенія мысли на гипнотическія явленія, особенно во всемъ томъ, что касается ощущеній.

Но существуютъ, однако, нѣкоторыя явленія, которыя съ трудомъ могутъ быть объяснены этой теоріей.

Легко понять, какъ, подъ вліяніемъ только что внушенной *idée fixe*, загипнотизованный видѣть послѣ своего пробужденія отсутствующую особу, но какъ объяснить, когда онъ увидитъ эту особу только черезъ недѣлю, если ему было сдѣлано такое внушеніе? Внушенная идея остается въ его

¹⁾ Дюранъ де-Гро,—одна изъ жертвъ декабрьскаго переворота,—возвратившись во Францію еще при господствѣ Наполеона, писалъ подъ псевдонимомъ д-ра Филипа.

П. М.

²⁾ Какая это „нервная сила“, образующаяся въ то время, когда дѣятельность мозга сведена до минимума?! Если можно говорить о какой-либо нервной силѣ, присущей идеѣ или чувствованію, то, конечно, только о той, которая пропорциональна *активности* этой идеи или чувствованія, достигаетъ выѣтъ съ нею своего максимума и выѣтъ же съ нею падаетъ до минимума. Конечно, во время отдыха (напр., во время сна) происходитъ процессъ возстановленія, который и можно рассматривать, какъ накопление потенциальной „нервной силы“ (выраженіе вполнѣ законное, но подъ условиемъ не отожествлять словъ „нервный“ и „психический“), но существование подобного накопленія отнюдь не поддерживаетъ теоріи Дюрана де-Гро, потому что, въ противномъ случаѣ, человѣкъ, только-что *пробудившійся* отъ глубокаго сна, бытъ-бы весьма восприимчивъ къ внушенію. Почему человѣкъ, находящійся въ глубокомъ сне, восприимчивъ къ внушенію (какъ это доказалъ Мори въ своемъ сочиненіи „Sommeil et Rêves“), а человѣкъ только-

умѣ втеченіе всей этой недѣли, причемъ онъ не имѣть сознанія этого, а на восьмой день, въ назначенный часъ внущенная галлюцинація осуществляется. Существуетъ ли здѣсь господствующая идея и сосредоточеніе мысли на определенномъ предметѣ? Признаюсь, я не нахожу этого.

Но нужно еще обратить вниманіе на другія соображенія. Я говорю о физиологическихъ явленіяхъ (измѣненіе числа ударовъ сердца, краснота и приливъ крови въ кожѣ, пузырь и т. п.), которые были изучены мною въ первой части этого труда. Если мы хорошоенько ихъ припомнимъ, то увидимъ, что ни воля, ни внушеніе сами по себѣ недостаточны для объясненія этихъ явленій; нужно еще, чтобы, сверхъ того, субъектъ былъ въ особомъ состояніи, чтобы мозговая дѣятельность его была измѣнена, однимъ словомъ, чтобы его восприимчивость и способность реагировать были совсѣмъ другія, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Въ чемъ же заключается это особенное состояніе мозга?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма трудно. Все, что мы знаемъ объ этомъ состояніи, заключается въ томъ, что мы можемъ его вызвать, произведя гипнотический сонъ; но мы можемъ вызвать его еще и другимъ образомъ; я говорю о сомнамбулическомъ бодрствованіи, которое я изучилъ въ одномъ изъ предыдущихъ параграфовъ. Если же мы разсмотримъ спосѣбъ, которымъ вызывается состояніе сомнамбулическаго бодрствованія, то сейчасъ же замѣтимъ, что образованіе его подчинено одному существенному условію. Если я желаю сдѣлать субъекту внушеніе въ состояніи его бодрствованія, я прежде всего стараюсь сильно поразить его вниманіе. Напримѣръ, я говорю ему: „Смотрите на меня хорошоенько или слушайте меня хорошо“, или, не говоря ему ни слова,

что проснувшійся уже не поддается внушенію? Если, прибѣгнувъ къ рискованной гипотезѣ, мы отѣтъять, что въ моментъ пробужденія запасъ первої силы былъ потребленъ, то я спрошу: какой получился эквивалентъ? Чѣмъ выразилось это потребленіе? Мы тщетно ожидали бы отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому теорія Дюрана де-Гро не только ошибочна, но даже прямо противорѣчить дѣйствительности. Если благопріятныя обстоятельства (т.-е., въ сущности, достаточное число подходящихъ субъектовъ) позволяютъ мы привести къ концу опыты, которые я въ настоящее время началь, то я надѣюсь показать, что вся суть гипнотическихъ явленій заключается въ почти полной пассивности всѣхъ видовъ дѣятельности мозга у гипнотика, въ способности ихъ, такъ сказать, безъ критики координироваться вокругъ внущенной идеи, которая является единственою *активною* силой. Подобный взглядъ на гипнотизмъ не только дастъ объясненіе всѣмъ гипнотическимъ явленіямъ (которымъ, въ сущности, не смотря на огромное практическое значеніе, имѣютъ сами по себѣ только второстепенный теоретический интересъ), но, что гораздо важнѣе, ложеть въ основу новой *теоріи сознанія* и поможетъ выясненію иѣкоторыхъ другихъ психологическихъ вопросовъ, напр., вопроса объ *успренности*.

П. М.

и не дѣлая движений, я ограничиваюсь тѣмъ, что пристально смотрю на него особеннымъ образомъ; однимъ словомъ, я сообщаю его нервной системѣ неожиданный толчекъ, я, такъ сказать, останавливаю (какимъ образомъ? — не важно, же стомъ, взглядомъ или повелительнымъ словомъ) теченіе его мыслей и развитіе его нервной дѣятельности, какъ останавливаютъ внезапно среди пути бѣгущаго человѣка или падающій камень.

Этотъ мозговой толчекъ, если можно такъ выразиться, кажется мнѣ необходимымъ условіемъ успѣха; при этомъ происходитъ некоторое измѣненіе въ мозгу, особенное, неизвѣстное по своему существу, состояніе, вѣтъ котораго, однако, внушенія не могутъ имѣть дѣйствія.

Есть-ли это измѣненіе возбудимости и восприимчивости нервного вещества слѣдствіе задержки, и превращается-ли внезапно такимъ образомъ остановленное нервное движение во что нибудь, теплоту, электричество и т. п.? Пока относительно этого можно только строить гипотезы.

Однако, любопытно узнать, не встрѣчаются-ли аналогическія состоянія въ жизни нормальной и патологической. Мне кажется, что некоторые черты этого можно найти въ шокѣ хирурговъ, т. е., въ томъ состояніи сотрясенія, которое слѣдуетъ за тяжелыми пораненіями и большими операциами; затѣмъ, въ той любопытной формѣ помѣшательства, которая получила весьма неудачное название *stupor* (первичное слабоуміе); наконецъ, нѣтъ-ли чего нибудь подобнаго въ томъ, что называютъ обыкновенно потерянностью, въ сильной разспяинности Архимеда или Ампера?

Характерная черта этихъ различныхъ состояній состоитъ во внезапномъ, болѣе или менѣе полномъ подавленіи мозговой дѣятельности. Это прекращеніе можетъ распространяться на болѣе или менѣе обширную область нервной системы и представлять всѣ степени, отъ колляпса при большихъ операцияхъ, когда поражается все, даже растительная нервная система, до самыхъ легкихъ явленій, которыхъ замѣ чаются при потерянности или при простой разспяинности.

И такъ, первичное, существенное явленіе, это — *дѣйствіе задержки*, производимой или постепенно, какъ въ гипнотическомъ снѣ, или внезапно, какъ при сомнамбулическомъ бодрствованіи; дѣйствіе задержки, вызывающее особенное мозговое состояніе, природу которого нужно еще опредѣлить, а характерная черта котораго есть способность получать внушенія.

Быть можетъ, возможно пойти далѣе въ истолкованія

явлений, но тогда пришлось бы заняться общую теорией нервной деятельности, что не входит в план этого сочинения.

Я желалъ только указать, посредствомъ нѣсколькихъ примѣровъ, насколько изученіе искусственного сомнамбулизма можетъ быть полезно для изученія психическихъ отправлений; въ особенности же я желалъ показать, что гипнотизмъ даетъ философамъ то, чего имъ до сихъ поръ недоставало, пріемъ, посредствомъ котораго можно анализировать явленія сознанія, и настоящій методъ опытной психологіи.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. О внушеніяхъ на долгій срокъ.

Внушенія на долгій срокъ можно считать однимъ изъ тѣхъ явлений искусственного сомнамбулизма, которыхъ наиболѣе поражаютъ воображеніе и кажутся наиболѣе необычными. Я дамъ одинъ примѣръ подобнаго внушенія и представлю нѣкоторыя соображенія по этому поводу. Я опишу событие такъ, какъ я сообщилъ его Обществу Физиологической Психологіи въ засѣданіи 29 іюня 1885 г. и какъ я опубликовалъ его въ первомъ изданіи этого сочиненія.

Внушеніе, осуществившееся черезъ 172 дня.

14 іюля 1884 г., въ полдень, приведя м-ле А. Е. въ состояніе гипнотического сна, я сдѣлалъ ей слѣдующее внушеніе (привожу замѣтку, взятую изъ моей записной книги):

„1 января 1885 г., въ десять часовъ утра, вы увидите меня; я приду поздравить васъ съ новымъ годомъ; затѣмъ, поздравивши васъ, я исчезну“.

1 января 1885 г. я былъ въ Парижѣ (м-ле А. Е. жилъ въ Нанси). Я никому не говорилъ объ этомъ внушеніи.

И вотъ что сообщила она въ тотъ же день одной изъ своихъ подругъ; впослѣдствіи то же самое она сообщила мнѣ, д-ру Льбо и другимъ лицамъ.

1 января, въ десять часовъ утра, она была въ своей комнатѣ, когда услышала стукъ въ двери.

Она сказала: „Войдите“, и къ своему великому удивленію увидѣла, что вошелъ я и поздравилъ ее съ новымъ годомъ.

Почти сейчас же я ушелъ, и хотя она немедленно подошла къ окну, чтобы видѣть, какъ я выйду, она не увидѣла меня больше.

Она замѣтила также, что я былъ въ лѣтнемъ платьѣ (въ томъ самомъ, въ какомъ я былъ, когда сдѣлалъ ей внушеніе), и это удивило ее, принимая во вниманіе время года.

Ей замѣтили, что я находился въ это время въ Парижѣ и не могъ быть у нея первого января, но она продолжала утверждать, что видѣла меня, и даже теперь, не смотря на мои утвержденія, она убѣждена, что я являлся къ ней.

Такимъ образомъ, сдѣланное мною внушеніе осуществилось, спустя 172 дня, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ. Что касается меня, я не сомнѣваюсь, что внушенія могутъ осуществляться даже послѣ гораздо болѣе продолжительнаго времени, быть можетъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ.

Факты не замедлили оправдать мнѣніе, высказанное мною въ концѣ этого сообщенія.

Когда эти строки были уже написаны, г. Льежуа увидѣлъ осуществление внушенія, сдѣланного за годъ передъ тѣмъ. Привожу сообщеніе изъ „Rappel“ отъ 19 октября 1886 г.:

„Читатели найдутъ здѣсь первыя свѣдѣнія объ удивительномъ опыте, разсказъ о которомъ (еще нигдѣ не опубликованный) только что пришелъ къ намъ изъ Нанси. Дѣло идетъ о гипнотическомъ внушеніи; о внушеніи на долгій срокъ; срокъ, гораздо болѣе долгій, чѣмъ какой-нибудь изъ до сихъ поръ виданныхъ.

„Гг. Бернгеймъ, Льежуа и Бони давали послѣдовательно внушенія на срокъ въ 63, 100 и 172 дня. На этотъ разъ внушеніе, сдѣланное 12-го октября 1885 г., утромъ, въ десять минутъ одиннадцатаго, должно было осуществиться 12 октября 1886 г., въ тотъ же самый часъ, т. е. черезъ 365 дней. Опытъ вполнѣ удался.

„Онъ былъ произведенъ г. Льежуа. Субъектомъ былъ тотъ молодой Paul M., который былъ имъ представленъ въ августѣ этого года, медицинскому отдѣленію сѣната въ Нанси, въ засѣданіи, о которомъ мы уже говорили. Это превосходный сомнамбуль, который былъ уже нѣсколько разъ гипнотизованъ; усыпивши его (въ клинике Льебо), экспериментаторъ сказалъ ему:

— „Черезъ годъ, въ этотъ же день, вамъ придется въ голову сдѣлать слѣдующее. Вы прійдете утромъ къ г. Льебо. Вы скажете, что въ теченіе года ваши глаза были такъ здоровы, что вы должны поблагодарить его и г. Льежуа. Вы выражите благодарность тому и другому и попросите у нихъ

дозволенія поцѣловать ихъ, на что они охотно согласятся. Послѣ этого вы увидите, что въ кабинетѣ доктора войдутъ собака и ученая обезьяна, причемъ одна будетъ нести другую. Онъ начнѣтъ дѣлать тысячу ужимокъ и прыжковъ, что васъ очень забавитъ. Спустя пять минутъ, вы увидите, что придетъ цыганъ съ ручнымъ медвѣдемъ. Этотъ человѣкъ обрадуется, найдя свою собаку и обезьяну, которыхъ онъ считалъ потерянными, и чтобы увеселить публику, онъ заставитъ танцевать своего медвѣдя, сѣраго американского медвѣда, большаго, но весьма доброго, который васъ вовсе не испугаетъ. Когда этотъ цыганъ будеть собираться уходить, вы попросите г. Льежуа дать вамъ десять сантимовъ, какъ подаяніе собакѣ, которая будеть собирать деньги, и вы отадите ей сами эти сантимы.

„Вотъ что произошло 12-го числа этого мѣсяца (свѣдѣнія сообщены намъ г. Льебо письмомъ отъ 16-го числа, какъ отъ имени самого г. Льебо, такъ и отъ имени г. Льежуа). При этомъ нѣтъ надобности говорить, что совершенная тайна была соблюдена экспериментаторомъ и что сомнамбуль не могъ ни отъ кого узнать, чего ожидаютъ отъ него.

„Ранѣе девяти часовъ г. Льежуа былъ уже у г. Льебо. Въ девять съ половиною, видя, что субъектъ не приходитъ, онъ подумалъ, что опять не удался, и возвратился домой.

„Но въ десять минутъ одиннадцатаго молодой Paul приходитъ; онъ обращается къ г. Льебо съ благодарностью, которая была ему внушена за годъ передъ тѣмъ и мысль о которой, скрытая въ теченіе 365 дней, пришла ему въ назначенный часъ; онъ лучше помнилъ этотъ часъ, онъ, который никогда не думалъ объ этомъ, чѣмъ г. Льежуа, который также долго этого ожидалъ.

„Поблагодаривъ Льебо, онъ осведомляется о Льежуа: не придетъ ли онъ?

„Междѣ тѣмъ, Льежуа, осведомленный нарочнымъ, приходитъ. При видѣ его Paul поднимается и выражаетъ ему ту же благодарность, которую онъ только что высказалъ хозяину квартиры. Затѣмъ галлюцинація, развитіе которой до сихъ поръ замедлялось отсутствиемъ ея творца, осуществляется въ назначенному порядкѣ. При этомъ, вромѣ двухъ вышеназванныхъ ученыхъ, присутствуютъ: Sch., гражданскій инженеръ въ Нанси; Geb., гражданскій инженеръ въ Парижѣ; Del., отставной батальонный командиръ морской пѣхоты, и отъ пятнадцати до двадцати другихъ лицъ, частью больныхъ, частью просто любопытныхъ.

„Галлюцинирующій видѣтъ, какъ входятъ обезьяна и уч-

ная собака. Эти животные начинаютъ свои обычныи упражненія. Онъ очень забавляется этимъ. По окончаніи представлениі, онъ видѣтъ, что собака, держа во рту деревянную чашку, подходитъ къ нему. Онъ береть у Льежуа десять сантимовъ и дѣлаетъ движение даванія ихъ собакѣ.

„Наконецъ приходитъ цыганъ, который и уводитъ собаку и обезьяну.

„Что касается медвѣда, то онъ не появился. Другая неточность: Paul и не подумалъ подѣловать кого либо. Исключая этихъ двухъ упущеній, внушеніе осуществилось.

„Опытъ ожилъ. Молодой человѣкъ жаловался на небольшое утомленіе. Чтобы привести его въ нормальное состояніе, г. Льежуа усыпалъ его и затѣмъ, когда Paul пришелъ въ состояніе сомнамбулизма, онъ воспользовался этимъ, чтобы получить отъ него какія-нибудь объясненія относительно того, что только-что произошло.

„Вопросъ. Почему вы только что видѣли собаку и обезьяну?

„Отвѣтъ. Потому что вы это внушили мнѣ 12 октября 1885 года.

„Вопросъ. Не ошиблись ли вы въ часѣ; я думалъ, что назначили вамъ девять часовъ утра?

„Отвѣтъ. Нѣтъ, сударь; это вы ошибаетесь. Вы усыпили меня не на этой скамейкѣ, на которой я теперь сижу, но на той, которая противъ насъ; затѣмъ, вы повели меня гулять по саду и сказали мнѣ, чтобы я пришелъ черезъ годъ въ тотъ же часъ; а тогда было десять минутъ одиннадцатаго, я и пришелъ въ этотъ часъ.

„Вопросъ. Но почему вы не видѣли никакого медвѣда и не подѣловали ни д-ра Льебо, ни меня?

„Отвѣтъ. Потому что вы сказали мнѣ это только одинъ разъ, а все остальное внушеніе повторили дважды.

Всѣ присутствующіе были поражены ясностью и точностью отвѣтовъ, и г. Льежуа заявилъ, что воспоминанія субъекта кажутся ему болѣе точными, чѣмъ его собственныхъ.

„Пробужденій спустя десять—пятнадцать минутъ, Paul M., который уже успѣлъ отдохнуть, ничего не помнилъ ни изъ того, что онъ только что говорилъ во время своего кратковременнаго сна, ни изъ того, что онъ, въ силу внушенія отъ 12 октября 1885 г., видѣлъ передъ своимъ усыплениемъ“.

Дать объясненіе этимъ внушеніямъ на долгій срокъ очень трудно.

Что касается меня, то, не пытаясь давать объясненія, я склоненъ предполагать въ этомъ случаѣ известнаго рода ме-

ханизмъ, расположенный такъ, чтобы произвести въ извѣстный часъ извѣстное движение, однимъ словомъ, нечто похожее на механизмъ часовъ¹⁾.

Мой товарищъ, профессоръ Бернгеймъ, возстаетъ противъ этого сравненія мозга загипнотизованного съ механизмомъ, расположеннымъ такъ, чтобы произвести движение въ данный моментъ; онъ предлагаетъ слѣдующее весьма острогунное и весьма привлекательное объясненіе²⁾, которое, однако, я не могу принять.

По его мнѣнію, „внушеніе, зарегистрированное въ умѣ во время сна и остающееся послѣ пробужденія въ качествѣ скрытаго воспоминанія, способно самопроизвольно вновь сдѣлаться сознательнымъ; если внушеніе должно осуществиться только по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, то идея о немъ не остается скрытою до назначенаго срока“³⁾.

Далѣе онъ говоритъ: 3) „Скрытые воспоминанія гипнотического состоянія могутъ самопроизвольно возникать при извѣстныхъ состояніяхъ психической сосредоточенности“.

4) „Идея внушеній, которыхъ должны быть осуществлены чрезъ долгій срокъ, не остается безсознательною до конца срока; сознаніе идеи, зарегистрированной въ умѣ во время гипнотического состоянія, можетъ по временамъ пробуждаться, какъ и другія скрытые воспоминанія, въ этихъ самыхъ состояніяхъ психической сосредоточенности⁴⁾“.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Бернгеймъ приводить два факта. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, субъекты, на вопросъ д-ра Бернгейма, отвѣчали, что они думали однажды во время своего сна (естественного) о дѣйствіи, которое было имъ внушено во время гипнотического сна.

Вотъ первый случай, который я привожу буквально:

„Одной я сказалъ во время ея сна: „Въ слѣдующій четвергъ (черезъ пять дней) вы возьмете стаканъ, который стоитъ на ночномъ столикѣ, и поставите его на чемоданъ, который около вашей кровати, у ногъ“.

„Три дня спустя, усыпивши ее вновь, я сказалъ ей: „Помните ли вы, что я вамъ приказалъ?“ Она мнѣ отвѣтила: „Да, я должна поставить стаканъ на мой чемоданъ въ четвергъ, въ восемь часовъ утра“.— „Думали-ли вы объ этомъ послѣ этого, какъ я сдѣлала вамъ внушеніе?“— „Нѣтъ“.— „Вспом-

¹⁾ См. выше, стр. 64—65.

²⁾ „De la Suggestion et de ses applications à la thérapeutique“, p. 169 et suivantes.

³⁾ L. c. p. 175.

⁴⁾ L. c. p. 175.

ните хорошо". — „Я думала объ этомъ на другой день, утромъ, въ одиннадцать часовъ". — „Бодрствовали ли вы при этомъ или нѣтъ?" — „Я спала ¹⁾".

Второй случай — кошя первого.

Эти факты не кажутся мнѣ убѣдительными; затрудненіе, по моему мнѣнію, останется то же.

Сомнамбула думала о внушенному дѣйствіи однажды въ 11 часовъ утра, за нѣсколько дней до выполненія его — это возможно; но она думала о немъ только однажды, иначе, въ отвѣтъ на настоятельный вопросъ д-ра Бернгейма, она не преминула бы сказать объ этомъ.

Слѣдовательно, все-таки, нужно объяснить, почему внушеніе, о которомъ вспомнили въ первый разъ самопроизвольно и во второй разъ вслѣдствіе вопроса, осуществилось въ назначенный день и часъ. Это все равно, какъ если бы внушеніе было сдѣлано за два дня, а не за пять дней до выполненія; объясненіе г. Бернгейма только раздробляетъ затрудненіе, но не разрѣшаетъ его.

Я указалъ, не въ качествѣ объясненія, но въ качествѣ явленія того же самаго порядка, на фактъ произвольного пробужденія въ назначенный часъ ²⁾.

По этому поводу г. Бернгеймъ говоритъ: „Почему спящій пробуждается въ желаемый часъ? Потому что онъ засыпаетъ съ идеей пробужденія въ этотъ часъ, потому что онъ думаетъ объ этомъ цѣлую ночь умышленно и сознательно: вниманіе неподвижно сосредоточено на этой идеѣ. Если онъ имѣеть чувство времени, — нѣкоторые люди имѣютъ его и знаютъ точно, въ каждый моментъ втеченіе дня, который часъ, — или же, если онъ слышитъ бой часовъ, онъ самопроизвольно просыпается въ желаемый часъ ³⁾".

Но мнѣ кажется, что если бы спящій думалъ всю ночь умышленно и сознательно о пробужденіи въ извѣстный часъ, онъ сохранилъ бы нѣкоторое воспоминаніе объ этомъ послѣ пробужденія; мы припоминаемъ, и иногда со всѣми подробностями, сновидѣнія, которыхъ только на мгновеніе пролетали черезъ мозгъ во время сна, и вдругъ бы мы не помнили мысли, на которой нашей вниманіе было неподвижно сосредоточено. Возможно ли это?

Мало того: самъ г. Бернгеймъ признаетъ, что нѣкоторые люди имѣютъ чувство времени и знаютъ точно въ каждый моментъ втеченіе дня, который часъ; если бы эти люди

¹⁾ И. с. р. 174.

²⁾ См. выше, стр. 67.

³⁾ И. с. р. 171.

постоянно думали о времени, умышленно и сознательно, они имѣли-бы достаточно сознанія, чтобы не сомнѣваться въ этомъ, и помнили бы, что они каждое мгновеніе спрашивали сѣя, который теперь чѣсть? Но дѣло отнюдь не происходитъ такимъ образомъ; обыкновенно, среди дневныхъ занятій, напр., окончивши какую-нибудь работу, внезапно спрашиваются сѣя; который чѣсть? и нѣкоторые люди могутъ давать точный отвѣтъ на это.

Съ своей стороны, я вижу во всемъ этомъ результатъ безсознательной мозговой дѣятельности, и чѣмъ болѣе я размышляю надъ этими вопросами, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что нашъ мозгъ есть настоящая машина, работающая безъ нашего вѣдома съ такою дѣятельностью, о которой мы не можемъ составить себѣ и понятія, и что явленія сознанія суть только слабые отрывки этой таинственной дѣятельности.

Бессознательное измѣреніе времени есть, какъ мнѣ кажется, одно изъ дѣйствій этой безсознательной мозговой дѣятельности. Будучиrudиментарноюили,лучше,атрофированоюучеловѣкацивилизованнаго,этаспособностьсуществуетъещевъзначительнойстепениудикарейиживотныхъ.Укажу,дляпримѣра,натакойфактъ:собака,привыкшаявыходитьвъизвѣстныйчасьнапрогулкусоСвоимъхозяиномъ,непоказываетълисвоювыразительномимикою,чточѣстьуженасталъ,еслихозяинъслегказамедлитьподнятьсядлясвоейобычнойпрогулки?¹⁾

1) Во второмъ изданіи (1888 г.) своей книги „De la suggestion“ etc., Бернгеймъ слѣдующимъ образомъ отвѣтчаетъ на критику Бони (см. стр. 221—223).

Сдѣлавши выписку изъ Бони, въ которой говорится, что Бернгеймъ „только раздробляетъ затрудненіе, но не разрѣшааетъ его“, авторъ замѣчаетъ:

„Раздробить затрудненіе значить отчасти разрѣшить его; раздробить удовлетворительно значить разрѣшить его вполнѣ. Я показалъ, что сомнамбулы, способные къ внушеніямъ на долгій срокъ, бывають обыкновенно въ высшей степени восприимчивы для внушеній, даже въ состояніи бодрствованія; они съ величайшою легкостью переходятъ отъ сомнамбулизма къ бодрствованію, и обратно; это люди, могущіе самопроизвольно впадать въ сомнамбулизмъ, безъ всякихъ искусственныхъ приемовъ. Погруженные и сосредоточенные сами въ себѣ, они находятся въ томъ состояніи сознанія, когда они помнить сдѣянія имъ внушенія. Заговорите съ ними, и вы вызовете ихъ мозговую дѣятельность наружу, вы вызовете измѣненіе въ состояніи ихъ сознанія, они не будутъ болѣе помнить внушеній, они не будутъ даже знать, что помнили ихъ. Такимъ образомъ, внушеніе, которое они должны выполнить, можетъ занимать ихъ умъ большую часть дня; только они не будутъ помнить этого, когда ихъ спросятъ.

„Если это возврѣніе справедливо, то объяснить внушенія на долгій срокъ не труднѣе, чѣмъ и тѣ, которыхъ должны осуществиться немедленно послѣ пробужденія.“

„Г. Бони не принимаетъ моего объясненія пробужденія въ назначенный часъ. „Если спящій, говорить онъ,—думаль всю ночь умышленно и сознательно о пробужденіи въ извѣстный часъ, онъ сохранилъ бы въкоторое

II. Случай пляски св. Вита, излѣченной гипнотизмомъ¹⁾.

Дѣйствительность гипнотическихъ явлений подвергается еще сомнѣнію со стороны многихъ врачей. Въ рядѣ изслѣдований, предпринятыхъ въ послѣднее время, по вопросу о физиологическихъ явленіяхъ искусственного сомнамбулизма, я имѣлъ случай отмѣтить известное количество фактовъ, которые исключаютъ всякую идею о притворствѣ и которые мнѣ кажутся способными привести въ убѣждѣнію самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ. Объ одномъ изъ подобныхъ фактовъ я и сообщу здѣсь.

Аналогичный фактъ былъ уже наблюдаемъ, нѣсколько дней тому назадъ, моимъ товарищемъ, профессоромъ Бернгеймомъ, который сообщилъ мнѣ о немъ; оба эти наблюдения были сообщены медицинскому обществу въ Нанси въ засѣданіи его 25 июня 1884 г.

воспоминаніе объ этомъ послѣ пробужденія; мы припоминаемъ, и иногда со всѣми подробностями, сновидѣнія, которыхъ только на мгновеніе пролетали черезъ мозгъ во время сна, и вдругъ бы мы не помнили мысли, на которой наше вниманіе было *неподвижно сосредоточено*²⁾. Но именно характерѣйшая черта глубокаго сна и сомнамбулизма и заключается въ амнезіи (потери памяти) по пробужденію. Умъ сомнамбула можетъ въ теченіе часовъ оставаться сосредоточеннымъ на одной какой-нибудь идеѣ, напримѣръ, на задачѣ, которую нужно разрѣшить, и, однако, послѣ пробужденія субъектъ не будетъ ничего помнить. Безъ сомнѣнія, при менѣе глубокихъ стадіяхъ естественного или вызванного сна, можно помнить свои сновидѣнія; нѣоторые люди, съящіе легкимъ сномъ, какъ и загипнотизованные въ первыхъ стадіяхъ, могутъ помнить мысли, пробѣгавшія черезъ ихъ мозгъ; они могутъ припомнить, что ихъ мозгъ былъ занятъ мыслью, какъ бы не пропустить часа. Но въ этомъ случаѣ они, подобно тѣмъ загипнотизованнымъ, которые сохраняютъ воспоминанія, лишаются того, что составляетъ для нихъ критерій сна, они думаютъ, что они не спали.

“Г. Бони видѣть во всемъ этомъ явленія *бессознательной мозговой деятельности*. Признаюсь, я понимаю эту дѣятельность лишь настолько, на сколько она относится къ явленіямъ растительной жизни; мозгъ безъ нашего вѣдома принимаетъ участіе въ актахъ кровообращенія, дыханія и питанія. Но мысль, стъ того момента, какъ она образовалась, всегда уже есть явленіе сознанія: загипнотизованный, который крадется, повинуясь внушению, сумасшедшій, который убиваетъ, знаютъ, что они крадутъ и убиваютъ. Если они не ответственны, то только потому, что ихъ нравственное сознаніе извращено насильственнымъ образомъ, что безуміе и внушеніе господствуютъ надъ всѣмъ ихъ существомъ. Состояніе ихъ сознанія измѣнено, какъ это можетъ случиться и при сильныхъ эмоціяхъ, напр., при гнѣвѣ. Субъектъ, прида въ нормальное состояніе, освободившись отъ власти внушенія, безумія, гнѣва, возвратившись къ обыденному состоянію, можетъ все забыть. Однако, его дѣятельство было сознательнымъ, хотя воспоминаніе о немъ теперь и изгладилось. Существуютъ скрытые идеи, но нѣтъ идей бессознательныхъ.”

П. М.

¹⁾ Этотъ случай уже былъ опубликованъ въ „Gazette m dical  de Paris“ 2 августа 1884 г. Онъ перепечатанъ и въ книгѣ г. Бернгейма „De la suggestion“ etc., р. 346.

Вотъ, въ весьма сокращенномъ видѣ, наблюденіе, относительно котораго я скажу только нѣсколько словъ:

Викторина Л. двѣнадцати съ половиною лѣтъ, особа лимфатическая, но крѣпкая и хорошо сложенная, страдаетъ правостороннею хореей (пляской св. Вита), относительно которой ея мать сообщила слѣдующее:

Первый приступъ. Четырехъ съ половиною лѣтъ дѣвочка получила вслѣдствіе испуга пляску св. Вита, которая распространилась на всѣ члены и была весьма интенсивною. Дитя не могло ни ходить, ни говорить, почти не могло даже Ѣсть. Сверхъ того, болѣзнь усиливалась въ извѣстные періоды дня; эти припадки длились отъ десяти до пятнадцати минутъ и повторялись шесть-семь разъ въ день. Продолжительность этого первого приступа была три мѣсяца. Холодные души были единственнымъ способомъ лѣченія, который къ ней примѣнялся.

Между шестью и семью годами она чувствовала боли въ сочлененіяхъ.

Второй приступъ случился въ семь съ половиною лѣтъ. Онъ былъ столь же силенъ, какъ и первый, и представлялъ тотъ же характеръ, но продолжался онъ только шесть недѣль. Такое же лѣченіе.

Третій приступъ случился въ девять съ половиною лѣтъ. Была поражена только правая сторона; отъ шести до семи припадковъ въ день; продолжительность: шесть недѣль. Никакого лѣченія.

Четвертый приступъ случился въ одиннадцать съ половиною лѣтъ. Та же правосторонняя хорея; такая же продолжительность; опять шесть, семь припадковъ въ день. Никакого лѣченія.

Пятый приступъ случился въ двѣнадцать съ половиною лѣтъ. Первый припадокъ былъ 27 мая и въ тотъ же день было еще шесть весьма жестокихъ припадковъ. 28 и 29 такое же число столь же жестокихъ припадковъ. Мать приводитъ ее къ д-ру Льебо, который усыпляетъ ее впервые. Въ полдень у нея было еще два припадка, но они были менѣе сильными.

31 мая она вновь была загипнотизована; она имѣла одинъ легкій припадокъ, который и былъ послѣднимъ.

9 июня хореическія движения повторились вслѣдствіе испуга, однако, они были менѣе интенсивными. Но ея произвольныя движения были весьма разстроены, особенно въ рукѣ. Мать привела ее для усыпленія.

Въ этотъ день я находился у Льебо. Профессоръ Берн-

геймъ сообщилъ мнѣ за нѣсколько днѣй передъ тѣмъ обѣ одномъ случаѣ хореи, когда, посредствомъ гипноза, въ одинъ сеансъ удалось уничтожить разстройство движеній въ рукѣ и сдѣлать больного способнымъ писать, къ чему онъ прежде былъ неспособенъ. Я рассказалъ обѣ этомъ д-ру Льебо и просилъ его сдѣлать тотъ же опытъ надъ его маленькою пациенткой. Онъ немедленно согласился на это.

Я сказала Викторинѣ L. написать свое имя. Не смотря на все свое стараніе, это весьма интеллигентное и весьма послушное дитя могло достигнуть только безформенного царапанья, въ которомъ едва можно различить букву L, начальную букву ее фамилии. Факсимиле этого царапанья читатель видитъ на рисункѣ подъ литерой А.

Рис. А.—Хореическое писаніе Викторины L.

Затѣмъ г. Льебо усыпляетъ ее и, усыпивши, приказываетъ ей написать свою фамилию. Вотъ что она написала сразу, безъ колебаній и съ закрытыми глазами (см. рис. Б).

C Lais

Рис. Б.—Писаніе Викторины L. во время ея сна.

Сверхъ того, во время ея сна, всѣ хореические движения исчезли.

Послѣ ея пробужденія, мы снова заставляемъ ее написать свое имя; на этотъ разъ она пишетъ съ открытыми глазами: Вотъ факсимиле этого писанія (см. рис. В.).

Рис. В.—Писаніе Викторины Л. послѣ пробужденія.

Слѣдующіе дни ее вновь гипнотизовали и улучшеніе продолжалось.

Спустя нѣсколько дней, дитя не страдало болѣе разстройствомъ движений и могло, какъ прежде, писать, шить и заниматься всѣми ручными работами.

Думаю, что этотъ фактъ не нуждается въ комментаріяхъ и, мнѣ кажется, что для всѣхъ непредубѣжденныхъ людей, изслѣдованіе этихъ трехъ, представленныхъ мною, факсимиле имѣть большее значеніе, чѣмъ всякия разсужденія.

III. Замѣчанія по поводу статьи Г. Боссира: «Наблюдение внутреннее и наблюдение внешнее въ психологіи».

Въ замѣткѣ, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «Revue philosophique» 1885 г. озаглавленной: „Наблюдение внутреннее и наблюдение внешнее въ психологіи“, г. Боссири исправляетъ одно мѣсто моей статьи: *Опытъ въ психологіи при помощи искусственнаго сомнамбулизма*. (Эта статья, какъ было сказано, составляетъ вторую часть данной книги). Вотъ это мѣсто: „Внутреннее самонаблюденіе (единственный методъ, превозносимый прежде) не дало ничего того, чего отъ него ожидали, и весь гений людей, занимавшихся подобными изслѣдованіями, не могъ превозмочь несовершенства метода. Въ самомъ дѣлѣ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы находились или, по крайней мѣрѣ, почти находились на уровняѣ *Трактата о души Аристотеля*“ (стр. 55).

Поправка г. Боссира относится къ словамъ: „Единственный методъ, превозносимый прежде“; онъ находитъ эти слова исторически невѣрными.

Охотно соглашаюсь, что эта фраза, по своей формѣ, слишкомъ безусловна и что ею я, быть можетъ, сказалъ боль-

ше, чѣмъ хотѣль. Однако, въ основаніи своеемъ она справедлива, и поэтому я возможно кратко отвѣчу на нѣкоторыя возраженія г. Боссира.

Трактатъ о душѣ Аристотеля, говоритъ г. Боссиръ, не будучи основанъ исключительно на внутреннемъ наблюденіи, есть, въ значительной степени физиологической трактать.

Это утвержденіе кажется мнѣ слишкомъ безусловнымъ.

Въ *Трактатѣ о душѣ* имѣются три ученія, или три части, которая нѣсколько спутаны между собою, но которые, все-таки, отличаются другъ отъ друга. Это часть метафизическая, часть физиологическая и часть чисто психологическая.

О части метафизической (классификація причинъ, различие матеріи и формы и т. п.) я не буду говорить; она вѣнчаетъ спора.

Физиологическая часть весьма интересна съ точки зреенія исторической, особенно для физиолога, но она именно есть самая слабая часть сочиненія; въ извѣстныхъ отношеніяхъ, она слабѣе даже того, что оставили намъ нѣкоторые предшественники Аристотеля.

Напротивъ, часть психологическая, основанная на внутреннемъ наблюденіи, весьма замѣчательна; можно бы сказать даже, что она не устарѣла, что она составляетъ основаніе психологіи еще и въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы находимъ различеніе между восприятіемъ и ощущеніемъ (впрочемъ, это различеніе было предусмотрѣно еще Платономъ); здѣсь мы узнаемъ, что ощущеніе есть основаніе знанія, такъ что созданіе знаменитой аксиомы: *Nil est in intellectu...* могло бы быть отнесено ко времени Аристотеля, что бы тамъ ни говорили объ этомъ нѣкоторые авторы. Выше специальныхъ чувствъ Аристотель ставить чувство общее, настоящее *sensorium communis*. Онъ анализируетъ и различаетъ память и воспоминаніе, и все, что онъ говоритъ объ этомъ, а также и о воображеніи, отрывается имъ единственно посредствомъ внутренняго наблюденія. Его мыслящая душа, которую онъ отличаетъ отъ души чувствующей, помѣщенной въ сердцѣ, не имѣть мѣстопребыванія ни въ одномъ органѣ, ибо, какъ извѣстно, для Аристотеля, мозгъ не есть органъ мысли; следовательно, его различеніе способностей мыслящей души не можетъ быть основано на органахъ и организаціи. Легко было бы найти въ этой книгѣ зародышъ ученія ассоціаціонистовъ; мы встрѣчаемъ здѣсь даже взглядъ на дѣятельность *умѣнія* (умъ, разумъ), какъ на результатъ задержки. Такимъ образомъ, почти всѣ великие

психологические вопросы были если не разрешены, то, по крайней мѣрѣ, затронуты Аристотелемъ и изучены имъ при помощи внутренняго наблюденія.

И таѢ, мнѣ кажется, что въ психологическихъ трудахъ Аристотеля и въ частности въ его *Трактатѣ о души* внутреннее наблюденіе играетъ гораздо большую роль, чѣмъ это допускаетъ г. Боссири.

Что касается виѣшнаго наблюденія, то какова его роль? Можно ли назвать виѣшнимъ наблюденіемъ (въ психології, конечно) нѣкоторое количество грубыхъ понятій изъ области анатоміи и физіологии,—понятій, которыхъ оправдываются состояніемъ знанія въ ту эпоху, но которыхъ не имѣли, и не могли имѣть, никакого значенія для психології? Станемъ ли мы называть виѣшнимъ наблюденіемъ помѣщеніе души въ сердце или въ желудокъ? Развѣ это виѣшнее наблюденіе и раздѣленіе органовъ, какъ говорить г. Боссири, привели Платона къ раздѣленію способностей разумной души на умъ, математику и вѣру?

Съ этимъ вопросомъ связано нѣкоторое недоразумѣніе, которое нужно разсѣять. Описать мозгъ и нервную систему и построить рядомъ систему чистой психології, это не значитъ создать объективную психологію; это значитъ просто написать анатомію плюсъ психологію; но можно перемѣшивать сколько угодно одну науку съ другою, и, все-таки, этого недостаточно для ихъ взаимнаго проникновенія, какъ нельзя смѣшать, такимъ образомъ, масла и воды. Психологія древнихъ и новыхъ философовъ до нашихъ дней была только подобною смѣсью. Правда, это не ихъ вина: физіология была такъ мало развита, что нельзя винить философовъ за ихъ постоянное возвращеніе въ избитую колею внутренняго наблюденія. Школа Кузена, доводя до крайности это стремление и возводя его въ принципъ, только обнаружила, съ еще большею очевидностью, недостаточность метода. Но въ дѣйствительности этотъ методъ примѣнялся втечение вѣковъ, и примѣнялся почти исключительно.

Только недавно этотъ методъ оставленъ; онъ уступилъ свое мѣсто не только виѣшнему наблюденію, но даже опытному методу, который оказалъ уже столько услугъ. Во всякомъ случаѣ, знаменательно уже и то, что философы, подобно г. Боссири, допускаютъ недостаточность внутренняго наблюденія въ психології; теперь идетъ вопросъ только (выразимся его словами) о пропорціи, и, съ своей стороны, сравнивая результаты обоихъ методовъ, я думаю, что нужно все болѣе и болѣе увеличивать пропорцію того элемента, который до сихъ поръ давалъ наилучшіе результаты.

IV. Объ отчетливости зрительныхъ галлюцинацій.

По поводу отчетливости зрительныхъ галлюцинацій я сказалъ¹⁾: „Однако, возможно, что посредствомъ упражненія зрительная галлюцинація приобрѣаетъ точность дѣйствительного восприятія. Сновидѣнія, повидимому, иногда достигаютъ до этой степени точности, по крайней мѣрѣ, у некоторыхъ людей (ибо этого не бываетъ у меня)“...

Теперь я долженъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, я испытала, правда, только однажды, въ сновидѣніи такія же живыя ощущенія, какъ и въ дѣйствительности.

Я видѣла (18 февраля 1886 г.) пейзажъ съ водою, зеленою, деревьями, домами, причемъ какъ контуры, такъ и краски всѣхъ этихъ предметовъ были видимы мною съ полнѣшою отчетливостью.

Но, послѣ пробужденія, я не могъ вспомнить, былъ ли этотъ пейзажъ простою и чистою галлюцинацией, или же онъ былъ соединенъ въ моемъ сновидѣніи съ какимъ либо дѣйствиемъ. Не смотря на всѣ мои усилия, мнѣ невозможно было вспомнить, какъ онъ появился передъ моими глазами и какъ онъ исчезъ.

Послѣ пробужденія, я только хорошо помнила, что, рассматривая пейзажъ, я тогда же думала о вопросѣ, который меня часто занималъ, а именно, объ отчетливости образовъ въ сновидѣніи, и мысленно прибавляла: на этотъ разъ я вполнѣ увѣренъ, что видѣла этотъ пейзажъ такъ, какъ будто онъ дѣйствительно былъ у меня передъ глазами. Я весьма ясно сознавалъ, что я *презиралъ*, что я *разсуждалъ* объ отчетливости моего сновидѣнія и что дѣлалъ выводъ о тождественности образовъ, даваемыхъ сновидѣніемъ, и дѣйствительныхъ образовъ.

Что касается забвенія обстоятельствъ, которыя въ моемъ сновидѣніи предшествовали или слѣдовали за появлениемъ пейзажа, то здѣсь нѣть ничего удивительного; со мною часто случается, что я только съ трудомъ могу вспомнить сновидѣнія, которыхъ я видѣла ночью, или даже вовсе не могу ихъ припомнить, и помню только, что видѣла сонъ.

По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что сновидѣнія, которыхъ я легче всего забываю, суть тѣ, которыхъ состоять изъ дѣйствий или картинъ (люди, одушевленные и неодушевлён-

¹⁾ Стр. 83.

ные предметы), тогда какъ я гораздо легче помню сновидѣнія изъ области умственной дѣятельности.

Такъ, мнѣ часто случалось видѣть во снѣ, что я читаю свой курсъ, рассматриваю въ сновидѣніи физиологические и психологические вопросы, которыми я занимался втеченіе дня, или слѣжу за ходомъ разсужденій, и послѣ пробужденія я могъ бы записать почти буквально рѣчь, которую я произносилъ, или размышленія, которымъ я предавался.

Впрочемъ, эти сновидѣнія, которыхъ я назову умственными, въ отличіе отъ сновидѣній дѣйствій, чувствованій или ощущеній, хотя и бываютъ весьма отчетливыми въ моментъ пробужденія, весьма скоро изглаживаются изъ памяти, если я не замѣчу ихъ немедленно, и тогда я могу вспомнить только нѣкоторые отрывки или нѣкоторая смутныя фразы.

V. О забвѣніи послѣ пробужденія у загипнотизованныхъ.

Г. Дельбейфъ¹⁾ напаль на мое мнѣніе, которое я высказа-
зала по вопросу о памяти у загипнотизованныхъ.

„Характерный фактъ, удостовѣренный почти всѣми, за-
нимавшимися этимъ вопросомъ, сказалъ я,—заключается въ
томъ, что загипнотизованный послѣ своего пробужденія не
помнить ничего, что произошло во время его гипнотического
сна“ (стр. 55).

Г. Дельбейфъ старается доказать, что дѣло происходитъ
не такъ. Опыты, которые онъ производилъ, показываютъ про-
тивное и позволяютъ ему „возстановить во всей его цѣлости
единство сознанія загипнотизованныхъ, которое были склонны
считать какъ бы разорваннымъ“. По его мнѣнію, для того,
чтобы субъектъ помнилъ, достаточно, чтобы онъ былъ раз-
буждѣнъ среди дѣйствія и чтобы послѣдній актъ сновидѣнія
была первымъ актомъ пробужденія.

Но мои опыты не дали мнѣ тѣхъ же результатовъ, какъ
опыты Дельбейфа. Я пробуждалъ субъектовъ во всѣхъ фазахъ
сновидѣнія (употребляю терминъ автора), какъ во время,
такъ и послѣ дѣйствія, и не нашелъ никакого различія съ
точки зрѣнія потери памяти послѣ пробужденія. Единствен-
ные исключенія изъ вышеприведенного правила зависѣли отъ
случаевъ неполного и не довольно глубокаго сна.

Сверхъ того, мнѣ кажется, что, ограничиваясь даже опы-
тами самого г. Дельбейфа, нельзя законно прійти къ тому за-
ключенію, которое онъ выводить.

¹⁾ „La mÃ©moire chez hypnotisÃ©s, mai 1886 („Revue philosophique“).

Прежде всего я пропущу все опыты (это первые опыты), въ которыхъ г. Дельбефъ приказываетъ субъекту помнить свое сновидѣніе послѣ пробужденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ случаяхъ нѣтъ ничего естественнѣе того, что субъектъ помнитъ, ибо это было ему внушено, и подобные случаи я самъ отмѣтилъ. А именно, вотъ что я сказалъ:¹⁾.

„И такъ, слѣдующіе законы управляютъ гипнотическою памятью:

1) „Воспоминаніе о различныхъ состояніяхъ сознанія (ощущенія, дѣйствія, мысли и т. п.) искусственного сна уничтожаются при пробужденіи, но, посредствомъ внушенія, это воспоминаніе можетъ быть оживлено на короткій періодъ или же на неопределѣленно долгое время“...

Остаются, слѣдовательно, случаи, въ которыхъ субъектъ не получилъ внушенія помнить свое сновидѣніе послѣ пробужденія. Въ этихъ опытахъ результаты были неодинаковы; воспоминаніе то отсутствовало, то (и это чаще всего) сохранилось; но я замѣчу, что почти все опыты были произведены надъ однимъ и тѣмъ же субъектомъ, который, въ сущности, подвергся настоящей дрессировкѣ. Наконецъ, въ этихъ случаяхъ вполнѣ ли убѣжденье г. Дельбефъ, что онъ невольно не произнесъ какихъ нибудь словъ, которыхъ, будучи услышаны субъектомъ, могли бы внушить ему помнить свое сновидѣніе?

Къ этой мысли меня привело слѣдующее соображеніе: г. Дельбефъ разсказываетъ²⁾ о цѣломъ рядѣ опытовъ, въ которыхъ не было произнесено ни одного слова и внушеніе образовалось просто вслѣдствіе подражанія жестамъ экспериментатора. И во всѣхъ этихъ случаяхъ забвеніе послѣ пробужденія было полное, даже и тогда, когда пробужденіе совершилось во время дѣйствія, которое было послѣднимъ во время сна и первымъ при пробужденіи.

Я думаю, что, въ виду подобныхъ фактовъ, почти не дозволительно колебаться въ заключеніи, и это заключеніе, мнѣ кажется, будетъ противоположно выводу автора. Съ своей стороны, на основаніи данныхъ, полученныхъ изъ моихъ опытовъ, я убѣжденъ, что если г. Дельбефъ повторить свои опыты, принявши всѣ предосторожности для избѣженія всякой предварительной дрессировки субъекта и для обеспеченія отъ всякаго внушенія, какъ прямого, такъ и косвенного, то онъ придется къ тѣмъ же результатамъ, какъ и я. Остерегайтесь внушенія.

¹⁾ Стр. 57.

²⁾ Параграфъ 7 его статьи, стр. 459.

Два слова въ заключеніе. Я не хочу сказать, что послѣ пробужденія никогда не сохраняется воспоминанія; я самъ сдѣлалъ замѣчаніе, что, *въпроятно, въ этомъ отношеніи существуютъ индивидуальные измѣненія*¹⁾), но это случаи исключительные, которые не уменьшаютъ значенія общаго правила.

VI. Умственное внушение.

Нѣсколько случаевъ умственного внушенія было сообщено въ послѣднее время Обществу физиологической психологіи гг. Пьеромъ Жане, Шарлемъ Рише, Герикуромъ, Охоровичъ, и я самъ сообщилъ этому же обществу одинъ случай, который читатель найдетъ ниже.

Въ Англіи Society for psychical Researches также опубликовало нѣсколько аналогическихъ случаевъ.

Вниманіе общества уже привлечено этими явленіями, указанными, впрочемъ, еще прежними магнетизаторами, и какъ бы ни было велико отвращеніе нашего ума отъ признанія дѣйствительности явленій, которыхъ ниспровѣргаютъ усвоенные нами идеи, все-таки, слѣдуетъ ихъ отмѣтить, въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ дать имъ строгое доказательство и попытаться объяснить ихъ.

Быть можетъ, упомянутые явленія подчинены какому-нибудь условію, которое ускользаетъ отъ насъ и которое дало бы имъ самое простое объясненіе; но, пока, мы не можемъ ихъ отрицать, если только мы не подвергаемъ сомнѣнію добросовѣстность тѣхъ, кто ихъ наблюдалъ. Правда, эти явленія войдутъ въ область положительной науки только тогда, когда ихъ можно будетъ воспроизвести по произволу, слѣдовательно, когда будутъ известны условія ихъ произведенія. Поэтому теперь мы должны только отмѣтить ихъ, когда они встрѣчаются. Это я и хочу сдѣлать здѣсь относительно тѣхъ случаевъ, которые мнѣ удалось наблюдать самому и относительно другихъ случаевъ, которые были мнѣ сообщены г.: Льбо.

Я пытался около десяти разъ произвести умственное внушеніе. Мнѣ удалось это сдѣлать только однажды. Это былъ тотъ опытъ, о которомъ я сообщилъ Обществу физиологической психологіи. Я привожу здѣсь это сообщеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было сдѣлано и напечатано въ Bullets'ахъ Общества (засѣданіе 30 ноября 1885).

¹⁾ Стр. 57.

Случай умственного внушения. Сообщение г. Жане даетъ мнѣ поводъ упомянуть объ одномъ случаѣ умственного внушенія, который я наблюдалъ вмѣстѣ съ д-ромъ Льбо нѣсколько дней тому назадъ. Субъектомъ былъ молодой человѣкъ, отличный сомнамбуль, здоровый, немного робкій. Онъ сопровождалъ свою кузину, то же отличную сомнамбулу, которая явилась къ д-ру Льбо и которая лѣчится гипнотизмомъ отъ первыхъ припадковъ.

Г. Льбо усыпляетъ субъекта и говоритъ ему во время его сна:

— Послѣ пробужденія вы выполните дѣйствие, которое будетъ вамъ приказано мысленно присутствующими особами.

Тогда я пишу карандашемъ на бумагѣ слѣдующія слова: „Поцѣловать свою кузину“. Написавши, показываю бумагу г. Льбо и нѣкоторымъ другимъ присутствующимъ, прося ихъ читать только глазами, не произнося даже губами ни одного написанного слова, и затѣмъ прибавляю: „Послѣ его пробужденія, вы будете усиленно думать о дѣйствіи, которое онъ долженъ совершить; вы не должны говорить ни слова, не должны дѣлать ни одного жеста, который могъ бы наложить его на мысль“.

Послѣ этого пробуждаютъ субъекта и мы ожидаемъ результата опыта.

Немногого спустя, мы видимъ, что онъ смеется и закрываетъ лицо руками; это продолжается нѣкоторое время, не приводя къ иному результату. Тогда я его спрашиваю:

— Что съ вами?

— Ничего.

— О чёмъ вы думаете?

Онъ не отвѣчаетъ.

— Вы знаете, говорю я ему, — что вы должны сдѣлать нѣчто, о чёмъ мы думаемъ. Если вы не хотите этого дѣлать, то, по крайней мѣрѣ, скажите, о чёмъ вы думаете.

— Нѣть.

Тогда я говорю ему:

— Если вы не хотите сказать громко, скажите мнѣ на ухо.

И я подхожу къ нему.

— Поцѣловать мою кузину, говорить онъ.

Разъ, что первый шагъ сдѣланъ, остальная часть умственного внушенія выполняется легко.

Есть ли это простое совпаденіе? Это было бы весьма удивительно. Могъ ли онъ, во время своего сна, узнать смыслъ словъ, которыхъ я писалъ, по тому, какъ я ихъ писалъ? Могъ

ли онъ ихъ видѣть? Все это весьма маловѣроятно. Наконецъ, я убѣжденъ, что никто изъ присутствующихъ не дадъ ему понять какимъ бы то ни было образомъ, какое дѣйствие долженъ онъ совершить.

Очевидно, здѣсь мы встрѣчаемъ нѣчто, ниспровергающее всѣ усвоенные нами воззрѣнія на отправленія мозга, и я, съ своей стороны, до послѣдняго времени относился крайне недовѣрчиво ко всѣмъ явленіямъ подобного рода. Теперь же я пришелъ къ тому выводу, что ихъ не слѣдуетъ отвергать, ибо удачные случаи, хотя и рѣдко встрѣчающіеся, все-таки, достаточно многочисленны, чтобы можно было приписать ихъ простому случаю. Поэтому, какъ только вопросъ объ умственномъ внушеніи былъ поставленъ передъ обществомъ, я счелъ возможнымъ внести свою долю, какъ бы ни казались странными эти явленія.

Другой опытъ былъ неудачнымъ, но неудача была довольно странного свойства и почти такъ же поучительна, какъ и успѣхъ.

Опытъ былъ произведенъ надъ молодою деревенскою девушкой, уже три года страдавшей истеро-эпилепсіей и имѣвшей въ послѣднее время по нѣсколько припадковъ въ день. Она приходила къ д-ру Льебо для усыщенія и гипнотической сонъ привелъ къ значительному улучшенію ея состоянія.

Ей сказали во время ея сна: „Вы увидите то, о чемъ мы думаемъ“, и одинъ изъ настъ написалъ на бумагѣ: „Послѣ вашего пробужденія вы увидите г. Льебо съ черными волосами“; остальные прочитали написанное. Замѣтили, что д-ръ Льебо съ значительной просѣдью: его волоса и борода скорѣе блѣлаго, чѣмъ чернаго цвѣта.

Ее пробуждаютъ; она смотритъ на г. Льебо и смеется.

— Что съ вами?

— Мне кажется, что г. Льебо имѣеть странный видъ.

— Въ чёмъ?

— Не знаю; но у него смѣшной видъ; въ немъ что-то есть.

— Въ чёмъ же оно проявляется?

— Въ его физіономіи.

И она продолжаетъ смотрѣть.

— Не могу сказать, что это такое, но онъ не тотъ, что прежде.

Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, она говоритъ:

— У него большая борода.

Всѣ другие разы я получалъ только отрицательные ре-

зультаты или же результаты столь неопределенные, что изъ нихъ нельзя было ничего вывести.

Къ этимъ только что рассказаннымъ фактамъ я прибавлю другие, которые были мнѣ сообщены д-ромъ Льбо. Опыты были произведены г. Льбо и г. Гюэта, литераторомъ, 9-го января 1886 г., у г. Льбо. Я перепишу просто протоколь опытовъ, какъ онъ былъ переданъ мнѣ г. Льбо.

1) М-ше Луизъ Л., усыпленной магнитическимъ¹⁾ сномъ, было сообщено, что она должна будетъ отвѣтить на вопросъ, который будетъ сдѣланъ ей умственно, безъ помоши какого бы то ни было слова или знака. Д-ръ Льбо, положивши свою руку на лобъ субъекта, собрался съ мыслями, сосредоточивая свое вниманіе на вопросѣ, который онъ хотѣлъ сдѣлать: „Когда вы выздоровѣете?“ Губы сомнамбулы внезапно задвигались. „Скоро“, пробормала она явственно. Тогда ей предложили повторить передъ всѣми присутствующими вопросъ, который она инстинктивно узнала. Она его повторила въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ онъ былъ формулированъ въ умѣ экспериментатора.

2) Г. де-Гюэта, прида въ сношеніе съ замагнетизированною, предложилъ ей умственно другой вопросъ: „Возратитесь ли вы на будущей недѣль?“ — „Быть можетъ“, былъ отвѣтъ субъекта; но, будучи приглашеною сообщить ум-

¹⁾ Научное изслѣдование гипноза началось такъ недавно, что по этому вопросамъ не установилось ещеочно выработанной терминологіи; выражения: „животный магнетизмъ“, „вызванный сомнамбулизмъ“ и „гипнозъ“ употребляются различными авторами для обозначенія одного и того же явленія; соответственно съ этимъ и выражения: „сомнамбулический сонъ“, „магнитический сонъ“ и „гипнотический сонъ“ тоже употребляются какъ тождественные. Въ одномъ изъ примѣчаній я уже показалъ, что имѣть право перенѣтъ заглавіе переведимаго мною сочиненія; теперь я скажу, почему я это сдѣлалъ.

Шарль Риш, въ своемъ сочиненіи „L'Homme et l'intelligence“, говорить слѣдующее (см. р. 151—152, примѣчаніе): „Слово сомнамбулизмъ, быть можетъ, есть лучшее, какое можно усвоить для обозначенія психо-физиологическихъ явленій, описываемыхъ еще часто подъ именемъ сомнаций (somniation), животного магнетизма и гипноза. Въ самомъ дѣлѣ, слово „сомнация“, нѣкогда предложенное Франкомъ, мало употребляется. Выраженіе „животный магнетизмъ“ предполагаетъ аналогію этихъ явленій съ электрическими явленіями, проявляющимися у животныхъ и хотя, быть можетъ, эта аналогія менѣе невѣроятна, чѣмъ это долго предполагали, все таки лучше сохранить терминъ „магнетизмъ“ для явленій электромагнитическихъ. Остаются слова: месмеризмъ, бредизмъ и гипнозъ. Что касается термина „месмеризмъ“, то, какъ известно, Месмеръ не получилъ того сомнамбулическаго состоянія, какое мы знаемъ теперь, и существуетъ еще значительная неизвѣстность относительно истинной природы явленій, вызывавшихся его пресловутымъ чаномъ. Слово бредизмъ, конечно, не можетъ быть допущено; ибо Бредъ явился черезъ полстолѣтія послѣ Месмера, Плюисегюра, Делёза, Гюссона и Дюполе. Что касается выраженія гипнозъ, то оно само по себѣ не обозначаетъ ничего, кроме сна. Но, вообще, подъ именемъ гипно-

ственный вопросъ присутствующимъ, она отвѣтила: „Вы меня спросили, возвратитесь ли вы на будущей недѣль“. Эта ошибка, относящаяся только къ одному слову, весьма знаменательна. Можно бы сказать, что молодая девушка обмолви-
лась, читая въ мозгу магнетизатора.

ласъ, читая въ мозгу магнетизатора.
3) Д-ръ Льбо, желая, чтобы не было произнесено, хотя бы даже тихо, ни одного слова, могущаго дать указание субъекту, пишеть на бумагѣ: *Мадемузель, пробуждалась, увидитъ свою черную шляпу окрашенную въ красный цветъ.* Записка побывала у всѣхъ присутствующихъ; послѣ этого гг. Льбо и Гюэта молча кладуть свои руки на лобъ субъекта, произнося умственно условленную фразу. Затѣмъ, сообщивши молодой дѣвушкѣ, что она увидить въ комнатѣ нѣчто особенное, ее разбудили. Она немедленно, безъ колебанія стала смотрѣть на свою шляпу и съ громкимъ смѣхомъ вскричала, что это не ея шляпа; она не хочетъ ея. Шляпа имѣетъ ту же форму, но это шутка, которую пора покончить; нужно отдать ей ея вещь.

— Но наконецъ какую перемѣну вы въ ней видите?

— Но, наконецъ, какую перемѣну.
— Вы сами отлично знаете; у васъ такие же глаза, какъ
и у меня.

— Но, однако?..

— Но, однако!..
Нужно было долго настаивать, пока она согласилась ска-

тизма понимают сонъ, который явился вслѣдствіе извѣстныхъ специальныхъ приемовъ, напримѣръ, вслѣдствіе фиксациіи блестящаго предмета. Поэтому, мы думаемъ, что обыкновенное слово *сомнамбулизмъ*, которое не предполагаетъ никакой предвзятой идеи, никакой теоріи, должно быть предпочтено всевозможнымъ остальнымъ. Мы скажемъ тогда, что есть *сомнамбулизмъ* самопроизвольный (сомнамбулизмъ прежнихъ авторовъ) и *сомнамбулизмъ* вызванный (животный магнетизмъ новѣйшихъ писателей)¹.

Но мы думаемъ, что, наоборотъ, слово „гипнотизмъ“ не предполагаетъ никакой предвзятой идеи, никакой теоріи, а противъ слова „сомнамбулизмъ“ можно сдѣлать такое же возраженіе, какое Ш. Рише дѣлаетъ противъ выражения „животный магнетизмъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велико сходство между явленіями чисто гипнотическими и явленіями естественного (самопроизвольного) сомнамбулизма, тѣмъ не менѣе, тождественность ихъ еще не доказана. Мало того: существуетъ цѣлая школа, утверждающая, что гипнотические явленія проявляются въ трехъ совершенно различныхъ формахъ: въ формѣ листаргіи, въ формѣ каталепсіи и въ формѣ сомнамбулизма. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы также не имѣмъ права замѣнить общее выражение „гипнотизмъ“ частнымъ „вызванный сомнамбулизмъ“, какъ не имѣли бы права употреблять вместо этого выраженія: „вызванная листаргія“ или „вызванная каталепсія“.

тагия" или "вызванный каталекс". Гипнотизмъ, говорит Ш. Риш, обозначаетъ сонъ, вызванный посредствомъ известныхъ приемовъ; но то же самое обозначаетъ и принимаемое выражение "вызванный сомнамбулизмъ". Конечно, было бы нелѣпо давать название гипнотизма явленіямъ естественного сомнамбулизма; но показательное между гипнотизмомъ и сомнамбулизмомъ не выяснено окончательно, полезно сохранить оба эти слова для обозначенія явлений хотя и весьма сходныхъ, но тождественность которыхъ еще не доказана. П. М.

зать, въ чёмъ измѣнилась ея шляпа; она думала, что надъ нею смеются.

Послѣ долгихъ вопросовъ, она, наконецъ, сказала:

— Вы отлично видите, что шляпа совершенно красная.

Такъ какъ она отказывалась взять свою шляпу, то пришлось положить конецъ ея галлюцинаціи, увѣривши ее, что шляпа сейчасъ прійметъ прежній свой цвѣтъ. Д-ръ Льбо подулъ на шляпу, и девушка, увидѣвшіи, что это дѣйствительно ея шляпа, согласилась взять ее.

Не буду пытаться дать объясненіе этимъ фактамъ; быть можетъ, я буду имѣть случай возвратиться къ нимъ позднѣе¹⁾.

Прибавленіе переводчика.

Статья Бергсона, на которую ссылается авторъ, настолько интересна и поучительна, что прежде, чѣмъ выполнить обѣщаніе, данное мною выше, и сообщить читателю нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ состояніи вопроса объ умственномъ внушеніи, я возможно кратко разскажу содержаніе этой статьи.

Бергсонъ узналъ, что одинъ житель Клермона, производя опыты гипнотизаціи надъ группою молодыхъ людей, достигъ замѣчательныхъ результатовъ относительно умственного внушенія. Такъ, становясь передъ загипнотизованнымъ, онъ раскрывалъ книгу, держа ее такимъ образомъ, что загипнотизованный могъ видѣть только переплетъ книги, текстъ же былъ передъ глазами самаго экспериментатора, и, однако, загипнотизованный отгадывалъ нумеръ страницы, читалъ отдельныя слова и даже цѣлые строки. Бергсонъ вмѣстѣ съ Робине посѣтили этого господина и хотя убѣдились, что опыты производились совершенно правильно, тѣмъ не менѣе, пожелали сами повторить ихъ; для этого они пригласили къ себѣ четырехъ изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, надъ которыми производились опыты.

Свои опыты Бергсонъ и Робине производили слѣдующимъ образомъ: экспериментаторъ становился около окна, почти совсѣмъ повернувшись спиной къ свѣту; усыпленный субъектъ помѣщался передъ экспериментаторомъ; послѣдній раскрывалъ какую нибудь книгу и держалъ ее почти вертикально

¹⁾ По поводу подобныхъ явлений см. интересную статью: *О безсознательномъ притворствѣ въ гипнотическомъ состояніи* Бергсона въ *Revue Philologique*. ноябрь 1886 г.

на разстоянії приблизительно 10 сантиметровъ отъ своихъ глазъ, но нѣсколько ниже ихъ, чтобы можно было смотрѣть на усыпленного; затѣмъ онъ приказываетъ субъекту прочитать, положимъ, первую строку на правой страницѣ. Если субъектъ сразу и ошибался, то онъ немедленно исправлялъ свою ошибку, какъ только книгу перемѣщали немного въ ту или другую сторону, пока онъ не заявилъ, что можетъ читать ее явственно.

Когда субъекта спрашивали, какимъ образомъ можетъ онъ отгадывать напечатанное, онъ всегда отвѣчалъ: „Я его вижу“.— „Гдѣ вы его видите?“— „Тамъ“. И, проведя пальцемъ подъ книгою, онъ съ замѣчательною точностью указываетъ отгаданное имъ мѣсто. Когда же Бергсонъ, удивленный тѣмъ, что субъектъ могъ прочитать слово сквозь толщину книги и переплета, сказалъ ему: „Покажите мнѣ, гдѣ переплетъ книги“.— „Вотъ онъ“, отвѣчалъ субъектъ. И съ этими словами онъ проводитъ рукою подъ книгою и останавливаетъ ее передъ книгою, указывая, такимъ образомъ, не дѣйствительное положеніе переплета, а симметрическое его положеніе по отношенію къ раскрытымъ страницамъ, т. е. то мѣсто, въ которомъ переплеть книги находился бы, если бы отгаданное имъ слово оставалось на своемъ мѣстѣ, но книга была обращена корешкомъ не къ нему, а къ экспериментатору.

Этотъ случай далъ влѹчъ въ объясненію явленія. Уже и раньше экспериментаторы замѣчали, что, при отгадываніи цифръ, ошибки субъектомъ относились, главнымъ образомъ, не къ самымъ цифрамъ, а къ ихъ порядку: они читали, напримѣръ, 213 вмѣсто 312 или 75 вмѣсто 57 и т. д. Однимъ словомъ, дѣло происходило такъ, какъ будто усыпленные могли отлично читать, но только читали цифры, отраженные въ зеркаль, гдѣ они имѣли симметрическое положеніе. Все это привело къ предположенію, что загипнотизованные читаютъ отгадываемыя или цифры и буквы на роговой оболочки глаза гипнотизатора, что роговая оболочка играетъ въ данномъ случаѣ роль выпуклого зеркала. Конечно, это изображеніе въ глазу весьма мало. Въ самомъ дѣлѣ, величина отгадываемой цифры была равна тремъ миллиметрамъ; если мы предположимъ, что радиусъ кривизны роговой оболочки равенъ 7,8 миллим., то изображеніе цифры въ глазу будетъ нѣсколько менѣе 0,1 миллиметра. Не смотря на это, предположеніе, что загипнотизованный могъ прочитать это изображеніе, не имѣло ничего невѣроятнаго, принимая во вниманіе

необыкновенную остроту чувствъ, которая замѣчалась у загипнотизованныхъ.

Въ виду этого, опыты были повторены при слѣдующихъ условіяхъ: экспериментаторъ сначала тайкомъ замѣчалъ нумеръ страницы, затѣмъ, задавая вопросъ субъекту, закрывалъ глаза. При подобныхъ условіяхъ оказалось, что, какъ бы экспериментаторъ ни сосредоточивалъ своего вниманія на отгадываемой цифрѣ, успѣхъ (даже частичный) былъ такъ рѣдокъ, что его смѣло можно было приписать случаю. *Такимъ образомъ, существование умственного внушенія было въ данномъ случаѣ опровергнуто.*

Затѣмъ былъ предпринятъ третій рядъ опытовъ, причемъ глаза экспериментатора были открыты, но освѣщеніе какъ раскрытой страницы, такъ и роговой оболочки мѣнялось. Эти опыты показали, что отгадываніе происходило лучше всего: 1) когда экспериментаторъ стоялъ отчасти спиной къ свѣту, такимъ образомъ, чтобы книга освѣщалась возможно сильнѣе, но чтобы при этомъ и роговая оболочка не была въ темнотѣ; 2) когда изображеніе приходилось на ту часть роговой оболочки, сзади которой лежитъ зрачекъ, ибо тогда изображенія, имѣя за собою черный фонъ, получаютъ наибольшую отчетливость.

Послѣ всего этого, для доказательства, что чтеніе дѣйствительно происходитъ въ роговой оболочкѣ глаза, оставалось только показать, что цифры и буквы, имѣющія менѣе одной десятой миллиметра или равныя этой величинѣ, могутъ быть прочитаны загипнотизованнымъ. Экспериментаторы не имѣли въ своемъ распоряженіи столь мелкихъ буквъ и цифръ, поэтому они прибѣгли къ опытамъ нѣсколько иного рода. Они показали загипнотизированному микроскоопической фотографію членовъ одного ученаго англійскаго общества. Фотографія эта составляла прямогоугольникъ, длиннѣйшая сторона которого равна приблизительно 2 миллим.; на ней изображено 12 душъ, сидящихъ и стоящихъ вокругъ стола. *Загипнотизованный могъ описать ихъ наружность и изобразить ихъ позы;* ему было внушено, что фотографія имѣеть величину листа бумаги и онъ дѣйствительно видѣлъ ее болѣе. Послѣ этого ему дали въ руки микроскоопической препаратъ, въ которомъ клѣточки были окрашены анилиномъ. Величина клѣточекъ не превосходила 0,06 миллиметра; слѣдовательно, ихъ можно видѣть только при значительномъ увеличеніи. Загипнотизированному, конечно, не сказали, что у него передъ глазами; ему только внущили видѣть препаратъ болѣшимъ, разсмотрѣть его хорошенько и затѣмъ нарисовать его на

бумагѣ. Загипнотизованный нарисовалъ препаратъ такимъ, какимъ можно его видѣть въ микроскопѣ.

Послѣ этихъ опытовъ можно считать доказаннымъ, что загипнотизованный отгадывалъ цифры и буквы не подъ вліяніемъ умственного внушенія, но потому, что читалъ ихъ на роговой оболочкѣ глаза экспериментатора.

Этотъ случай весьма поучителенъ для людей, изучающихъ гипнотизмъ и особенно умственное внушеніе. Въ самомъ дѣлѣ, загипнотизованные читали на роговой оболочкѣ глаза экспериментатора и, однако, утверждали, что читаютъ изъ книги. Ихъ первоначальный гипнотизаторъ внушилъ имъ читать изъ книги, и они остались вѣрны этому внушенію. Новые экспериментаторы пытались различными способами поймать ихъ, привести ихъ къ признанію, что они читаютъ не по книгѣ, а по роговой оболочкѣ глаза, но они остались при своемъ утвержденіи. Первоначальное внушеніе продолжало вліять; испытуемые могутъ употреблять всевозможные приемы, чтобы прочитать напечатанное въ книгѣ, но будутъ вполнѣ добросовѣстно утверждать, что они читаютъ непосредственно въ самой книгѣ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь случай *безсознательного притворства*.

Вотъ еще любопытный опытъ, обнаруживающій то же „бессознательное притворство“.

Бергсонъ стоитъ и, усыпивши субъекта, сажаетъ его передъ собою. Послѣ этого Бергсонъ убѣждаетъ усыпленнаго, что послѣдній стоитъ на его мѣстѣ и составляетъ съ нимъ одну личность; поэтому, лишь только экспериментаторъ испытаетъ какое-либо ощущеніе и онъ, усыпленный, долженъ испытать то же и указать мѣсто возникновенія ощущенія. Послѣ этого одинъ изъ присутствующихъ помѣщается сзади Бергсона и колетъ его будавкою въ шею, голову, ноги и особенно въ лѣвую руку, которую Бергсонъ держить за спицою. Изъ двѣнадцати разъ усыпленный ошибся только дважды, и то слегка. Когда уколъ бывалъ направленъ на пальцы рукъ, усыпленный съ замѣчательною точностью отгадывалъ, въ какой палецъ и даже въ какой суставъ былъ сдѣланъ уколъ. Нѣть сомнѣнія, что онъ испытывалъ настоящія боли, ибо въ одномъ случаѣ боль была таѢъ сильна, что онъ проснулся. Затѣмъ, опыты были видоизмѣнены такимъ образомъ, что человѣкъ, стоявшій сзади Бергсона, дѣлалъ видъ, будто онъ его колетъ, но на самомъ дѣлѣ не прикасался къ нему. Усыпленный не всегда попадался въ эту ловушку, но, однако, часто объявлялъ, что испытываетъ боль, когда уколъ на самомъ дѣлѣ не былъ сдѣланъ. Наконецъ, были предpri-

няты новые опыты. Усыпленный былъ помѣщенъ передъ открытою дверью, сзади которой стоялъ Бергсонъ; оба они были въ одной и той же комнатѣ, видѣли другъ друга, и Бергсонъ держалъ усыпленного за руку; но дверь служила какъ бы ширмою и совершенно скрывала человѣка, помѣстившагося сзади Бергсона, и усыпленный не могъ видѣть движений этого человѣка. При подобныхъ условіяхъ *ни одинъ опытъ не удался*. Очевидно, что при первыхъ опытахъ усыпленный *видѣлъ* движения колющаго; конечно, онъ не могъ видѣть ни движений кисти руки, ни движений предплечья, онъ могъ только видѣть локоть, верхнюю часть руки и тѣла человѣка, коловшаго Бергсона; по этимъ даннымъ, усыпленный возстановлялъ направление руки колющаго и съ замѣчательною проницательностью угадывалъ мѣсто укола.

Наконецъ, два слова о послѣднемъ опыте, произведенномъ Бергсономъ. Одинъ изъ присутствующихъ писалъ карандашемъ слово, о которомъ Бергсонъ долженъ былъ думать; при такихъ условіяхъ усыпленный отгадывалъ это слово; но когда слово, которое нужно отгадать, *не писалось, а указывалось въ книгу*, то усыпленный не могъ его отгадать. Отсюда Бергсонъ заключаетъ, что усыпленный отгадывалъ слово по движению карандаша.

* * *

Эти опыты Бергсона могутъ служить отличнымъ введеніемъ въ изученію вопроса объ умственномъ внушеніи. Въ самомъ дѣлѣ, они показываютъ, съ какою осторожностью нужно относиться къ „фактамъ“ умственного внушенія. Они показываютъ также, что только опытъ, и опытъ, произведенный при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, можетъ имѣть значеніе при решеніи этого вопроса. *Не только простое наблюдение не имѣетъ почти никакого значенія, но даже опытъ, хотя бы и повторенный нѣсколько разъ, не повторенный при однообразныхъ условіяхъ, не имѣетъ большой доказательной силы.* Этотъ простой выводъ можетъ послужить основою для критики нѣкоторыхъ попытокъ доказать существование умственного воздействиія. Такъ, наприм., три члена англійскаго „Society for psychical researches“, Gurney, Myers и Podmore, издали огромное сочиненіе (vol. I, LXXXIII + 573, vol. II, XXVII + 733) „Phantasms of the Living“; въ которомъ собрано множество случаевъ умственного воздействиія одного человѣка на другого. Но если мы даже примемъ, что дѣятельность всѣхъ разсказанныхъ здѣсь случаевъ стоитъ въ сомнѣнія (а въ сущности, мы не имѣемъ для этого до-

статочного основания), то и тогда, все-таки, сочинение это останется более любопытным, чьим поучительнымъ: мы не знаемъ условий, при которыхъ произошли всѣ эти явленія, и поэтому не можемъ судить о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда авторы рассказываютъ намъ, напримѣръ, какъ спящій человѣкъ видѣть во снѣ, что съ другимъ человѣкомъ случилось какое-то несчастіе, и какъ дѣйствительно оказывается, что человѣкъ этотъ умеръ въ ту же ночь, то мы рѣшительно безсильны „дать объясненіе“ подобному явленію. Но кто знаетъ, не объяснилось-ли бы это явленіе весьма просто, если бы мы знали всѣ условия, при которыхъ оно произошло? Наконецъ, даже утвержденіе, что всѣ это случайныя совпаденія обстоятельствъ отнюдь не является чѣмъ-либо нелѣпымъ. Какъ ни велико число примѣровъ, приводимыхъ авторами, но число всевозможныхъ сновидѣній, предчувствуемыхъ и т. п. безконечно больше; такъ что, если бы только одна тысячная доля этихъ „зnamенательныхъ явленій“ оправдалась, благодаря простому совпаденію обстоятельствъ, то и тогда мы могли бы имѣть гораздо большее число „достовѣрныхъ случаевъ“, чѣмъ ихъ приведено авторами „Phantasms of the Living“. Въ подобныхъ вопросахъ всегда слѣдуетъ помнить мудрый отвѣтъ одного древняго скептика. Чтобы убѣдить его въ могуществѣ обѣщанія жертвы богамъ, его привели въ храмъ и показали изображенія людей, которые во время вораблекрушенія дали обѣтъ принести жертву богамъ, и спаслись. „А гдѣ изображенія тѣхъ, которые дали такой же обѣтъ богамъ и все таки погибли?“ отвѣтилъ скептикъ.

Нѣсколько большее значеніе имѣетъ сочиненіе Охоровича „De la suggestion mentale“. Къ сожалѣнію, это сочиненіе настолько обширно (V+541 стр.) и содержаніе его такъ разнообразно, что нѣть возможности дать о немъ понятіе въ простомъ прибавленіи.

Поэтому я перейду прямо къ статьѣ Шарля Ришѣ „La suggestion mentale et le calcul des probabilit s“ („Revue philos. 1884, № 12).

Авторъ старается опредѣлить вѣроятность слѣдующаго:

- 1) Мысль индивида передается безъ помощи внѣшнихъ знаковъ уму другого индивида, помѣщенного близъ него.
- 2) Эта умственная передача мысли имѣеть неодинаковую силу у различныхъ индивидовъ. Есть люди весьма восприимчивые, и люди мало восприимчивые, но, быть можетъ, никто не лишенъ совершенно этой способности. Способность вос-

пріятія и передачи подвержена сильнымъ колебаніямъ у однихъ и тѣхъ же людей.

3) Эта умственная передача, вообще говоря, безсознательна.

Эти положенія Рише пытаются доказать опытами трехъ родовъ.

Скажемъ сначала два слова о теоріи вѣроятностей. „Вѣроятность событія есть отношеніе числа случаевъ, благопріятныхъ ожидаемому событію, къ числу всѣхъ возможныхъ случаевъ“. (Ермаковъ, „Теорія вѣроятностей“, стр. 66). Такъ, напр., въ колодѣ 52 карты, по 13-ти картъ каждой масти: поэтому вѣроятность, что карта, вынутая мною изъ колоды наугадъ, будетъ, положимъ, черви = $\frac{13}{52}$ или $\frac{1}{4}$; въ колодѣ также 4 туза, 4 короля и т. д., поэтому вѣроятность, что карта, вынутая мною изъ колоды наугадъ, будетъ, положимъ, тузъ = $\frac{4}{52}$ или $\frac{1}{13}$.

Поэтому, если мы, положимъ, 400 разъ будемъ тянуть карту изъ колоды, то вѣроятное число случаевъ, когда мы отгадаемъ масть = 400. $\frac{1}{4} = 100$.

Перейдемъ теперь къ опытаамъ Рише.

1) *Опыты съ картами.* Опыты производились такимъ образомъ, что одинъ человѣкъ вытягивалъ карту изъ колоды, смотрѣлъ на нее, сосредоточивая на ней все свое вниманіе, а въ это время другой долженъ былъ отгадать масть карты. Рише нашелъ, что число отгадываній при подобныхъ условіяхъ нѣсколько превышаетъ (больѣе или менѣе, это зависитъ отъ восприимчивости субъекта) то число, которое слѣдуетъ по теоріи вѣроятностей. Такъ, изъ 1,833 опытовъ, удачныхъ отгадываній было 510, тогда какъ по теоріи вѣроятностей ихъ должно быть 1,833. $\frac{1}{4} = 458$.

2) *Опыты съ прутомъ.* Опыты съ картами, въ сущности, не привели почти ни къ какому результату: перевѣсь числа отгадываній при содѣйствіи умственного внушенія надъ числомъ отгадываній, которыхъ, по теоріи вѣроятностей, должны были произойти случайно, такъ незначителенъ ($510 - 458 = 52$), что строить на немъ какіе нибудь выводы было бы рисковано.

Однако, мы можемъ предположить, что умственное внушеніе существуетъ, но влияніе его обнаруживается не въ области сознательного отправленія мозга, а въ безсознательной области. Въ такомъ случаѣ, субъектъ не только не будетъ въ состояніи отдать себѣ отчетъ относительно полученного внушенія, но даже вся его сознательныя и произвольныя дѣйствія будутъ находиться въ сферѣ влиянія внушенія; за то это внушеніе будетъ имѣть влияніе на небольшія без-

сознательныхъ движений, какъ напримѣръ, иѣкоторыя мускульные движения, которыхъ можно открыть только при помощи искусственныхъ приемовъ.

Такимъ приемомъ можетъ считаться употребление тонкаго длиннаго и гибкаго прута, который держать передъ собою руками за оба его конца; при этомъ малѣйшее сближеніе рука обнаружится сгибаниемъ прута. Извѣстно, что этому приему придавали прежде мистическое значеніе, его употребляли для открытия подземныхъ водъ, золота и т. п., причемъ полагали, что прутъ сгибается *самъ собою*, указывая этимъ на мѣстонахожденіе воды, золота и т. п. Но болѣе полуѣвка тому назадъ, этимъ вопросомъ обстоятельно занялся Шеврель, который и доказалъ, что сгибаніе прута происходитъ вслѣдствіе незамѣтныхъ и бессознательныхъ мускульныхъ сокращеній. Эти сокращенія можно назвать въ извѣстномъ смыслѣ произвольными, потому что, если человѣкъ, держацій прутъ, захочетъ, ихъ не будетъ; но съ другой точки зрѣнія ихъ слѣдуетъ считать непроизвольными и бессознательными, ибо они совершаются безъ всякаго участія сознанія и воли индивида: для этого ему слѣдуетъ просто держать прутъ, не дѣлая никакихъ усилий сгибать его, но и не сопротивляясь этому сгибанию.

При помощи подобнаго прута Риш со своими друзьями отыскивали спрятанныя вещи. Чтобы дать понятіе объ этихъ опытахъ, расскажу объ одномъ изъ нихъ. Въ одномъ саду близь Парижа растетъ 13 апельсиновыхъ деревьевъ, посаженныхъ въ кадкахъ; деревья эти расположены такъ, что въ первомъ ряду ихъ 6 штука, а во второмъ—7. Риш и одинъ изъ его друзей спрятали часы подъ кадку одного изъ деревьевъ первого ряда, а другой пріятель Риш долженъ былъ отыскать спрятанную вещь, зная только то, что она спрятана подъ однимъ изъ деревьевъ первого ряда. Держа прутъ въ рукахъ, отыскивающій проходилъ передъ рядомъ деревьевъ, а сопровождавшіе его Риш и его другъ старались умственнымъ внушеніемъ сообщить ему о мѣстонахожденіи часовъ. Опытъ быстро удался, т. е., когда отыскивающій пошелъ къ тому дереву, подъ которымъ были спрятаны часы, прутъ согнулся. Опытъ былъ повторенъ, и опять такъ же удачно. Третій опытъ, произведенный уже надъ всеми 13 деревьями, не удался. Вѣроятность случайного отгадыванія въ первыхъ двухъ случаяхъ была равна $\frac{1}{6}$ въ каждомъ случаѣ, а въ третьемъ опытѣ она равнялась $\frac{1}{19}$.

Общій результатъ съ прутомъ таковъ:

Всѣхъ опытовъ было произведено 98, вѣроятное число

случайныхъ отгадываній было 18, действительное число отгадываній оказалось 44.

Какъ читатель видѣть, эти опыты съ прутомъ привели къ гораздо болѣе удовлетворительнымъ результатамъ, чѣмъ опыты съ картами. Въ самомъ дѣлѣ, предполагаемое вліяніе умственного внушенія при опытахъ съ картами обнаружилось только незначительнымъ повышеніемъ числа угадываній: вмѣсто вѣроятныхъ 458 случаевъ получались 510; при опыте же съ прутомъ это повышеніе весьма замѣтно: вмѣсто вѣроятныхъ 18 случаевъ, получилось 44.

3) *Опыты съ вращающимися столиками*,—опыты, которые Рише, для враткости, называетъ *спиритическими*.

Прежде всего Рише заявляетъ, что онъ не только не вѣритъ въ существованіе *духовъ*, но отвергаетъ даже предложеніе, будто столики движутся подъ вліяніемъ какой-нибудь особенной силы; онъ принимаетъ объясненіе Шевроля, что столики движутся вслѣдствіе безсознательныхъ мускульныхъ сокращеній у людей, которые держатъ на нихъ свои руки. Такимъ образомъ столикъ оказывается такимъ же орудіемъ для обнаруженія безсознательныхъ мускульныхъ движеній, какъ и прутъ.

Опыты были произведены Рише при содѣйствіи пяти другихъ лицъ. Они производились слѣдующимъ образомъ: за небольшимъ, круглымъ столомъ сидѣли три человѣка, положивши руки на столъ, какъ это дѣлается при опытахъ столо-верченія. Сзади ихъ помѣщался другой столикъ такимъ образомъ, что они не могли видѣть ни столика, ни лицъ, сидящихъ у этого столика. На этомъ второмъ столикѣ лежалъ сзади экрана французскій алфавитъ; за этимъ столикомъ сидѣлъ четвертый экспериментаторъ, водившій по алфавиту палочкой, указывая послѣдовательно на каждую букву. Первый столикъ, за которымъ сидѣли три „медиума“, былъ соединенъ съ электрическимъ звонкомъ такимъ образомъ, что всякое движение столика сопровождалось звономъ электрическаго звонка. Около четвертаго экспериментатора сидѣлъ пятый, роль котораго заключалась въ томъ, что онъ записывалъ, на какую букву указывала палочка четвертаго экспериментатора въ тотъ моментъ, когда раздавался звонокъ. Наконецъ, шестой экспериментаторъ, думающій о какомъ-нибудь словѣ, сидѣлъ въ сторонѣ отъ обоихъ столиковъ.

Такимъ образомъ, опытъ былъ произведенъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Человѣкъ, думающій о какомъ-нибудь словѣ, не сидѣлъ ни у движущагося столика, ни у алфавита. 2) Люди, сидящіе какъ у алфавита, такъ и у движущагося

столика, не знаютъ, какое слово задумано. 3) Тѣ, бессознательные движения которыхъ заставляютъ столикъ двигаться, не знаютъ ни того, какую букву должны они указать, ни того, какую букву они на самомъ дѣлѣ указали.

Вотъ удачнѣйшій изъ опытовъ, произведенныхъ при подобной обстановкѣ:

Задумано было слово: Chevalon.

Продиктовано было слово: Cheval.

Этотъ опытъ замѣчательенъ еще и тѣмъ, что не только никто не зналъ, какое слово задумано, но никто не зналъ даже о существованіи такого имени.

Приведу еще одинъ опытъ.

Задумано было имя: Henriette.

Первый отвѣтъ: Higiegmsd.

Второй отвѣтъ: Hippocb.

Третій отвѣтъ: Helle.

Четвертый отвѣтъ: Hegiev.

Общій результатъ всѣхъ „спиритическихъ“ опытовъ таковъ.

Число произведенныхъ опытовъ было 124, вѣроятное число случайныхъ угадываній было 3, дѣйствительное число угадываній было 17.

Такимъ образомъ „спиритические“ опыты оказались еще болѣе удачными, чѣмъ даже опыты съ прутомъ.

Всѣ эти разнообразные опыты позволяютъ, по мнѣнію Рише, сдѣлать такой выводъ:

„Вѣроятность въ пользу дѣйствительности умственного внушенія можетъ быть выражена $\frac{2}{3}$.“

А слѣдовательно, вѣроятность въ пользу того, что умственное внушеніе не существуетъ, равна только $\frac{1}{3}$, т.-е. *существование умственного внушенія вдвое вѣроятнѣе его несуществования.*

Выходы, къ которымъ пришелъ Рише, по истинѣ, могутъ быть названы замѣчательными; въ самомъ дѣлѣ, доказать, что вѣроятность существованія умственного внушенія вдвое болѣе вѣроятности его несуществованія значитъ дать ученію объ умственномъ внушеніи довольно солидное математическое основаніе. Къ сожалѣнію, выводы Рише, какъ намъ кажется, далеко не безупречны съ математической точки зрѣнія; на это указалъ уже отчасти Lechalas (въ „Revue philos.“ 1885, № 1), но намъ кажется, что противъ опытовъ Рише можно сдѣлать и другія возраженія, кроме тѣхъ, которые даны Lechalas'омъ. Но дать здѣсь подробную критику опытовъ Рише невозможно. Замѣчу только, въ заключеніе, что объ опытахъ Рише подробно говоритъ Прейеръ въ своемъ сочи-

неніи „Die Erklärung des Gedankenlesens“ (См. главу: „Ueber Experimente, welche eine unmittelbare Gedankenübertragung beweisen sollen“). Критикуя Рише, Прейеръ указываетъ, напримѣръ, на случай, когда въ обыкновенной лоттерѣ случайное уклоненіе отъ „вѣроятного“ числа выигрышной было значительное, чѣмъ въ опытахъ Рише.

Разбирая самые замѣчательные „спиритические“ опыты Рише, Прейеръ показалъ, что простой случай можетъ дать больше совпаденій, чѣмъ получиль Рише при помощи умственного внушенія. Такъ, Рише получилъ всего 13 совпаденій, а Прейеръ получилъ 20.

Вообще, Прейеръ полагаетъ, что только при значительномъ предубѣжденіи можно думать, будто опыты Рише доказали вѣроятность существованія умственного внушенія.

Мы находимъ любопытное мѣсто въ сочиненіи Гессмана „Magnitismus und Hypnotismus“. Авторъ приводитъ таблицу чертежей, выполненныхъ подъ вліяніемъ умственного внушенія. Чертежи эти суть то простыя фигуры: врестъ, ромбъ, пятиугольникъ, то фигуры болѣе сложныя: профиль лица, лошадь. У автора помѣщены рядомъ изображенія фигуръ задуманныхъ и фигуръ воспроизведенныхъ посредствомъ отгадыванія мыслей. Всѣ фигуры воспроизведены очень удачно.

Скажу, въ заключеніе, нѣсколько словъ объ опытахъ усыплениія на разстояніи, т.-е. объ опытахъ усыплениія при содѣйствіи умственного внушенія. Эти опыты довольно многочисленны; ими занимались многіе ученые. Чтобы дать о нихъ понятіе, расскажу объ одномъ подобномъ опыте, сдѣланномъ Рише (см. „Revue de L'Hypnotisme“, 2-е ann e № 8, р. 229—23). Рише усыплялъ г-жу В. ежедневно; на этотъ разъ, прия въ домъ, гдѣ она жила, позднѣе обыкновенного и торопясь уйти, Рише сказалъ ей, что онъ не будетъ ее усыплять. Узнавши объ этомъ, В. ушла въ слѣдующія комнаты, а Рише остался еще нѣкоторое время съ хозяйкой квартиры, г-жею X. Когда Рише уже прощался съ г-жею X., собираясь уходить, ему вдругъ пришла мысль усыпить г-жу В. на разстояніи. Рише подчеркиваетъ то обстоятельство, что эта мысль пришла ему уже послѣ ухода г-жи В., что онъ совершенно искренно говорилъ ей, что не будетъ ее усыплять, такъ что въ умѣ г-жи В. не могло зародиться никакого подозрѣнія. Рише сдѣлалъ видъ, что уходитъ, попрощался и громко хлопнулъ выходною дверью, затѣмъ тихонько возвратился назадъ. Рише просилъ г-жу X. не только не говорить никому (въ домѣ, кромѣ г-жи X. и г-жи В., была еще кухарка С.) о его присутствіи, но даже не видѣться ни съ кѣмъ.

Въ 6 часовъ 20 минутъ Рише начинаетъ усыплять г-жу В. на разстояніи. Г-жа В. находилась въ это время въ кухнѣ, отдѣленной отъ комнаты, въ которой былъ Рише, переднею и столовою. Въ 6 ч. 25 минутъ г-жа В. вышла изъ кухни и поднялась наверхъ въ свою комнату; но въ 6 ч. 38 м. она вновь возвратилась въ кухню. Между 6 часами 42 м. и 6 ч. 56 м. Рише дѣлаетъ новые попытки усыпить ее на разстояніи. Въ 6 ч. 45 м. г-жа В., бѣсѣдую съ кухаркой, сказала, что ей очень хочется спать и что она вся дрожитъ; чтобы прогнать сонъ, она моетъ руки въ холодной водѣ, но это ей не помогаетъ. и въ 6 ч. 52 м. г-жа Х., зайдя впервые послѣ начала опытовъ въ кухню, находитъ г-жу В. спящею. Въ 6 ч. 55 м. туда приходитъ самъ Рише и видитъ, что г-жа В. находится въ состояніи сомнамбулизма. Г-жа В. говоритъ ему: „Зачѣмъ вы не подождали меня еще немного? Я сейчасъ пришла бы въ залу, ибо вы меня звали“.

На этотъ опытъ, по мнѣнію Рише, можно сдѣлать только два вражденія: во-первыхъ, Рише имѣлъ обыкновеніе усыплять г-жу В. ежедневно между 4 и $6\frac{1}{2}$ ч., и это былъ единственный день, когда онъ ее не усыпалъ. Не уснула-ли г-жа В. самопроизвольно? Но она уснула около 6 ч. 50 мин., т.-е. тогда, когда Рише обыкновенно уже пробуждалъ ее; во-вторыхъ, если безспорно то, что г-жа В., какъ сознательная личность, не подозрѣвала о присутствіи Рише, то зато можно-ли утверждать, что она не отгадала этого безсознательно, какимъ-либо невѣдомымъ образомъ? Рише признаетъ, что не можетъ доказать, что этого не случилось.

* * *

Мы не можемъ удѣлить болѣе мяста вопросу объ умственномъ внушеніи. Хотя мы далеко не исчерпали вопроса, хотя мы даже не коснулись многихъ весьма важныхъ его пунктовъ, тѣмъ не менѣе, наше прибавленіе и безъ того вышло слишкомъ обширнымъ. Намъ остается только сказать два слова въ заключеніе. Къ какому выводу мы пришли? Доказано или не доказано существованіе умственного внушенія? Доказана-ли, по крайней мѣрѣ, его вѣроятность? Мы думаемъ, что самый благоразумный отвѣтъ будетъ таковъ: хотя не только существованіе умственного внушенія не доказано, но даже попытка доказать вѣроятность его существованія не можетъ считаться вполнѣ удачною, тѣмъ не менѣе, ученые, признающіе вѣроятность его существованія, собрали такую

Бони. Гипнотизмъ.

массу фактовъ, ихъ методы изслѣдованія такъ научны, что мы не имѣемъ права относиться совершенно отрицательно къ этому вопросу: мы должны признать, что вопросъ этотъ заслуживаетъ тщательнаго изученія.

П. М.

VII. О запрещеніи сна у сомнамбуль.

По поводу опасностей гипнотизації ¹⁾ я сказалъ:

„Наконецъ, если имѣютъ дѣло съ субъектомъ, весьма легко поддающимся гипнотизму, слѣдуетъ предупредить его обѣ этомъ и предостеречь его. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ внушить ему, что никто не будетъ въ состояніи загипнотизовать его, исключая извѣстныхъ, заранѣе условленныхъ лицъ, относительно которыхъ можно быть увѣреннымъ, и что никто не будетъ въ состояніи сдѣлать ему внушенія какъ во время сна, такъ и во время бодрствованія; это воспрещеніе нужно повторять время отъ времени“ (стр. 19—20).

Нижеслѣдующій случай показываетъ, насколько эта предосторожность можетъ быть полезна и какую силу можетъ имѣть это запрещеніе.

Я внушилъ м-ле А. Е. во время ея гипнотического сна, что никто не будетъ въ состояніи ее усыпить, исключая гг. Льебо и Льежуа. Однажды, когда я въ теченіе довольно продолжительного времени отсутствовалъ изъ Нанси и совершенно потерялъ изъ виду м-ле А. Е., я получаю отъ нея слѣдующее письмо, которое я переписываю буквально. (Нужно замѣтить, что я не говорилъ г-жѣ А. Е. обѣ этомъ запрещеніи послѣ ея пробужденія).

„Monsieur.

„Честь имѣю обратиться къ вамъ съ просьбой, которую, я въ этомъ не сомнѣваюсь, вы охотно исполните. Сообщу вамъ, милостивый государь, что я посыпаю время отъ времени кабинетъ д-ра Льебо и подвергаюсь, какъ вы знаете, его опытамъ, также какъ и опытамъ г. Льежуа. Въ послѣднее время мнѣ пришло желаніе позволить усыпить меня моему брату L., котораго я очень люблю. Для этого я пошла въ этимъ господамъ и просила ихъ снять съ меня запрещеніе, которое на меня было наложено, и сдѣлать исключение для моего брата. Они охотно исполнили мою просьбу, но

¹⁾ По поводу опасностей гипнотизма см. двѣ статьи Ф. Сарсэ въ газетѣ „Le France“, 20 и 27 марта 1886 г.

увидѣли, что имъ невозможно снять запрещенія безъ вашего согласія.

„Въ подобныхъ обстоятельствахъ я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ просьбой прислать мнѣ письменное дозволеніе быть усыпленною моимъ братомъ L.; такое средство указали мнѣ эти господа“.

„Ожидая, и т. д.

„A. E.“

Я послалъ ей письменно просимое дозволеніе, и ея братъ, который ранѣе того, не смотря на всѣ свои попытки, не могъ ее усыпить, теперь усыпалъ ее немедленно¹).

Этотъ случай, какъ мнѣ кажется, имѣть нѣкоторую важность съ точки зрѣнія теоріи сна, вызванного внушеніемъ. Для того, чтобы субъектъ уснулъ, недостаточно, чтобы онъ имѣлъ идею сна. (Здѣсь я расхожусь съ мнѣніемъ большинства авторовъ). Мало этого: въ данномъ случаѣ, молодая дѣвушка очень желала быть усыпленною своимъ братомъ и, не смотря на это желаніе, она не могла уснуть, хотя и не знала о наложенномъ на нее запрещеніи. Будучи достаточно знакома съ практикой сомнамбулизма, благодаря опытамъ, въ которыхъ она принимала участіе и увидѣвші, что ея братъ не можетъ ее усыпить, она немедленно предположила, что на нее наложено запрещеніе во время сна, и обратилась къ гг. Льбо и Льежуа, которыхъ она часто видѣла. И только послѣ новыхъ тщетныхъ попытокъ, эти господа посовѣтывали ей обратиться ко мнѣ, предположивъ, что запрещеніе было наложено мною.

Случай этотъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что m-me A. E., какъ я уже говорилъ, обладаетъ способностью самопроизвольного усыпленія.

Эти явленія, какъ мнѣ кажется, доказываютъ, что есть

¹) Какъ читатель видѣть, запрещеніе, формулированное такъ, какъ это сдѣлалъ авторъ, представляется нѣкоторыми неудобства: можетъ оказаться необходимость въ гипнотизаціи, а человѣкъ, наложившій запрещеніе, находится далеко или даже неизвѣстно гдѣ. Поэтому, я считаю болѣе рациональную другую формулу, которую я однажды и приложилъ на практикѣ. „Никто, сказаль я одной молодой дѣвушкѣ во время гипнотического сна,— никто, кроме меня и того, кому дозволить это вашъ отецъ, не будетъ въ состояній ни усыпить васъ, ни сдѣлать вамъ внушенія какъ во время сна, такъ и во время бодрствованія“.

Было бы еще лучше поставить усѣщенность гипнотизаціи въ зависимости отъ формального согласія самого субъекта (и согласія, выраженнаго извѣстною сакраментальною формулой), но я не берусь судить, насколько подобное запрещеніе будетъ дѣйствительнымъ. Было бы желательно, чтобы кто-нибудь, имѣющій подъ руками достаточный контингентъ легко гипнотизуемыхъ субъектовъ, попытался примѣнить этотъ пріемъ. P. M.

Нѣчто особенное во снѣ, вызванномъ посредствомъ внушенія, и что здѣсь мы встрѣчаемся съ особеннымъ состояніемъ мозга, какъ я уже старался это показать.

VIII. По поводу пузыря, вызванного внушеніемъ.

По поводу пузыря, вызванного внушеніемъ (см. стр. 34), г. Феррари, секретарь Общества физиологической психологіи, отыскалъ въ одномъ журналь, посвященномъ магнетизму, за 1840 годъ, сообщеніе о совершенно аналогичномъ случаѣ, который онъ и сообщилъ мнѣ.

Вотъ этотъ случай:

„Д-ръ Л. Преальмини (въ Піемонтѣ) сообщаетъ намъ о новыхъ фактахъ, относительно сомнамбулы I. Бава, о которой была уже рѣчь въ предыдущемъ номерѣ (ноябрь, 1840).

„Считая нужнымъ, для уничтоженія всѣхъ слѣдовъ прежней болѣзни Бавы, предписать ей употребленіе нарывнаго пластыря, я составилъ его, отгадаете-ли изъ чего? Просто-напросто изъ бумаги, на которой я написалъ рецептъ и которая, будучи приложеною, произвела желаемый результатъ.

„Во время ея сомнамбулическаго состоянія, я предупредилъ ее о необходимости этого средства, и она согласилась на него; но когда, послѣ ея пробужденія, я сказалъ ей, что приложу ей къ кожѣ только бумажку съ рецептомъ, она отвѣтила, что это не произведетъ никакого дѣйствія; однако, она позволила мнѣ произвести опытъ и, какъ я уже сообщаю вамъ, онъ вполнѣ удался.

„Все дѣло произошло такимъ образомъ, какъ будто былъ приложенъ обыкновенный нарывный пластырь, и даже лучше этого, ибо язва гноилась десять или двѣнадцать дней. Затѣмъ я счелъ нужнымъ повторить опытъ, чтобы лучше ознакомиться съ этимъ явлениемъ. На этотъ разъ, знаменитый врачъ г. де-Бони (Bonis) не только захотѣлъ присутствовать при опыте, но далъ даже бумагу, половину которой онъ самъ приложилъ, рядомъ съ другою половиною, приложеною мною и предварительно мною намагнитизованною. Результатъ не заставилъ себя ожидать: оба куска произвели одинаковое дѣйствіе. Мы спросили сомнамбулу о причинахъ этого явленія, и она выразила удивленіе, что мы не понимаемъ такой ясной вещи.

„Но оба куска, сказала она,—составляли только что одинъ и тотъ же кусокъ бумаги (вполнѣ справедливое утвержденіе, ибо мы разрѣзали, въ нижнемъ этажѣ, бумагу на двѣ

части въ то время, когда она находилась уже въ своей постели въ верхнемъ этажѣ). Намѣреніе г. Шреяльмини, продолжала она,—было приложить ей нарывный пластырь, отъ чего она первоначально отказалась, но затѣмъ, наконецъ, согласилась. (Замѣтьте, что сомнамбула говорить здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ). Поэтому, она не могла понять, почему нарывный пластырь, будучи разрѣзанъ на двѣ или на четыре части долженъ дѣйствовать всего только половиною или четвертою частью, тѣмъ болѣе, что весь кусокъ прошелъ предварительно черезъ руки доктора — магнетизатора, и т. д.

„Обѣ язвы сильно гноились; мы употребили затѣмъ ту же бумагу для образования фонтанели. Такъ какъ эта фонтанель сильно беспокоила больную, мы вновь привели ее въ состояніе сомнамбулизма, и она предписала намъ приложить сверху кусокъ шелковой матеріи. И въ самомъ дѣлѣ, при помошіи этого простаго средства боли почти совсѣмъ прекратились. Нужно, однако, сказать вамъ, что прежде чѣмъ указать на цѣлебное значеніе куска шелковой матеріи, она, будучи многократно спрошена нами о продолжительности ея страданій, отвѣчала намъ, что будетъ испытывать ихъ еще въ теченіе четырнадцати или пятнадцати дней, и она не ошиблась въ своемъ предсказаніи“. ¹⁾.

Все это лишній разъ доказываетъ, что магнетизаторы наблюдали большую часть явлений, существованіе которыхъ мы въ настоящее время удостовѣляемъ научно, и что если нѣкоторые изъ нихъ представляютъ публикѣ подозрительную смѣсь истины и шарлатанства, то за то среди нихъ есть другія лица, добросовѣстность которыхъ не можетъ быть заподозрѣна и опыты которыхъ имѣютъ всего одинъ недостатокъ, если только это недостатокъ, а именно тотъ, что они производятся на театральныхъ подмосткахъ.

Закончу эту замѣтку сообщеніемъ о новомъ опыте Фокашона.

Вызвавши у Элизы... пузырь посредствомъ внушенія, онъ задался вопросомъ, нельзя ли сдѣлать обратнаго опыта, т. е. нельзя ли воспрепятствовать нарывному веществу произвести пузырь.

Кусокъ нарывнаго пластыря былъ раздѣленъ на три части; первая часть была приложена на лѣвое предплечье Элизы, вторая — на ея правое предплечье, третья — на грудь од-

¹⁾ „Journal du magnétisme animal, publié sous la direction de M. J.-J.-A. Ricard“, 2-e ann e, 1840.

ного больного, которому нужно было приложить нарывной пластырь. Приложивши пластыри, Фокашонъ сказалъ Элизѣ, приведенной предварительно въ состояніе сомнамбулизма, что на лѣвомъ предплечье пластырь не произведетъ никакого дѣйствія. Это было въ десять часовъ двадцать пять минутъ утра. До восьми часовъ вечера Элиза ни минуты не оставалась одна.

Въ восемь часовъ вечера повязка была снята, причемъ сначала убѣдились, что она оставалась нетронутою. На лѣвомъ предплечии кожа оказалась неизмѣненою, а на правомъ предплечии она была красною и пузырь былъ неизбѣженъ, и въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ оба пластыря были вновь положены на свое мѣсто, то, спустя 45 минутъ, на правомъ предплечии замѣтили два пузыря, и на лѣвомъ предплечии, все-таки, ничего не было.

Что касается той части пластыря, которая была приложена въ госпиталь больному, то она черезъ восемь часовъ произвела великолѣпный пузырь.

IX. Нѣсколько словъ о школѣ Нанси.

Въ настоящее время много говорятъ о школѣ Нанси; одни упоминаютъ о ней съ похвалой, большинство нападаетъ на нее.

Однако, въ этомъ наименованіи „школа“, которое къ намъ прилагаются, есть нѣчто, въ точности не соотвѣтствующее дѣйствительности. Терминъ школа предполагаетъ собраніе связныхъ и координированныхъ ученій, гдѣ все согласовано другъ съ другомъ, однимъ словомъ, предполагаетъ сотрудничество, при которомъ всѣ члены раздѣляютъ одинъ и тѣ же идеи; въ подобномъ смыслѣ говорили нѣкогда *о школѣ Монпелье*, а теперь говорятъ *о Школѣ Сальпетріера*. Публика, которая охотно усваиваетъ готовые этикетки, не заботясь особенно объ идеяхъ, лежащихъ подъ ними, повидимому, считаетъ и школу Нанси за нѣчто подобное, и это дѣлается тѣмъ легче, что эту школу противопоставляютъ, какъ антагониста, школѣ Сальпетріера. Такимъ образомъ получаются двѣ школы; Гиппократъ говоритъ: да, а Галенъ говоритъ: нѣтъ; противорѣчіе рѣзко обозначено, положеніе ясно, а публика любить ясныя положенія въ жизни, какъ и въ театрѣ.

Вопросъ о вызванномъ сомнамбулизмѣ находится теперь въ такомъ положеніи, что мнѣ кажется полезнымъ поискать,

что есть истинного и что ложного въ этомъ названіи: школа, и опредѣлить, что нужно понимать подъ тѣмъ, что называются *школой Нанси*.

Я не стану дѣлать исторического обзора, который уже не разъ былъ сдѣланъ; я отмѣчу только главнѣйшие моменты.

Въ 1866 году г. Льебо обнародовалъ свою книгу „Сонъ и аналогичные ему состоянія“. Книга эта, какъ извѣстно, прошла незамѣченою.

Въ 1882 году г. Дюмонть, лаборантъ физики при медицинскомъ факультетѣ, присутствуя при консультаций д-ра Льебо, убѣдился въ дѣйствительности явлений, которыхъ онъ наблюдалъ, произвелъ самъ нѣсколько опытовъ въ *Asile de Maréville* и представилъ медицинскому обществу въ Нанси четырехъ субъектовъ, надъ которыми онъ продѣлывалъ нѣкоторые эксперименты. Впрочемъ, г. Дюмонть не написалъ ничего по этому вопросу.

Г. Бернгеймъ, директоръ клиники медицинского факультета, занялся, въ свою очередь, этимъ вопросомъ и издалъ въ 1884 г. работу о внушеніи, — работу, произведенную впечатлѣніе и имѣющую ту заслугу, что авторъ, расширяя воззрѣнія Брѣда и Льебо, точно опредѣлялъ роль внушенія въ явленіяхъ сомнамбулизма.

Вскорѣ затѣмъ Льежуа, профессоръ юридического факультета, имѣлъ смѣость рѣшительно вступить на стезю, намѣченную его предшественниками; онъ прочелъ передъ Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ свой „*Мемуаръ о гипнотическомъ внушеніи въ его отношеніи къ гражданскому и уголовному праву*“.

Я самъ въ 1885 г. напечаталъ ¹⁾ два этюда, составляющіе эту книгу.

Къ школѣ Нанси можно также присоединить г. Фокашона, аптекаря въ Шармахѣ (Вогезы), вмѣстѣ съ которымъ я продѣлалъ часть опытовъ, изложенныхъ въ физиологической части этого сочиненія.

Существуютъ въ Нанси еще и другие врачи, занимающіеся этими вопросами, таковъ, напримѣръ, г. Е. Леви, но я говорю здѣсь только о тѣхъ, которыхъ работы вышли отдельнымъ изданіемъ ²⁾.

И такъ, то, что называютъ *школой Нанси*, исчерпывается нѣсколькими именами. При этихъ изслѣдованіяхъ, предпри-

¹⁾ „*Revue philosophique*“ и „*Revue mÃ©dicale de l'Est*“.

²⁾ Нужно упомянуть еще о диссертациіи г. Брюляра „*ConsidÃ©rations gÃ©nÃ©rales sur l'Ã©tat hypnotique*“, которую онъ защищалъ въ 1886 г. передъ медицинскимъ факультетомъ Нанси.

нятыхъ безъ предвзятаго мнѣнія, съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ относительно большей части вопросовъ, мы пришли къ результатамъ, сходнымъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Я укажу, въ общихъ чертахъ, на эти пункты согласія.

1) Наші изслѣдованія не подтвердили существованія и характеристики тѣхъ трехъ классическихъ состояній, которыя были описаны школой Сальпетріера ¹⁾.

2) Основное значеніе внушенія при явленіяхъ сомнамбулизма было указано и поставлено виѣ сомнѣнія.

3) Въ противность общераспространенному мнѣнію, было показано, что гипнотической сонъ вызывается такъ же хорошо у нормальныхъ субъектовъ, какъ и у субъектовъ истерическихъ, у мужчинъ, какъ и у женщинъ, и что число лицъ, способныхъ дойти до сомнамбулизма, гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ ²⁾.

4) Вліяніе мозга на органическія отправленія, не подчиненные волнѣ при обычныхъ обстоятельствахъ, было показано неопровергимымъ образомъ.

5) Наконецъ, я укажу на практическія стремленія этихъ изслѣдованій, и это, могу сказать, составляетъ ихъ господствующую черту.

Въ области медицины изслѣдованія Бернгейма и Льебо показали всю выгоду, которую можетъ получить терапія отъ внушенія и сомнамбулическаго сна; они доказали, что, въ противность мнѣнію многихъ врачей, эти явленія могутъ быть съ пользою примѣнены не только при истеріи и чисто нервныхъ страданіяхъ, но и при совершенно другихъ болѣзняхъ.

Въ области судебнай медицины г. Льежуа показалъ важность этихъ явленій и необходимость обращать въ судѣ на нихъ вниманіе, подъ опасеніемъ ошибокъ, которыя могутъ быть тяжелы какъ для подсудимыхъ, такъ и для судей.

¹⁾ По этому вопросу возгорѣлась весьма оживленная полемика, см. въ особенности „Revue philos“. 1886 г. № 11. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности спора.

²⁾ Охоровичъ придумалъ особенный снарядъ: „гипноскопъ“, посредствомъ котораго онъ опредѣляетъ людей, способныхъ къ гипнозу. Этотъ гипноскопъ есть не что иное, какъ магнитъ, имѣющій форму небольшой цилиндрической трубы (5 сантим. длины и 4 сантим. въ поперечнике), со щелью, тянущуюся вдоль всей трубы; сбѣрный полюсъ находится на одной сторонѣ щели, а южный—на другой. Гипноскопы надѣваются на палецъ, и у людей, способныхъ къ гипнозу, развиваются при этомъ въ пальцѣ нѣкоторыя явленія, какъ-то: бѣганіе мурашекъ, колотье, ощущеніе тепла или холода и т. п. Охоровичъ не придастъ значенія вопросу, какія именно ощущенія при этомъ развиваются. Были устроены также и болѣе сложные гипноскопы, напр., гипноскопъ изъ четырехъ подковообразныхъ магнитовъ.

Въ области психологіи я старался доказать, что вызванный сомнамбулизмъ составляетъ драгоцѣнныи методъ опытнаго изслѣдованія, иѣчто въ родѣ духовной вивисекціи, которая, будучи употреблена съ осторожностью, можетъ послужить для рѣшенія психологическихъ вопросовъ.

Опыты Льбо, сообщенные на послѣднемъ собраніи Общества для развитія наукъ, открыли путь настоящей умственной и нравственной терапіи, и, быть можетъ, недалекъ тотъ день, когда педагогіи придется считаться съ гипнотическими приемами и когда будегъ примѣнено то, что по справедливости названо *нравственномъ ортопедіей* (ортопедія—выпрямленіе членовъ).

Таковы, мнѣ кажется, основныи черты, характеризующія то, что называютъ школой Нанси и что даетъ ей ея единство. Но это только относительное единство, и здѣсь не встрѣчаются (какъ это бываетъ въ настоящей школѣ) собранія однородныхъ и связныхъ ученикъ. Напротивъ, каждый наблюдатель имѣетъ свои собственные идеи и сохраняетъ свою индивидуальность, и было бы легко отмѣтить глубокія, даже радикальныи разногласія, которыи ихъ раздѣляютъ.

У г. Бернгейма свой способъ усыпленія, и г. Лежуа не употребляетъ тѣхъ приемовъ, какіе употребляетъ г. Льбо; каждый создалъ себѣ мало-по-малу методъ, который и сдѣлся для него обыденнымъ.

У г. Бернгейма не тѣ же воззрѣнія на отношенія гипнотизатора къ гипнотизуемому, какія у г. Льбо. Г. Бернгеймъ стоитъ на чистомъ внушеніи и остается непоколебимо на этой почвѣ, тогда какъ г. Льбо стремится пойти далѣе и я, съ своей стороны, убѣжденъ, что внушеніе не объясняетъ всего, что есть еще нѣчто другое.

Наконецъ, легко было бы указать на глубокія различія, раздѣляющія насъ въ вопросахъ нравственныхъ и психологическихъ.

Эти разногласія легко объясняются, да безъ нихъ и невозможнно обойтись въ наукѣ, которая еще не создана, которая едва только зараждается.

Но что у насъ общаго,—это присущее всѣмъ намъ сознаніе важности данныхъ вопросовъ; вѣра въ будущность этихъ изслѣдованій; глубокое, внутреннее убѣженіе, что этотъ столь осмѣянный методъ составляетъ одинъ изъ наибольшихъ успѣховъ человѣческаго ума, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ его завоеваній.

КОНЕЦЪ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе переводчика	I
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Физиологическое исследование гипнотизма	
I. Общая характеристика сомнамбулического состояния	1
II. Примечания, посредствомъ которыхъ вызывается гипнотический сонъ и пробуждение отъ него.	8
III. Измѣнение частоты биенія сердца посредствомъ гипнотического внушенія	11
IV. Краснота и приливъ крови къ кожѣ, вызванные гипнотическимъ внушеніемъ.	20
V. Пузырь, вызванный гипнотическимъ внушеніемъ.	33
VI. Динамометрическія исследования	34
VII. Исследованія остроты слуха	40
VIII. Исследованія времени реакціи на слуховые ощущенія.	43
XI. Исследованія времени реакціи на осязательные ощущенія.	46
XII. Исследованія времени реакціи на осязательные ощущенія.	49
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Психологическое исследование гипнотизма	
I. Состояніе памяти при искусственномъ сомнамбулизмѣ.	53
II. О внушеніяхъ	54
III. Внушенія во время бодрствования и состояніе сомнамбулическаго бодрствования	68
IV. О внущенныхъ галлюцинаціяхъ	75
V. О самопроизвольности въ сомнамбулизмѣ	80
VI. О состояніи ума при искусственномъ сомнамбулизмѣ.	91
VII. О сошеніи загипнотизованного съ гипнотизаторомъ.	105
VIII. Заключеніе	109
	112

См. на оборотѣ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. О внушенияхъ на долгій срокъ	117
II. Случай пластики св. Вита, излеченной гипнотиз- момъ	124
III. Замѣчанія по поводу статьи г. Боссира: „Наблюде- ніе внутреннее и наблюдение външнее, въ психо- логии“	127
IV. Объ отчетливости зрительныхъ галлюцинацій	130
V. О забвѣніи послѣ пробужденія у загипнотизован- ныхъ	131
VI. Умственное внушеніе.	133
<i>Прибавленіе переводчика</i>	138
VII. О запрещеніи сна у сомнамбуль	150
VIII. По поводу пузыря, вызванного внушениемъ	152
IX. Нѣсколько словъ о школѣ Нанси.	154

ОПЕЧАТКА: страница 143, строка 12 сверху, напечатано *всё*, следуетъ *все*.